

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 6

Киров
2016

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **М. А. Корчемкина** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Антошкина Е. А., Поддубная М. М.</i> Погоня за временем: личность руководителя в наши дни.....	5
<i>Руженцев С. Е.</i> Моральная рефлексия современной политики.....	9
<i>Тиховодова А. В.</i> Типология акторов глобального гражданского общества.....	14
<i>Хубиева З. А.</i> Политическое сознание как подсистема духовной жизни общества.....	18

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Богов В. А.</i> Этнополитические процессы в Лифляндии в начале XX в. и их отражение в периодической печати.....	23
<i>Гераськин Ю. В., Повод И. В.</i> Мусульманское население Рязанской губернии в XIX – начале XX в.: особенности социально-экономического и правового положения	31
<i>Докучаева Ю. И.</i> Образ героя в представлении комбатантов Русско-японской войны 1904–1905 гг.....	35
<i>Домский М. В.</i> Поэма «Спаситель» (Heliand): как писалось «Саксонское Евангелие».....	40
<i>Машковцев А. А.</i> Лютеране Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографический аспект.....	43
<i>Чемоданов И. В.</i> Сельское хозяйство Вятского региона в первые годы массовой коллективизации (1929–1934 гг.).....	55

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Белых А. А.</i> Агентивные номинации (Nomina Agentis) в русских говорах Удмуртии.....	70
<i>Богатырева Н. Д.</i> Экзистенциальная антропология в драмах А. П. Чехова и Леонида Андреева.....	74
<i>Гумерова Н. Р.</i> Образ гомункулуса в романе П. Акройда «Дом доктора Ди»	80
<i>Постникова С. В.</i> Прагматический потенциал сравнения и способы его реализации в речемыслительной деятельности.....	85
<i>Ситдикова Ф. Б.</i> Об имплицитной предикативности предложений-номинативов в русском и татарском языках.....	90
<i>Скокова Т. Н., Мирошниченко Г. Г.</i> Генетическая связь концепта ГАРМОНИЯ (нем. HARMONIE) в мифологии и философии с дискурсом волшебных сказок.....	94
<i>Регурецкая Е. М.</i> Кафкианский миф «превращения» в прозе Бруно Шульца.....	98

ПЕРСОНАЛИИ

Памяти Светланы Владимировны Черновой.....	102
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	103
INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	105

CONTENTS

- Antoshkina E. A., Poddubnaya M. M.* In pursuit of time: The personality of a director at the present days
- Ruzhentsev S. E.* Moral reflection of modern politics
- Tikhovodova A. V.* Typology of the actors of global civil society
- Khubieva Z. A.* The political consciousness of the spiritual life as a subsystem of a society
- Bogov V. A.* Ethnopolitical processes in Livonia at the beginning of XX century and their reflection in periodical press
- Geras'kin Y. V., Povod I. V.* The Muslim population in the Ryazan province XIX – early XX centuries: particular socio-economic and legal status
- Dokuchaeva J. I.* The Image of the Hero, Created by the Combatants of the Russo-Japanese war 1904–1905
- Domsky M. V.* The Heliand: How was the Saxon Gospel written
- Mashkovtsev A. A.* Lutherans of the Vyatka province in second half XIX – the beginning XX ages: socio-demographic aspect
- Chemodanov I. V.* Agriculture of Vyatka region in the first years of mass collectivization (1929–1934)
- Belykh A. A.* Nomina Agentis in Russian dialects of Udmurtia
- Bogatyreva N. D.* The Existential Antropology in Dramas of A. P. Chekhov and Leonid Andreyev
- Gumerova N. R.* The Figure of Homunculus in the novel “The House of Doctor Dee” by P. Ackroyd
- Koryakovsky A. A.* The enlightening activities of Venerable Tryphon of Pechenga and Venerable Tryphon archimandrite of Vyatka in the context of the organization of the orthodox mission on the Kola North and throughout the Vyatka land
- Postnokova S. V.* Pragmatic Potential of Comparison and Manners of Its Realisation in Verbal and Cogitative Activities
- Regureckaya E. M.* The Kafka`s myth of „the metamorphosis” in Bruno Schulz`s prose
- Sitdikova F. B.* Implicit predicativeness of nominative sentences in the Russian and Tatar languages
- Skokova T. N., Miroshnichenko G. G.* The Genetic Relationship of the Concept HARMONY (Germ. HARMONIE) in Mythology and Philosophy with the Discourse of Fairy Tales
- Regureckaya E. M.* The Kafka`s myth of „the metamorphosis” in Bruno Schulz`s prose
- The memory of Svetlana Vladimirovna Chernova

Погоня за временем: личность руководителя в наши дни

Каждый человек выполняет свое предназначение, реализует уникальный смысл своей жизни, ориентируясь на различные ценности нашего времени. Это помогает ему задуматься над смыслом в жизни, что само по себе является нормальным проявлением роста личности, отражая связь человека и времени.

Внутренний мир человека представлен двумя типами: ментальным и эмоциональным, поэтому говорят о двух уровнях восприятия времени – уровне чувства и уровне сознания, о двух видах представлений о времени – перцептуальном и концептуальном, где первичным является чувственное, иррациональное, психологическое восприятие времени. Оба существуют и актуализируются в сознании людей в тесной взаимосвязи, особенно когда это касается отношения к таким фундаментальным категориям, как время. Поэтому при исследовании проблемы времени следует учитывать и перцептуальный, и когнитивный аспекты в их взаимодействии, как существуют в единстве человеческое восприятие и сознание.

Every human being fulfils his destiny, realizes a unique sense of his life being guided by different values of the present time. That helps him reflect on the sense of life, that reflection in itself being a sign of normal personal development, expressing the relations of a human being and time.

The inner world of a human being is presented by two types: mental and emotional. Correspondently, two levels of time perception are said to exist – sense level and consciousness level; two levels of time vision are stated to be – perceptual and conceptual, with sensorial, irrational, psychological time perception being primary. Both are closely interrelated while existing and being actualized in the human consciousness, especially if that concerns an attitude to such a fundamental category as time. So, the problem of time being under consideration, both perceptual and cognitive aspects in their interrelation should be taken into account, as human perception and consciousness also exist in unity.

Ключевые слова: время, человек, управление, личность, руководитель, цивилизация, системность, структурность.

Keywords: Time, human being, management, personality, director, civilization, systematicity, structural properties.

Идею Коно о сложном характере влияния умственных способностей на карьеру и эффективность руководства детально разработали Ф. Фидлер и А. Лейстер. Эти ученые на основе собственных исследований пришли к выводу о том, что влияние интеллекта на эффективность руководства опосредовано рядом факторов, которые могут ослаблять позитивные корреляции данными параметрами. К их числу относятся: мотивация, опыт, отношения с вышестоящим руководством. Влияние интеллекта на эффективность зависит в первую очередь от его мотивации, стремления занимать высокие посты и добиваться высоких результатов. Скажем, руководитель с таким складом ума может считать весьма относительной свою мотивацию, оправдывая это, например, «бренностью земной жизни», ограниченностью и «одномерностью» производственной роли, относительностью ценностей успеха, карьеры и т. п., приоритетом других, внепроизводственных ценностей типа личной автономии и свободы, интеллектуального или художественного творчества, общения с интересными людьми досуга и т. п.

Высокое интеллектуальное развитие нередко сочетается с чрезмерной рефлексией и индивидуализмом, недостатком самоуверенности, решительности, а также некоторых других качеств, необходимых для карьеры и эффективного руководства. Кроме того, не отличающиеся особо высоким интеллектом руководители, опасаясь за свой авторитет, а то и должность, частенько недолюбливают «слишком умных» и стараются либо избавиться от них, либо задержать их должностной рост, не допуская к руководящим постам, дабы не делать из них потенциальных конкурентов себе [1].

Вот почему при оценке роли интеллекта в деятельности руководителя необходимо учитывать особенности его ума, которые достаточно сложно адекватно определить с помощью имеющихся тестов и методик, а также различные факторы, опосредующие влияние интеллекта. В среднем же руководители имеют более высокий уровень интеллектуального развития, чем их подчиненные. Среди них немало ярких личностей и выдающихся умов.

Интеллектуальный уровень руководителя связан с рядом других его важнейших качеств. В литературе выделяются весьма разнообразные личные качества руководителя. Их логически упорядоченный и весьма обоснованный перечень предлагает Р. Л. Кричевский [2]. Основываясь на его классификации и на материалах других авторов, к наиболее важным личностным качествам эффективного руководителя (помимо уже рассмотренного интеллекта) можно отнести следующие:

– доминантность, т. е. стремление влиять на других людей. Эта черта прямо связана со стремлением к лидерству и мотивацией руководства;

– уверенность в себе. На обладающего этим качеством руководителя можно положиться, ему можно верить, и напротив, неуверенный в себе, постоянно сомневающийся и колеблющийся руководитель не вызывает доверия и не способен объединить и мобилизовать людей на выполнение заданий;

– самообладание, эмоциональная уравновешенность и стрессоустойчивость. Руководитель должен уметь контролировать свое поведение, невзирая на эмоции, не высказывать личные пристрастия или неприязнь к отдельным работникам, быть в отношениях со всеми ровным и объективным. Конечно, он, как и любой человек, не может не испытывать положительных и отрицательных эмоций. Постоянное подавление эмоций может негативно сказаться на здоровье, вызывать различного рода неврозы, гипертонические, язвенные и другие заболевания. Поэтому очень важно находить время для эмоциональной разрядки, которую могут дать спорт, туризм, хобби, активное семейное и иное общение и т. д.;

– креативность, или способность к творчеству. Руководитель должен уметь самостоятельно мыслить, замечать и поддерживать новое, искать более эффективные пути выполнения заданий, самосовершенствоваться;

– целенаправленность, стремление к достижению цели. Руководителями чаще становятся люди целеустремленные, ставящие перед собой определенные цели и упорно добивающиеся их реализации. Это – важная составная часть мотивации руководства;

– предприимчивость, готовность к обоснованному риску. В условиях рынка менеджер должен обладать способностью замечать и просчитывать различные варианты действий и, когда это целесообразно, рисковать, стремясь при этом максимально предвидеть последствия;

– решительность, готовность брать на себя ответственность. Эффективно осуществляющий свои управленческие функции руководитель не может обращаться по любому поводу к начальству или готовить коллективные решения, снимающие личную ответственность. Он не должен упускать благоприятных возможностей достижения целей, но обязан своевременно пресекать негативные поступки и тенденции;

– надежность в отношениях с подчиненными руководством и клиентами. Не обладающий такими качествами руководитель утрачивает доверие окружающих и не может рассчитывать на их поддержку в любом деле;

– общительность, умение работать с людьми. По данным ряда исследований, руководитель затрачивает на словесное общение с людьми примерно три четверти своего рабочего времени. Если он не умеет налаживать отношения с людьми, то никогда не добьется настоящего успеха;

– способность максимально использовать возможности сотрудников путем их правильной расстановки и мотивации. Индивидуальных усилий руководителя недостаточно для успеха организации, который зависит от максимального вклада каждого сотрудника и общей сложности действий.

Для оптимального использования трудового потенциала работников руководитель должен не только обладать личным обаянием, но и хорошо знать индивидуальные возможности и особенности своих сотрудников, а отчасти и вышестоящего руководства [3].

Названные личные качества эффективного руководителя далеко не исчерпывают их полного перечня. Их существенно дополняют и конкретизируют также некоторые другие факторы успешной деятельности руководителя, в частности установленные на основе обобщения различных исследований и обширной литературы финскими авторами Т. Санталайненом, Э. Воутилайненом, П. Поренне и др. Лишь частично повторяя некоторые из уже отмеченных качеств, они акцентируют главное внимание не столько на общих чертах личности, сколько на опосредованных обучением и практическим опытом способностях руководителей [4]. К ним относятся:

- результативность и желание много работать для достижения намеченных целей;
- желание и способность нести ответственность за порученное задание и принимать рискованные решения;
- готовность начинать процессы изменений, управлять ими и использовать в интересах организации;
- готовность использовать открытый способ управления, приветствующий сотрудничество;
- искусство принимать быстрые решения;
- способность сосредотачиваться на настоящем и будущем;
- способность видеть изменения, происходящие как внутри организации, так и вне нее, и использовать их;
- готовность к близким социальным взаимоотношениям;
- готовность к общему руководству;
- творческий подход к своей работе;
- постоянное самосовершенствование и хорошая общая психическая и физическая форма;
- умение правильно использовать свое время;
- готовность к мотивированию себя и персонала;
- готовность работать во главе хорошо подготовленного, профессионального персонала;
- готовность к политическому руководству;
- международный кругозор.

Конечно, и это далеко не полный перечень качеств эффективного руководства – их значительно больше. Но едва ли все руководители, даже вполне преуспевающие, обладают таким солидным набором качеств. Какие-то из них не обязательно требуются от каждого руководителя, например необходимость «международного кругозора» зависит от особенностей тех или иных стран и предприятий. Им, несомненно, должны обладать, скажем, руководители совместных предприятий, международных организаций и т. п.

Можно сделать следующие выводы:

- во-первых, при новых формах организации труда возрастает уязвимость как служащих, так и самих предприятий. Внезапные перемены, их частота, освобождение от необходимости всю жизнь заниматься однообразной работой в одних и тех же условиях и в конце концов получить за это золотые часы дает нам свободу, но при этом служит напоминанием, что, приобретая свободу, человек почти всегда теряет уверенность;
- во-вторых, сегодня в трудовой жизни предпочтительными оказываются определенные черты характера. Способность приспосабливаться, открытость, взрывная энергия, расторопность и оппортунизм вознаграждаются как экономически, так и разными другими способами. Ответ на вопрос, почему профессия учителя отошла в последние годы на второй план, заключается именно в этом. Преподавание можно охарактеризовать как неспешную, стабильную, основанную на определенной системе ценностей деятельность. А это очень плохо согласуется с новым временем [5].

Сеннетта особенно интересуют взаимоотношения между различными сферами жизни, в основном работой и семьей. Его информанты говорят такого рода слова: «Сейчас я очень занят, и у меня не хватает времени на близких, но скоро все изменится к лучшему». Любой эксперт по управлению может подтвердить, что руководители в течение всей своей карьеры говорят именно это. Всегда одно и то же: скоро все изменится к лучшему. В наши дни подобное заблуждение уже перестало быть привилегией начальников. Служащие других сфер – журналисты, продавцы, Web-менеджеры и т. д. – ощущают, как быстрое время работы поглощает медленное время частной жизни. Такие недуги, как стресс, депрессия, бессонница, переутомление – типичные болезни руководителей, – распространяются вниз по служебной лестнице вплоть до профессиональных групп, которые не имеют даже сверхзаработков в качестве бальзама на рану. И если работа так и будет постоянно видоизменяться все быстрее (место работы, задачи, виды деятельности и т. д.) и требовать все больше и больше усилий, многие ощутят, что логика частной жизни несет в себе нечто вневременное и проблематичное. Ведь личная жизнь требует времени такого рода, которого как раз и не хватает. Легко заметить симптомы этого в отношениях между супругами, родителями и детьми [6].

То, что можно делать быстро, нужно делать быстро. На первый взгляд, может показаться хорошей идеей разделить дела, которые можно выполнить быстро, и те, на которые нужно продолжительное время.

При правильном использовании быстрое время – это прекрасно. За всю предыдущую историю никогда не было такого, чтобы множество людей могли получать столько впечатлений, как сегодня, всего лишь за один день. Некоторые критики (схожие во взглядах с Бурдые) выступают против подобной возможности, не принимая совершенно во внимание, что захватывающая ком-

пьютерная игра, проведенные в экзотических странах интересные каникулы, хаотичное брожение по просторам Интернета, свежая лента новостей – в глазах потребителей все это неоспоримые ценности. И лучше так, чем никак вообще. Ведь для многих это единственная альтернатива.

Что-то происходит медленно, что-то быстро. Вы не станете смотреть на часы за романтическим ужином, это понятно. Даже наша теоретизированная деятельность происходит с разной скоростью: одни мысли, идеи рождаются быстрее, другие – медленнее. И профессии «осваиваются» тоже по-разному: логики оказываются на вершине своей деятельности до 30 лет, метафизики, историки философии – немногим моложе 50 лет. Клод Леви-Стросс, величайший антрополог XX в., относительно много времени потратил на свою работу. Перед изданием книги в 1949 г., коренным образом изменившей современные представления о родственных связях, он провел четыре года, пытаясь понять, «почему так выходит, что индийское кастовое общество представляет собой зеркальное отражение австралийской системы родства?» [7] Если бы сложилось так, что он получил бы стипендию Норвежского исследовательского совета в начале XX столетия, через год Леви-Стросс лишился бы ее, так как его научная работа не была бы готова. Все имеет свою цену, и в зависимости от предполагаемых результатов и рода исследования эффективность в научном труде может стать смертью или спасением.

Успешно можно сделать многие вещи, не потратив на это продолжительное время, например воспользоваться лифтом, заказать авиабилеты и т. п. В сфере потребления та же ситуация. Скорее всего, вы получите мало пользы, если захотите долго изучать поверхностную литературу, купленную в ближайшем киоске, вдумчиво смотреть современные ток-шоу, основанные на придуманных историях, или разбирать по нотам последний трек новомодной поп-группы. И также, если захотите вникнуть в произведения Л. Н. Толстого или насладиться музыкой Моцарта «на бегу», навряд ли вы получите много удовольствия и пользы.

Примечания

1. Эриксен Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации: пер. с нор. М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. С. 102–108.
2. Васанов А. Ю. Первичная обработка данных психологического исследования. М.: Изд-во МосГУ, 2011. С. 25–28.
3. Хасанов И. А. Время: природа, равномерность, измерение. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 94–98.
4. Барабанщикова В. В. Модальность образной сферы как фактор оптимизации функционального состояния профессионалов в процессе психологической саморегуляции: дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. С. 100.
5. Яковлев В. П. Социальное время. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1980. С. 16–20.
6. Эриксен Т. Х. Указ. соч. С. 200.
7. Там же. С. 202.

Notes

1. Eriksen T. H. Tiraniya momenta. Vremya v epokhu informatsii. / Per. s nor. M.: Izdatel'stvo «Ves` Mir», 2003. Pp. 102–108.
2. Vasanov A. Y. Pervichnaya obrabotka dannykh psikhologicheskogo issledovaniya. M.: Izdatel'stvo MosGU, 2011. Pp. 25–28.
3. Khasanov A. I. Vremya: priroda, ravnomernost', izmereniye. – M.: Progress-Traditsiya, 2001. Pp. 94–98.
4. Barabanshchikova V. V. Modalnost' obraznoy sphery kak faktor optimizatsii funktsional'nogo sostoyaniya professionalov v protsesse psikhologicheskoy samoregulyatsii: Diss. kand. psikhol. nauk. M., 2014. P. 100.
5. Yakovlev V. P. Sotsial'noye vremya. Rostov n/D: Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1980. Pp. 16–20.
6. Eriksen T. H. Op. cit. P. 200.
7. Ibid. P. 202.

Моральная рефлексия современной политики

Статья посвящена этическим аспектам взаимодействия морали и политики. Автор анализирует проявление в социальной философии особенностей и характера морального кризиса в обществе, отражающегося на общественном сознании, идеологии и принятии политических решений. Анализируется изменение существующей ценностной системы, связанной с попыткой игнорирования моральных требований социума и установок общественного сознания. Реформирование общества, подрывающее базовые аксиологические установки, вызывает разнонаправленность моральных ориентаций и порождает состояние аномии и депривации. В результате начинают преобладать групповые интересы, вызывающие аморализм политического курса, которые подрывают стабильность существования общества. Возникает проблема социальной ответственности власти в условиях морального транзита общества, в котором нет доминирующих ориентаций, что создает опасность применения крайних методов для достижения политических целей.

The article is devoted to the ethical aspects of interaction of morality and politics. The author analyzes the manifestation of philosophy in social circumstances and the nature of moral crisis in society, affecting the social consciousness, ideology and political decisions. It is analyzed the changing of an existing value system that is associated with the attempt to ignore the moral demands of society and attitudes of social consciousness. The reform of society, undermining the basic axiological installation, causes, the different moral orientations and creates a state of anomie and deprivation. As a result, begin to dominate group interests, causing the amorality of the political course, which would undermine the stability of the society. There is the problem of social responsibility of power in terms of moral transit society in which there are no dominant orientations, which creates the danger of the use of extreme methods to achieve political goals.

Ключевые слова: мораль, идеология, политика, общество.

Keywords: morality, ideology, politics, society.

Проблемы морального измерения политики на протяжении существования российского государства показывают отсутствие сложившегося и единого нравственного поля. Поставленные цели в сочетании с реальностью всегда требуют согласования интересов, а предпринимаемые действия нуждаются в обретении нравственной опоры. Разрушение единого морального основания неизбежно вызывает преобладание узкогрупповых интересов, ориентированных на максимально разнородную систему ценностей, что порождает не только прагматичный характер действий, но и откровенный аморализм в политике. Как следствие, социальное бытие политики обращается к вполне искажённым ценностным основаниям, создавая большую автономизацию действий властных субъектов от общества и его потребностей.

С другой стороны, весь ход исторического развития российского общества показывает невозможность абсолютизации кантовского категорического императива в политической практике. Требование его максимы оказывается формальным, поскольку все политические субъекты, руководствующиеся разнородными социально-политическими интересами, должны тогда стремиться к реализации общих моральных установок. Складывается парадоксальная ситуация, что эти субъекты автоматически доверяют друг другу и заинтересованы друг в друге. Такая идеализированная предопределённость должна иметь схожие моральные ценности и ориентиры, социальные интересы, устойчивую поддержку правящей элиты со стороны общества, единство представлений всех сторон взаимодействия о добродетелях, справедливости, благе, равенстве и т. п. А это противоречит реальному историческому и политическому процессу, который показывает нам, что этические проблемы обретают острую актуальность в кризисные периоды развития общества, поскольку существующие моральные регуляторы, нормы и правила не могут способствовать достижению стабильности. Возникающий диссонанс между политикой и моралью активизирует поиски обеспечения равновесного состояния социальной практики и этических подходов, позволяя понять и обосновать перспективы общественной эволюции, приемлемые социальные модели.

П. Козловски отмечает, что «этическая координация облегчает все социальные взаимодействия», позволяя уменьшить неопределённость поведения и взаимодействия и рационализировать их [1]. Данный аспект важен, если принимать в расчёт персоналистское восприятие власти российским обществом при низком уровне доверия ко всем институтам государственного управ-

ления (за исключением президента). При этом в зависимости от «хозяйственной» роли наблюдалось колебание доверия между федеральной, региональной и местной властью в зависимости от реализации политической стабильности и материального благополучия граждан [2]. Иначе говоря, обращение государственных органов власти к учёту ценностных предпочтений и ценностных ориентаций обеспечивает поддержку действий тех или иных политических деятелей, создавая ограниченные предпосылки определения общих социальных ценностей и преодоления усилившихся корпоративных связей, которые могли бы обеспечить развитие и влияние этического фактора в российском обществе и политике.

Этическое измерение политики, с позиций объективистского подхода, возникает на основе консенсуса в обществе по поводу политических ценностей, предполагая сознательное следование моральным нормам, идеалам, социальным установкам. Тогда как субъективный подход рассматривает этические ценности как результат внутреннего опыта отдельного индивида, являясь формой сознания, окрашенной неким отношением к практической деятельности власти или политика. Однако как бы ни был индивид (политик) свободен в выборе моральных ценностей и принципов для своих действий или их оправданий, вполне очевидно влияние социальной детерминации на него. Х. Арндт отмечает, что, «когда человеческое поведение рассматривается с точки зрения морали, всё внимание сосредоточено на личности, а когда поведение рассматривается с точки зрения политики, внимание сосредоточено на мире» [3]. Но это не отвергает роли моральных установок в политической жизни и требования гуманизации взаимодействия между обществом и политической сферой.

Гармонизация социальных отношений в российском обществе, когда противопоставляются личность и общество, навязываются западные идеалы и разрушаются традиционные духовные ориентиры, игнорируются моральные нормы, приобретает особую актуальность для сохранения самой российской идентичности и адекватности политической линии. Поскольку мораль обеспечивает условия человеческого общежития, возникает задача обеспечения единства этических требований и норм и социальных оснований. Учитывая, что «актуализация смысла нравственной ценности заключается в добровольном самодеятельном согласовании чувств, стремлений и действий конкретной личности с чувствами, стремлениями и действиями другого человека и общества в целом» [4], возникает потребность в определении смысла и места моральных норм и требований общества по отношению к политике и ее носителям.

Разнонаправленность моральных ориентаций, вызывая ситуацию неуверенности и неустойчивости внутреннего состояния индивида, не может не порождать аномию и депривацию. Нравственные ориентиры подвергаются пересмотру и корректировке, позволяя характеризовать сложившееся положение как аксиологический разлом, требующий создания устойчивой системы ценностных координат и для общества, и для политики. Ведь мораль выступает в качестве оценочно-императивного отношения к окружающему миру, регулятора социальных отношений, формируя цели деятельности, корректируя потребности, а также средством обоснования мотивов и намерений. Очевидно, что пребывание длительное время российского общества в состоянии кризиса и полукризисности актуализирует этические проблемы, поскольку традиционные нормы и установки не могут полноценно функционировать и обеспечивать стабильность и развитие общества. Как отмечает А. С. Железнов, «этическое означает... саму возможность существования социальной формы в условиях этого кризиса. В одно и то же время оно является и условием, и проекцией социальной формы» [5]. Возникает естественная потребность в действенном проявлении и использовании моральных норм для воспроизводства тех или иных социальных институтов и отношений. Такой системный взгляд на единство социальных условий и моральных ценностей и норм предоставляет возможность охарактеризовать не только содержательную специфику современного общества, но определить возможные перспективы его этического совершенствования.

Тенденции развития общества и его политической сферы во многом связаны с переоценкой существующих ценностей, испытывающих воздействие глобальных, либерально-рыночных и модернизационных процессов. Сотрясающая этические установки, обеспечивавшие ранее социальное взаимодействие, складывается настоятельная необходимость сохранения тех моральных принципов и ориентаций, которые оберегают основы жизнедеятельности человека и социума. Но требуется обязательно учитывать существенное воздействие во взаимоувязке социального и этического тех квазиценностей и антиценностей, которые возникают при принятии тех или иных политических решений. Ведь современный моральный кризис в политике во многом вызван дезориентацией и внутренним кризисом самого субъекта, устремлённого на достижение лишь личных смыслозначимых целей. По мнению Н. Н. Кожевникова и Н. В. Сидоровой, «индустриальная (техногенная) цивилизация в гуманистическом измерении во многом исчерпала себя... При-

оритетные ориентиры деятельности человека: деньги, собственность, власть заострили множество проблем и привели человечество к опасной грани своего существования. ...Возросшая роль субъекта в мире, с одной стороны, и внутренний разлад и кризис самого субъекта, лишённого веры как в иррациональное начало, так и в рациональное, с другой стороны, подводят индивида к тому, что называют осознанным нигилизмом, к хаосу ценностных ориентиров» [6]. Всё очевиднее становится необходимость в условиях востребованности полицентричных систем и отношений в преодолении разобщённости социума для смягчения его конфликтогенного потенциала и развития взаимодействия на основе взаимоприемлемых этических принципов и гуманистических идеалов. Тем более что российское общество на протяжении своего существования не противопоставляло личность и общество и не отвергало инаковость и многообразие, чтобы искать возможные пути для достижения толерантности и целостности восприятия мира.

Обращаясь к этическим аспектам перспектив развития российского общества, необходимо принимать во внимание, что их оценка в современном мире основана не только на универсальных категориях и духовных ценностях. В значительной степени преобладают западные, либеральные критерии, имеющие индивидуалистическую трактовку ценностей и добродетелей. Сложившиеся обстоятельства не дают безусловной уверенности индивиду в корректности избранных им действий, не позволяют воспринимать окружающий мир в целостности и понимать значение ценностно-идеологической составляющей для определения смысла и цели своей деятельности. Периодический подрыв духовно-морального основания деформирует организованную деятельность общества, что неизбежно может превращать любой социальный идеал и идеологические принципы в оторванную от общественных интересов схему, усиливая тем самым возникающий моральный кризис как индивидуального сознания, так и политических действий. Л. Д. Рассказов, рассматривая духовный кризис начала XX в. вследствие обострения противоречия между консервативной идеологической составляющей и меняющейся средой, приходит к выводу, который применим к проблемам современного российского общества. Он отмечает, что «в период перехода общества с одними качественными характеристиками к обществу с другими качественными характеристиками и в целях снижения кризисных издержек... следует идти через создание духовного богатства, чтобы понять ошибочность или односторонность какой-либо идеи и найти поправку к ней» [7]. По сути, следует признать, что ведущую роль в определении целей и смысла, общественной и политической жизни выполняют моральные императивы, которые обеспечивают солидарность внутри социума, всеединство человеческого бытия, его гуманистические ориентиры.

Сама социальная реальность постмодернистского общества закладывает в бытие политики воздействие символического производства и использования его идей для саморефлексии как самих политиков, так и конструирования политического пространства. Очевидно, что через выявление тождества политических идей, моральных принципов и предпринимаемых политических действий возможна оценка этической адекватности проводимой политической линии потребностям конкретных социальных интересов. Отрыв от общества, как и от моральных ограничителей, неизбежно выводит политических деятелей в пространство оправдания властью любых своих действий и выбор ею произвольных и случайных действий, нарушающих социальную стабильность.

Однако политики имеют монопольное право на видение социального мира, которое связано с автономным полем борьбы за власть, оторванным от большинства общества и его интересов, что позволяет им действовать сообразно со своими позициями и представлениями о морали [8]. Такая субъективизация делает затруднительным достижение согласия политических субъектов, предоставляя фактически моральные рычаги воздействия на политический мир только обществу. Последнее берёт на себя роль своеобразного арбитра в борьбе политиков за власть и влияние на основе согласия с той или иной позицией. Гражданское сопротивление или поддержка, формирующие социальное согласие с властью и её субъектами, закладывают возможность моральной легитимации конкретной политики, а также большей независимости индивида от решений власти. На этой основе возникает «единство» этических подходов индивидуальных оценок любого политика и общественных предпочтений, превращая политическое действие в акт, который связан и с необходимостью, и с возможностью его совершения согласно избранным средствам, и согласованный с моралью.

Определяя задачу гуманизации политической деятельности, мы неизбежно сталкиваемся с многозначностью проявления добра и зла, оцениваемыми и осмысливаемыми как этическое отношение, отражающее определённый идеал о наилучшем общественном устройстве, эффективной власти, справедливых условиях существования. Сама диалектичность существования добра и зла позволяет говорить о постоянном моральном выборе действий для политика как в каждой

конкретной ситуации, так и на любом этапе общественной эволюции. А восприятие социальными группами по-разному этических ценностей препятствует определению добра, зла, справедливости, равенства и пр. в чистом виде. Как ранее отмечалось, этические ценности посредством выбора определённой идеологической ориентации оформляются в некую модель идеала, моральных императивов, помогающую в практической деятельности и политической повседневности выявлять соответствие социальной практики с этическими представлениями. Однако противоречивая политическая деятельность не может отвергать требования морали и потребности гуманизации политики. Ведь если люди, как и политические деятели, не будут следовать требованиям морали, то будут подрываться основы социальных отношений, порождая социокультурный кризис, пронизанный идеями нравственного релятивизма.

Попытки отказа от морали или её упразднения ведут к ложному пониманию при оправдании предпринимаемых действий. Тем не менее, как справедливо отмечает Г. П. Гребенник, «политический выбор есть в то же время нравственный выбор. Иначе быть не может. Поэтому из морали “выпасть” нельзя, ибо её поле шире собственно политического выбора. Точнее сказать, моральные структуры залегают глубже тех слоев, в которых плавают некоторые политики, и не подозревающие о глубине своего “водоёма”» [9]. Вследствие этого в действиях политиков моральные ценности неизбежно приобретают своё значение и ответную реакцию общества, что порождает феномен ответственности. Однако в постмодернистский период политика сосредоточена на внедрении таких видов социальной деятельности и взаимодействий, которые задают ценностные ориентиры всего общества. В результате власть целерационально стремится к контролю над людьми, устраняя любые противодействия своим интересам и целям. А такой вариант взаимодействия морали и политики не может быть приемлем для российской модернизации.

Положительно воспринимаемый свободный рынок, толерантность и культурный плюрализм неизбежно дезориентируют человека, что возлагает на политику дополнительную ответственность по выработке приемлемых ориентиров и целей социального развития с вовлечением широких слоёв в систему реализации и контроля за проводимой политикой. Осуществляя принцип солидаризма, который обеспечивает конвенциональность всей общественной деятельности, можно обозначать пути гуманизации и этические ориентиры политики. И тем самым закладываются модели политической культуры граждан, испытывающих воздействие существующих форм отношений власти и социума, сложившихся ценностных ориентаций и разнообразных традиций.

Антиномичность отношений между властью и обществом порождает стремление каждой из сторон пренебрегать моральными императивами, что сопровождается непрозрачностью принимаемых решений и существованием неэффективного взаимодействия многих управленческих структур с гражданами. Но, несмотря на это, по мнению Е. Б. Шестопал, в массовом сознании россиян ценности равенства уступили место запросу на права человека и свободную конкуренцию при снижении ценностей ответственности и активизма [10]. Несомненно, что провозглашение в Конституции страны в качестве демократического и правового государства не означает автоматической выработки тех моральных норм и принципов, которые выступают ориентиром деятельности для общества и политиков.

Либеральные идеи, отражая известные идеалы политики, оказались благодатны для кризисного состояния общества, которое пребывало длительное время в состоянии моральной дезориентации. Для российских либерал-реформаторов любые моральные апелляции к равенству, ответственности, долгу, порядку являются пережитком прошлого. Поэтому их политика в нашей стране оказалась независимой от общепризнанных моральных норм. Запрос самой эпохи реформ, нестабильного существования государства породил и продолжает порождать появление определённых политиков, пытающихся задать такие моральные принципы действий, которые не отвечают интересам и нравственным представлениям иной части общества. Несомненно, этика добродетелей как классическая форма политической морали уступает ныне место институциональной под воздействием информационных технологий, которые порождают «безразличие» к морали. Современное общество во многом лишилось согласия, что затрудняет поиск общих идей, моральных принципов и стандартов поведения. Возникают одновременно специфическая свобода выбора и факторы конфликтогенности, которые порождают не только отчуждение отдельного индивида от политики, но и существенную атомизацию общества. Начинает преобладать не строгое соблюдение моральных норм, соотнесение их на рациональных основаниях с публичной властью, а личные предпочтения и эмоции. Поэтому увеличение конфликтов при принятии решений неизбежно обостряет проблему существования и сохранения единой системы ценностей [11]. И поскольку отсутствует интерес к проектам по созданию справедливого общества, существуют серьёзные сомнения относительно возможностей по реализации общего блага, необходимо обретение смыслового содержания информации, обеспечивая взаимосвязь между человеком, мо-

ралью и политикой. А это возможно за счёт использования традиционной системы ценностей, ориентированной на духовный и культурный опыт, абсолютизм моральных норм, диалоговый характер общения [12].

Серьёзную опасность для развития и совершенствования социальных отношений представляет расплывчатость моральных норм и требований, когда и рядовые граждане, и политики позволяют себе как адаптацию морали к своим действиям, так и уклонение от её соблюдения. Возникает представление о релятивизме человеческих добродетелей [13]. Такая социальная практика противоречит традиционному российскому этическому восприятию государства и власти, призванных поддерживать органическое единство социума и осуществлять идею общего блага. Возникает явное противоречие с западноевропейской традицией солидарности, обеспечиваемой посредством права, регулирующего индивидуальный выбор и получение личного блага.

Как представляется, сложность современного морального транзита российского общества, взаимоотношений морали и политики в заметной степени связана с социальной ответственностью субъектов власти [14]. С одной стороны, можно видеть, что под влиянием массового общества и процессов глобализации возникает возможность применения коллективной ответственности, отражающейся на масштабах и направленности предпринимаемых действий. С другой стороны, складывается опасная моральная интенция на то, чтобы отвергнуть индивидуальную ответственность, прикрываясь проблемой риска на основе согласованной или достигнутой договорённости. Следствием такого поведения является не только приспособление к складывающимся социальным условиям, но и отказ от собственной субъектности, что порождает потерю ценностных ориентиров и дисперсию моральных установок. Такой отказ от субъектности может быть вызван многочисленностью социальных норм и ценностей, среди которых нет, как правило, устойчивых и доминирующих, которые не воспринимались бы в качестве «навязываемых» господствующей идеологией. А это затрудняет необходимое моральное осознание своих деяний и последующую возможность для любого политика признавать свои ошибки и искать объективные и приемлемые альтернативы. В результате складывается опасность субъективных и авантюрных действий, усиливающихся в ситуации неопределённости, которые потенциально могут быть нацелены на использование крайних методов и средств для достижения цели.

Примечания

1. Козловски П. Принципы этической экономики: пер. с нем. СПб., 1999. С. 94.
2. Шипов А. Л. Российская власть в оценках граждан (1993–2008 гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 24–25.
3. Арендт Х. Ответственность и суждение. М., 2013. С. 212.
4. Чурекова Т. М., Москаленко И. В. К вопросу о дефиниции нравственных ценностей и оснований для их выделения // Вестник КемГУ. 2011. № 2. С. 113.
5. Железнов А. С. Социальное и этическое: обоснование форм единства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2013. С. 19.
6. Кожевников Н. Н., Сидорова Н. В. Философское осмысление трансформации ценностей современного мира // Вестник ЯГУ. 2006. Т. 3, № 2. С. 78–79.
7. Рассказов Л. Д. Природа знания о духовном кризисе // Идеология: дух, смысл, разум: кол. монография. Красноярск, 2011. С. 50.
8. Соловей И. В. Философские смыслы поля политики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ижевск, 2012. С. 26.
9. Гребенник Г. П. Проблема отношений политики и морали. Одесса, 2007. С. 554.
10. Шестопал Е. Взаимоотношения граждан и власти в ходе демократического транзита в России // Логос. 2003. № 4–5. С. 184.
11. Сафонова Е. А. Основные аспекты исследования трансформации политических отношений в условиях постмодернити // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2014. № 1. С. 69.
12. Черникова В. Е. Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 3. С. 49.
13. Соммер, Дарио Салас Мораль XXI века: пер. с исп. М., 2013. С. 27.
14. Руженцев С. Е. Этическое измерение современной политики // Интеллектуальный потенциал XXI века: степени познания. 2015. № 30. С. 104–110.

Notes

1. P. Kozlowski *Principy ehticheskoj ehkonomii: per. s nem.* [Principles of ethical economy: transl. from Germ]. SPb. 1999. P. 94.
2. Shipov A. L. *Rossijskaya vlast' v ocenkah grazhdan (1993–2008 gg.): avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Russian government in the opinion of the people (1993–2008 years): abstract dis. Cand. Polit. sciences]. M. 2009. Pp. 24–25.
3. Arendt H. *Otvetstvennost' i suzhdenie* [Responsibility and judgment]. M. 2013. P. 212.

4. Churikova T. M., Moskalenko I. V. *K voprosu o definicii npravstvennyh cennostej i osnovanij dlya ih vydeleniya* [To the question on the definition of moral values and the reasons for their selection] // *Vestnik KemGU – Herald of the KemSU*. 2011, No. 2, p. 113.

5. Zheleznov A. S. *Social'noe i ehticheskoe: obosnovanie form edinstva: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Social and ethical: the justification of the forms of unity: abstract dis. Cand. Philosophy]. Yekaterinburg. 2013. P. 19.

6. Kozhevnikov N. N., Sidorova N. V. *ilosofskoe osmyslenie transformacii cennostej sovremennogo mira* [Philosophical understanding of the transformation of the values of the modern world] // *Vestnik YAGU – Herald of the YaSU*. 2006, Vol. 3, No. 2, pp. 78-79.

7. Rasskazov L. D. *Priroda znaniya o duhovnom krizise* [The nature of the knowledge about the spiritual crisis] // *Ideologiya: duh, smysl, razum: kol. Monografiya – Ideology: spirit, meaning, mind: coll. monograph*. Krasnoyarsk. 2011. P. 50.

8. Solovei I. V. *Filosofskie smysly polya politiki: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Philosophical meanings of the political field: abstract dis. ... Dr Philosophy] Izhevsk. 2012. P. 26.

9. Grebennik G. P. *Problema otnoshenij politiki i morali* [Problem of the relationship of politics and morality]. Odessa. 2007. P. 554.

10. Shestopal E. *Vzaimootnosheniya grazhdan i vlasti v hode demokraticeskogo tranzita v Rossii* [Relationship between citizens and government during democratic transit in Russia] // *Logos – Logos*. 2003, No. 4-5, pp. 184.

11. Safonova E. A. *Osnovnye aspekty issledovaniya transformacii politicheskikh otnoshenij v usloviyah postmoderniti* [Basic aspects of the study of transformation of political relations in terms of postmodernity] // *estnik Sibirskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta- Herald of the Siberian State Industrial University*. 2014, No. 1, p. 69.

12. Chernikova V. E. *Konflikt traditsionnyh moral'nyh cennostej i cennostej informacionnogo obshchestva* [Conflict between traditional moral values and values of the information society] // *Vestnik Adygejskogo gos. un-ta. Ser. 1: Regionovedenie, filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya – Herald of Adygheyan State University. Ser. 1: Area studies, Philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*. 2014, No. 3, p. 49.

13. Sommer, Dario Salas *Moral' XXI veka: per. s isp.* [Moral of the XXI century: translated from Spanish]. M. 2013. P.27.

14. Ruzhentsev S. E. *Ehticheskoe izmerenie sovremennoj politiki* [Ethical dimension of modern politics] // *Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznaniya – Intellectual potential of the XXI century: stages of knowledge*. 2015, No. 30, pp. 104-110.

УДК 316.3

А. В. Тиховодова

Типология акторов глобального гражданского общества

В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов концепции глобального гражданского общества, касающийся типологии негосударственных участников международных отношений. Акцентируется внимание на неоднозначности термина «негосударственные акторы мировой политики». Обобщен опыт теоретического исследования данной проблемы, выделены существующие варианты их типологии на основании различных критериев. Обозначены институты глобального гражданского общества в зависимости от парадигмы его понимания. Обосновывается преимущественное значение международных неправительственных организаций как акторов глобального гражданского общества, представлены их разновидности. Подчеркивается воздействие акторов глобального гражданского общества на процесс глобализации в зависимости от отношения к ее противоречивым процессам, и выделены стратегии их поведения. Указаны формы глобально-го протеста институтов гражданского общества против глобализации на международном уровне.

The article discusses one of the controversial issues of the concept of global civil society relating to the typology of non-state participants of international relations. Focuses on the ambiguity of the term «nonstate actors in world politics». The experience of theoretical research of this problem, highlighted existing typologies based on various criteria. The designated institutions of global civil society, depending on the paradigm of his understanding. Justified priority international non-governmental organizations as actors of global civil society, presented their varieties. Emphasizes the influence of actors in global civil society to the globalization process depending on the relation to its contradictory processes and highlighted strategies for their behavior. Specified forms of global protest of civil society against globalization at the international level.

Ключевые слова: глобальное гражданское общество, акторы глобального гражданского общества, критерии, международные неправительственные организации, общественные движения, мозговые центры, глобализация.

Keywords: global civil society, actors of global civil society, the criteria of the international non-governmental organizations, social movements, think tanks, globalization.

Глобализация привнесла много новых моментов в систему международных отношений, вызвав к жизни новые формы взаимоотношений на международной арене или придав новое качество ранее известным. Одним из таких явлений международной жизни является выход на мировую арену в качестве автономных участников политических процессов негосударственных действующих лиц, которые иногда именуют негосударственные акторы. Международные неправительственные организации, концентрирующие свою деятельность в области экономического развития и социальной инфраструктуры, весьма активны и влиятельны в современном мире. Государствам приходится считаться с ними, учитывать их в своей внутренней и внешней политике и даже соперничать друг с другом за привлечение их на свою сторону. Следствием этого явилось возникновение в конце XX в. концепции «глобального гражданского общества» (К. Буз, С. Джил, Р. Лепсхетц, Д. Кин, М. Калдор и др.). Глобальное гражданское общество описано ими как пространство идей, ценностей, институтов, организаций, сетей и индивидов, находящееся между семьей, государством и рынком и действующее поверх границ обществ, государств и экономик [1].

Одним из дискуссионных вопросов данной концепции является понимание самого термина «акторы», или институты глобального гражданского общества и характер их влияния на мировые процессы. Под институтами гражданского общества понимают устойчиво воспроизводимые, имеющие пространственно-временную протяженность наборы правил и ресурсов. Институциональные основания для рассмотрения деятельности гражданского общества на глобальном уровне были впервые сформулированы в период 1970–1980-х гг. Поэтому принято считать, что первыми полноправными акторами глобального гражданского общества являлись антисоветские движения реформистского типа, охватившие Восточноевропейский регион в то время, а также группы, борющиеся за демократизацию политических режимов стран Южной Америки в целом, вне зависимости от их географического положения [2]. К негосударственным участникам международных отношений и мировой политики относят крайне разнородную совокупность действующих в мировом политическом пространстве организаций, движений, групп, других социальных общностей и отдельных лиц, оказывающих влияние на происходящие здесь процессы, независимо от контроля со стороны государств и их объединений.

Согласно трем основным парадигмам понимания глобального гражданского общества можно выделить следующие типы его акторов. В рамках активистской парадигмы глобальное гражданское общество понимается в качестве состоящего из новых социальных движений, зарождение структурной основы которых пришлось на вторую половину XX в. К таким движениям относятся: интернациональное пацифистское движение, феминистское движение, движение в защиту прав и свобод граждан, движение в защиту окружающей среды. Все эти новые социальные движения представляли область интересов простых граждан, стремящихся решить конкретные вопросы и достичь стоящих перед ними целей. Были созданы такие институты, как международные суды и комиссии по вопросам, касающимся интересов простых граждан, а не сферы межгосударственных и других политических и экономических отношений. Согласно неолиберальному подходу глобальное гражданское общество, основываясь на нормах и ценностях западной цивилизации, транслирует их далее на другие страны. Ключевыми агентами влияния глобального гражданского общества являются не социальные движения, как таковые, а конкретные неправительственные и некоммерческие организации (НПО и НКО). Эти организации не только сдерживают власть государства, но и действуют как аналог многих функций, традиционно осуществляемых государством. Однако международные преступные группы, революционные, террористические объединения, преследующие идеи, отторгаемые странами Запада, в число акторов глобального гражданского общества не включаются. Согласно постмодернистскому подходу глобальное гражданское общество состоит из большого числа компонент, в сумме составляющих национальные гражданские общества разных стран, а также представляющих институты различных культур. Глобальное гражданское общество включает группы с широким разбросом взглядов – от расистов, крайних националистов и религиозных фундаменталистов, которые используют глобальные коммуникации и транснациональные сети, покровительствующие нетерпимости и насилию, до тех, кто содействует прогрессивным ценностям. Именно различные проявления деятельности гражданских обществ в разных странах задают содержание термина «глобальное гражданское общество», а не универсальное [3].

Следствием неоднозначного понимания содержания понятия «негосударственные акторы международных отношений» является дискуссионность вопроса о типологии негосударственных участников международных отношений и мировой политики. Интересной представляется точка

зрения П. А. Цыганкова, согласно которой к негосударственным акторам международных отношений можно отнести огромное количество туристов, которые ежедневно пересекают национальные границы в самых различных направлениях, сближая и одновременно сталкивая самые различные культуры; работников-мигрантов, которые трудятся в большинстве более или менее развитых стран, влияя на существующую в них социальную и правовую обстановку; мелкие и средние предприятия со смешанным капиталом и управлением, что воздействуют на конкурентоспособность в самых различных отраслях государственной экономики; транснациональные корпорации, которые способны осуществлять контроль над целыми секторами национального хозяйства, над политикой налогов и ставками центральных банков; международные неправительственные организации (МНПО), в корне меняющие роль государства как международного актора и характер мира в целом; мегаполисы и регионы различных стран – они создают самостоятельные по отношению к центральной власти соответствующих государств связи взаимного сотрудничества в самых различных областях – от культурного взаимодействия до совместных производственных комплексов (Нью-Йорк, Чикаго, Лондон, Милан, Париж, Шанхай, Сингапур и др.); мировые СМИ – они все чаще не только отражают происходящие события, но и используют их для создания искусственной картины мира и манипулирования общественным сознанием в политическом направлении, выгодном для тех или иных заинтересованных кругов; международные партийные интернационалы, профессиональные трансграничные сообщества, религиозные объединения, протестные социальные и политические движения и группы, выступающие в различных странах; интернет-сообщества, которые не просто живут в собственном виртуальном мире, но и серьезно воздействуют на реальные политические ситуации; транснациональные преступные сети и террористические структуры [4]. Вопрос о причислении к акторам глобального гражданского общества межправительственных объединений является дискуссионным. Ряд авторов считают их либо государственными участниками мировой политики, либо занимающими промежуточное положение между институтами государства и глобального гражданского общества.

Все же ядром институциональной структуры глобального гражданского общества можно считать международные неправительственные организации (МНПО). Их количество стало интенсивно расти в конце XX в. В 1900 г. насчитывалось 69 МНПО, в 1990 г. их было 31 тыс., а в 2000 г. насчитывалось свыше 37 тыс. глобальных НПО. В 1946 г. Экономический и социальный Совет ООН предоставил консультативный статус 41 МНПО, в 1968 г. такой статус имели уже 377 МНПО, в 2000 г. – более 1350. При этом были разработаны формальные юридические критерии для предоставления МНПО консультативного статуса. Согласно резолюции ЭКОСОС ООН 1296 (XIV) от 23 мая 1968 г. такие организации должны: носить представительный характер и пользоваться установившейся международной репутацией; представлять значительную часть населения и выражать точку зрения основных слоев населения или организованных лиц в своей области деятельности, охватывая, по возможности, значительное число стран в различных районах мира; иметь постоянный центр; иметь устав, принятый демократическим путем; быть международными по своей структуре, а члены ее должны пользоваться правом голоса в вопросах общего курса мероприятий этой организации; основные средства международных организаций должны состоять из взносов национальных отделений, индивидуальных членов. Источники добровольных взносов должны быть прозрачными. Согласно Резолюции ООН МНПО является любая неправительственная организация, учрежденная не на основании межправительственного договора, не преследующая своей целью извлечение коммерческой прибыли, а также имеет представительную структуру, располагает соответствующими механизмами отчетности перед своими членами; ее члены осуществляют эффективный контроль над ее политикой и деятельностью [5]. Обращают внимание в данном определении акцент на демократическое устройство и управление МНПО и некоммерческий характер деятельности.

Критериями типологии МНПО могут быть область деятельности (гуманитарная, медицинская, религиозная, профессиональная и т. п.), преследуемые ими цели (природоохранные, правозащитные, протестные и т. п.), легитимность или не легитимность работы, формальность или не формальность состава и членства (например, антиглобалистские движения) и т. д. Также выделяют НПО: 1. НПО, ориентированные на исследования и распространение информации среди лиц, принимающих решения, и широкой общественности. Большинство из НПО этого типа – общественные или частные мозговые центры. Их метод действий – научные публикации, проведение конференций и семинаров, сообщения в СМИ. 2. Лоббирующие НПО фокусируют свою деятельность на защите или оппозиции конкретных политических курсов, проводимых правительствами или международными организациями. Они привлекают внимание СМИ для оказания давления на правительства и используют международные форумы для озвучивания своих позиций. 3. Посреднические НПО предоставляют сетевые услуги. Они устанавливают контакты (внут-

ри стран и на международной арене) и распространяют информацию по важным для них вопросам. Для МНПО начала XXI в. характерны: увеличение их количества и числа людей, вовлеченных в эту деятельность; расширение географии деятельности; усиление политического влияния; расширение спектра вопросов, которыми они занимаются.

Д. Кин, анализируя воздействие акторов глобального гражданского общества на процесс глобализации, выделил позиции четырех их категорий: «сторонники», «альтернативисты», «изоляционисты» и «реформаторы» [6]. «Сторонники» принимают глобализацию в ее нынешнем, неолиберальном варианте, «изоляционисты» и «альтернативисты» выступают с прямо противоположных позиций, отвергая саму капиталистическую основу, на которой та развивается. К тому же, если «изоляционисты» протестуют против глобализации, как таковой, т. е. предстают антиглобалистами в чистом виде, то «альтернативисты», скорее, глобалисты, чем антиглобалисты. Не стремясь трансформировать или реформировать глобальный капитализм, «альтернативисты» противостоят всепоглощающему рынку и пытаются создать альтернативное ему пространство. Они озабочены не только экономическими и экологическими издержками капитализма, но и политическими и культурными проблемами, порождаемыми им. «Реформисты» ставят перед собой задачу придать процессам глобализации более цивилизованный характер, реформировать мировые экономические институты, усилить ориентацию на ценности социальной справедливости.

Кроме МНПО важнейшими акторами глобального гражданского общества являются общественные движения, группы на местах, сети и мозговые центры. Общественные движения – более аморфные организации, часто полагающиеся в своей работе на волонтеров. Общественные движения как элементы глобального гражданского общества могут быть консервативными, революционными, или и теми, и другими, или же ни теми, ни другими. Сети – коалиции НПО и общественных движений, часто использующие возможности Интернета для озвучивания собственных позиций. В частности, развиваются контррегемонистские (контрнеолиберальные) коалиции, борющиеся за более равномерное, чем в прошлом, распределение власти. Такие коалиции включают в себя рабочие движения, большинство экологических групп, организации семейных ферм, коалиции против бедности, организации международного развития и правозащитные движения (например, коалиция «Пятьдесят лет достаточно»). В отличие от НПО и общественных движений мозговые центры обычно более близки к правительствам и способны сформулировать конкретные политические предложения. Рост мозговых центров и комиссий, занимающихся глобальными вопросами, в 1980–1990-х гг. является еще одним свидетельством развития глобального гражданского общества.

Еще одним критерием типологии негосударственных акторов может быть их стратегия деятельности относительно глобализации. Разные акторы современного глобального гражданского общества выбирают свою стратегию в зависимости от отношения к противоречивым процессам глобализации, а также от геополитического контекста представительства (Юг – Север). Исследователи Лондонской школы экономики классифицируют МНПО относительно отношения к глобализации: безусловная поддержка; регрессивная глобализация; реформирование ее проекта; отказ от глобализации или отрицание ее [7]. Эти позиции определяют стратегии акторов глобального гражданского общества относительно глобализации. Спектр стратегий глобального гражданского общества – от партнерства со структурами ООН, государствами и транснациональными корпорациями в сфере гуманитарной политики до традиционных антиглобалистских движений и антивоенных протестов, активности в сфере защиты прав человека и глобальной экологии. Формами глобального протеста акторов гражданского общества являются: параллельные саммиты, «Анти-Давос», массовые акции, демонстрации протеста.

Итак, концепция глобального гражданского общества используется для описания самых разнообразных негосударственных гражданских акторов, вовлеченных в деятельность ООН и других межгосударственных объединений. Указанная концепция стремится легитимировать участие НПО и других негосударственных акторов в процессах международного нормо- и правотворчества или признать за ними возможность применения норм международного права, а также определить место акторов глобального гражданского общества в системе международных отношений, характеризующейся доминированием межгосударственных отношений. Конечно, никакая типология акторов не может быть окончательной, если речь идет о таком сложном и многообразном феномене, как глобальное гражданское общество.

Примечания

1. См.: Кочетков А. П. Гражданское общество в фокусе политической науки (историографический обзор) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 1. С. 43.
2. Белов К. В. Модели понимания концепции глобального гражданского общества // Политика и общество. 2011. № 12. С. 28.

3. Капустин А. Я. Некоторые вопросы методологии исследования категории глобальное гражданское общество в международном праве // Правоведение. 2010. № 1. С. 71–83; Ерофеева П. Глобальное гражданское общество как реальность, нормативный конструкт и идеология // Власть. 2011. № 11. С. 128–129.

4. Цыганков П. Негосударственные участники мировой политики // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2013. № 9. С. 5–17.

5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Мероприятия по консультациям с неправительственными организациями» № 1296 (XIV) от 23 мая 1968 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/007/91/IMG/NR000791.pdf>

6. См.: Гайнутдинова Л. А. Акторы глобального гражданского общества и их стратегии // Конфликтология. 2010. № 3. С. 78.

7. Kaldor M., Anheier H., Glasius M. Global civil society in an Era of Regressive Globalization // Global civil society 2003 / M. Kaldor, H. Anheier, M. Glasius. Oxford, 2003. P. 5–7.

Notes

1. See: Kochetkov A. P. *Grazhdanskoe obshchestvo v fokuse politicheskoy nauki (istoriograficheskij obzor)* [Civil society in the focus of political science (historiographical review)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki.* - Herald of Moscow University. Ser. 12. Political science. 2014, No. 1, p. 43.

2. Belov K. V. *Modeli ponimaniya koncepcii global'nogo grazhdanskogo obshchestva* [Model of understanding of the concept of global civil society] // *Politika i obshchestvo – Politics and society.* 2011, No. 12, p. 28.

3. Капустин А. Я. *Nekotorye voprosy metodologii issledovaniya kategorii global'noe grazhdanskoe obshchestvo v mezhdunarodnom prave* [Some questions about methodology of the category of global civil society in international law] // *Pravovedenie – Jurisprudence.* 2010, No. 1, pp. 71-83; Ерофеева П. *Global'noe grazhdanskoe obshchestvo kak real'nost', normativnyj konstrukt i ideologiya* [Global civil society as a reality, normative construct and ideology] // *Vlast' - Power.* 2011, No. 11, pp. 128-129.

4. Tsygankov P. *Negosudarstvennye uchastniki mirovoj politiki* [Non-state actors in world politics] // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2013, No. 9, pp. 5-17.

5. Resolution of the UN General Assembly "Arrangements for consultation with non-governmental organizations" № 1296 (XIV) of 23 may 1968. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/007/91/IMG/NR000791.pdf>

6. See: Gaynutdinova L. A. *Aktory global'nogo grazhdanskogo obshchestva i ih strategii* [Actors of global civil society and their strategies] // *Konfliktologiya – Conflictology.* 2010, No. 3, p. 78.

7. Kaldor M., Anheier H., Glasius M. Global civil society in an Era of Regressive Globalization // Global civil society 2003 / M. Kaldor, H. Anheier, M. Glasius. Oxford, 2003. P. 5–7.

УДК 130.3

З. А. Хубиева

Политическое сознание как подсистема духовной жизни общества

В статье исследуются уровни политического сознания, их особенности и роль в духовной жизни общества. На основе рассмотрения различных точек зрения автор пытается обосновать научность и не научность идеологии, ее влияние на другие формы общественного сознания.

The article examines the levels of political consciousness, their characteristics, peculiarities and role in the spiritual life of society. On the basis of consideration of different points of view the author tries to justify the scientific and non-scientific ideology, its impact on other forms of social consciousness.

Ключевые слова: политическое сознание, уровни, политическая психология, политическая идеология, политические отношения, научность, истина, ложь.

Keywords: political consciousness, levels, political psychology, political ideology, political relationships, scientificity, true, false.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что общественное сознание оказывает все большее влияние на все стороны жизни современного общества. В сфере форм общественного сознания важнейшей подсистемой духовной жизни общества является политическое сознание.

Политическое сознание – это такая форма общественного сознания, которая обусловлена главными интересами социально-классовых групп общественно-политических учреждений. По-

литическое сознание включает в себя две ступени: политическую психологию и политическую идеологию.

Политическая психология и политическая идеология детерминированы той стороной экономической структуры социума, которая связана с наличием партий, классов, социальных групп, с отличиями между людьми в социально-экономическом отношении. При этом в максимальной степени политическое сознание связано с политическими отношениями.

Однако, говоря о политическом сознании, некоторые исследователи пытаются включить политическую идеологию в политические отношения [1]. Представляется, что не следует полностью приравнять политическую идеологию и политические отношения – как нельзя ставить знак равенства между духовной деятельностью вообще и сознанием, теорией и практикой, так как это ведет к принижению теории.

Политические отношения появляются, проходя через общественное сознание. Следовательно, политические отношения не могут существовать без политического сознания. При этом указанные отношения выступают как объективно существующие, реальные отношения, субъектами которых являются общественные группы, классы, политические партии и т. д. Представляется, что политические отношения – это отношения масс к государству и правительству, а также отношения между партиями, нациями, государствами и т. д. Следовательно, эти отношения выражают отношение к вопросу об устройстве государственной власти.

С нашей точки зрения, государство выступает одним из существенных объектов и субъектов политических отношений. Личность в политических отношениях является субъектом социальных объединений людей, их общностей.

Данные отношения выходят за пределы отношений классов в сфере экономики. Своеобразие политических отношений заключается в том, что они являются взаимоотношениями классов, партий как политических сил и власти.

При этом эти отношения неизменно выступают в конкретно-исторической форме. Например, в современной России существенным субъектом политических отношений выступают политические партии.

С нашей точки зрения, совершенствование политических отношений детерминировано материальными отношениями, ибо нерешенные экономические требования обуславливают возникновение политических лозунгов, формирование новых политических реалий и т. д.

Говоря об уровнях политического сознания, следует также отметить, что в политической психологии социально-экономическая и политическая жизнь отражается непосредственно, проявляется в постоянных антипатиях или симпатиях, которые наличествуют между классами, общественными группами, нациями и т. д. На ступени же идеологии познаются коренные интересы социальных групп, классов и государства не непосредственно, а в виде научного взгляда.

Заметим, что настроения масс, чаяние и надежды людей, традиции, и т. д. – это феномены объективные, с которыми государства, партии, теории и политическая практика в целом не могут не считаться.

Говоря о необходимости учета указанных объективных явлений при разработке политической теории, Гегель пишет: «Сколь слепы те, кто полагает, что можно сохранить учреждения, конституции, законы, живой дух которых исчез и которые не соответствуют более настроениям, нравам, потребностям и взглядам людей; что формы, к которым не проявляют больше интереса рассудок и чувство, достаточно могущественны, чтобы и впредь служить узам, объединяющими народ» [2].

Представляется, что политическое сознание отличается от других форм общественного сознания не только особым объектом отражения и соответственно своеобразным понятийным аппаратом, но и более определенно выраженным субъектом познания. Разумеется, в политическом сознании социума определенное место занимают и понятия, выражающие общезначимые политические ценности (свобода, демократия, разделение властей, гражданское общество и т. д.), но все-таки доминируют те традиции, чувства, концепции, которые циркулируют непродолжительный период. Это объясняется тем, что возникновение политического сознания обусловлено расколом общества на социальные группы с противоположными социально-экономическими интересами, а также с появлением полиэтничных государственных образований с довольно непростыми отношениями между населяющими их народами и т. д.

Говоря о политической идеологии, следует отметить, что на формирование политической теории значимое влияние оказывает общественная среда. В этой связи К. Поппер пишет: «Социальная среда мыслителя определяет целую систему убеждений и теорий, которые представляются ему, безусловно, истинными или самоочевидными... Поэтому он даже не отдает себе отчет в том, что вообще принимает какие-либо допущения. Но то, что он на самом деле принимает допу-

щения, можно увидеть, если сравнить его с мыслителем, живущим в другой социальной среде. Этот второй мыслитель также исходит из системы безусловных, как ему кажется, допущений, но уже совершенно иной, которая может быть настолько иной, что между этими двумя системами вообще может не существовать никакого интеллектуального моста, невозможен никакой компромисс. Каждую из таких различных социально детерминированных систем допущений социологического знания называют тотальной идеологией» [3]. Заметим, что Гегель различие между идеологиями проводил по государственно-этническим границам и в связи с этим говорил о едином «национальном духе». Но под влиянием учения К. Маркса в социальной философии возникла концепция о существовании нескольких, причем иногда противоположных «тотальных идеологий» внутри одной нации, которые адекватны определенным классам, социальным слоям или общественным стратам данного социума. Вместе с тем следует отметить, что взгляды Гегеля и Маркса не исключают друг друга: на разных периодах совершенствования одного и того же общества на первый план может выходить либо один, либо другой взгляд.

В этой связи стоит отметить, что в политическом сознании желания классов и общественных групп выступают как проявление их воли, как волевое отражение действительности.

Говоря о единстве мышления и воли, Г. Гегель пишет: «Не надо представлять себе, что человек является, с одной стороны, мыслящим и, с другой стороны, болящим, что у него в одном кармане мышление, а в другом воля... Различие между мышлением и волей есть лишь различие между теоретическим и практическим отношением; но они не представляют собою двух способностей: она есть мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие» [4].

Воля есть вид детерминации – самодетерминация деятельности мозга, осознаваемая человеком феноменологически и направленная на достижение определенных целей. Следовательно, воля – это способность человека к выбору деятельности и внутренним усилиям, необходимым для достижения целей. И роль волевого фактора субъекта политики будет тем выше, чем его политические идеи, цели будут выступать в форме теоретических положений и более глубоко осознанной целенаправленной воли.

Представляется, что в политическом сознании наряду с традициями, концепциями, связанными с нациями, классами, государствами, всегда присутствуют положения, выражающие такие политические ценности, как идея правового государства, демократия, гражданское общество и т. д.

При этом политическое сознание проявляет обратное воздействие на социально-экономические процессы. Вместе с тем оно оказывает более эффективное воздействие на государство, политические решения, политические и экономические реформы, чем другие формы общественного сознания. Представляется, что политическая идеология проявляет себя как наиболее активная формирующая, мобилизующая и обновляющая сила, как важный способ борьбы за реализацию главных интересов классов, государства. Это требует уделять огромное внимание идейно-политическому влиянию на народные массы, на желание их к сознательному участию в деятельности государства, политических партий и т. д. Заметим, что по вопросу связи масс с какой-либо политической идеологией в разных социумах происходит непрерывная идеологическая борьба между многообразными социально-политическими силами. При этом такая борьба нередко связывается с политически полезным применением государством, политическими силами разных стран понятия «демократия», «свобода» и других «модных» политических понятий. Данную «игру в понятия» четко выразил Н. А. Бердяев. Говоря о том, что социально-политические категории, слова и т. д. нередко обладают магической властью над людьми, воспринимающими эти категории на веру, «без всякого самостоятельного акта воли и мысли», не понимая часто их связи с чужим опытом, их неадекватность содержанию, стремился выявить общественно-психологическое содержание этого феномена. Н. А. Бердяев утверждает, что удачно применять политические категории независимо от природы их связи с объективной реальностью могут только те социально-политические силы, которые имеют выраженную энергию духа, мощной волей и творческой идеей. По его мнению, лишь такие силы играют эффективную роль в упрочении или преобразовании общественно-политического строя и социальной системы [5].

Таким образом, политическое сознание, его идеология оказывают существенное влияние на материальную и духовную жизнь общества. Но эффективность указанного воздействия зависит от того, в какой степени политическая теория является научной и выражает интересы людей, прогрессивных политических сил.

В этой связи следует отметить, что поскольку идеология есть явление духовное, то невольно возникает потребность и необходимость оценивать ее в гносеологических категориях истинного и ложного.

Как известно, идеология зародилась в XIX в. и в то же время подверглась острой критике. Но наиболее разрушительной критике в XX в. традиционная и «новая» идеология была подвергнута неомарксистами. В своих работах такие американские неомарксисты, как Д. Белл, Э. Шилз, Ф. Фукуяма и др., пытались обосновать окончание идеологии.

Так, например, Ф. Фукуяма считает, что одновременно с «потерей» марксистской идеологией движущей роли во внешней политике России и Китая формируется такой «деидеологизированный мир в сумме своих характеристик», который уже не отличается «от того мира, в котором мы живем» [6]. В этой связи заметим, что еще в первой половине XIX в. в период Реставрации во Франции были распространены высказывания об идеологии как о ложном сознании. Подобные суждения высказывались в нашей стране и в постсоветский период. Так, например, Э. Шеварднадзе утверждал: «...идеология – искажение самого себя, других и всего мира вокруг нас» [7].

Однако, говоря об истинности и ложности идеологии, нельзя не учитывать высказывание Гегеля о том, что само истинное есть «единство противоположностей» [8]. Представляется, что, говоря об истинности идеологии, следует сказать, что в одном аспекте она выражает интересы конкретных социальных групп, в другом аспекте смыкается с общечеловеческими ценностями, идеями гуманизма и демократии. Разумеется, что политическая теория является наиболее научной, когда она, адекватно отражая интересы прогрессивного класса, раскрывает содержание политических отношений и политической деятельности, выражает их более полно и четко в определенных понятиях, категориях и законах. Поэтому, на наш взгляд, нельзя абсолютизировать только одну сторону идеологии, ибо это ведет к искаженному представлению о ней.

В этой связи рассмотрим вопрос о политической практике как критерии истинности идеологических принципов. Данный критерий абсолютно (в силу своей единственности), и в то же время оно и относительно: сама практика может быть далека от совершенства. Представляется, что в случае конфликта между политической практикой и идеологическими принципами необходимо исследовать практику, выявить возможные аспекты ее несовершенства и исключить их вместо приспособления теории к несовершенной практике. Вместе с тем это не означает, что политическая практика по каналам обратной связи не способна корректировать систему идеологических принципов.

Представляется, что если на практике нам не удалось достигнуть результатов, то в этом виновны идеологические принципы. Поэтому необходимо их или отвергнуть, или серьезно подкорректировать. Информация рассогласования поступает из политической практики в идеологию, которая на основе учета этого «заказа» углубляет и выражает свое исследование социально-экономической реальности.

По нашему мнению, суть практической пользы политической теории состоит в том, чтобы дать теоретическое обоснование существующей власти. Представляется, что при анализе политической теории, наряду с проблемой о ее научности или не научности, важное значение имеет также и исследование ее структуры. Вместе с тем заметим, что политическая наука содержит программные, стратегические, тактические идеи, а также военные доктрины государств. Поэтому идеология носит целеполагающий характер.

В этой связи отметим, что политические теории осуществляют следующие конкретные функции в жизнедеятельности личности и социума: познавательную, нормативную и регулятивную. Познавательная функция политической теории состоит в том, что она в определенных понятиях отражает классовую сущность политических отношений, нормативная функция данной теории формирует нормы и принципы поведения людей. Регулятивная функция вырабатывает у человека тактику, линию поведения, а также реализует формирование на психологическом уровне доверия или недоверия к структурам государственной власти.

Таким образом, политическое сознание, оказывая воздействие на все формы общественно-го сознания, играет по отношению к ним конкретную интегрирующую роль, связывая их в определенной степени с задачами осуществления интересов конкретных стран, классов, наций.

Примечание

1. См.: Лазебный Л. И. Политическое сознание: отражение, регуляция, ценности. М., 1997. С. 48.
2. Гегель Г. Политические произведения. М.: Наука, 1988. С. 50.
3. Поннер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы: пер. с англ. / под ред. В. Н. Садовского. М., 1992. С. 247–264.
4. Гегель Г. Сочинения. Т. 7. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во (Соцэкгиз), 1934. С. 32–33.
5. См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Филос. о-во СССР, 1990. С. 220–222.
6. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 135, 145.
7. Шеварднадзе Э. Наше спасение – в развитии демократии // За рубежом. 1991. № 34(1623). С. 4.
8. Гегель Г. Работы разных лет. М., 1973. Т. 2. С. 446.

Notes

1. See: L. I. Lazebny *Politicheskoe soznanie: otrazhenie, regulyaciya, cennosti* [Political consciousness: reflection, regulation, values]. M. 1997. P. 48.
2. G. Hegel *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. M. Nauka. 1988. P. 50.
3. K. Popper *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly: per. s angl.* [Open society and its enemies. Vol. 2. The time of false prophets: Hegel, Marx, and other oracles: translated from English] / under the editorship of V. N. Sadovsky. M. 1992. Pp. 247-264.
4. Hegel G. *Sochineniya. T. 7* [Works. Vol. 7]. M., L.: State Soc.-Econ. publishing house (Sotsekgiz). 1934. Pp. 32-33.
5. See: Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. M. Philos. society of the USSR. 1990. Pp. 220-222.
6. Fukuyama F. *Konec istorii?* [The end of history?] // *oprotsy filosofii* – Questions of philosophy. 1990, No. 3, pp. 135, 145.
7. Shevardnadze E. *Nashe spasenie – v razvitii demokratii* [Our salvation lies in development of democracy] // *Za rubezhom* – Abroad. 1991, No. 34(1623). P.4.
8. Hegel G. *Raboty raznyh let* [Works of different years]. M. 1973. Vol. 2. P. 446.

Этнополитические процессы в Лифляндии в начале XX в. и их отражение в периодической печати

Статья посвящена особенностям национальных отношений в прибалтийских губерниях Российской империи в XIX – начале XX в. Рассматривается формирование политических деятелей в национальных сообществах и их участие в политике. Характеризуется национальная тематика в прессе. Описываются различия в выборной активности у немцев, русских, латышей и эстонцев.

The article is devoted to the peculiarities of national relations in the Baltic provinces of the Russian Empire in the XIX – beginning of XX centuries. Formation of politicians in the national communities and their participation in politics is considered. National topics in the press are characterized. Differences in elective activity from the Germans, Russians, Latvians and Estonians are described.

Ключевые слова: Прибалтийский край, национальные отношения, политические партии, выборы в Сейм, полиэтничное и поликонфессиональное население, реформы экономики и общественной жизни в западных провинциях России.

Keywords: Baltic region, ethnic relations, political parties, elections to the Seimas, multi-ethnic and multi-religious population, reform of economy and public life in the Western provinces of Russia.

В современный период актуализируются исследования взаимосвязей этнических и других процессов, в связи с чем целесообразным представляется анализ исторического опыта по разным видам исторических источников, включая прессу. Национальные отношения в регионах Российской империи зависели от многих факторов, среди которых важное место занимали политические, революционные события. Манифесты российского императора от 1905 г. в глазах мирового сообщества приблизили Россию к передовой идее западного либерализма. Новый закон 1905 г. о выборах в России, по словам газет, – это признание духовного развития русского народа. Отныне судьбу государства будут решать не только богатые и образованные слои, но и безвестные и молчаливые крестьяне, коим строжайше было воспрещено касаться процессов государственного устройства.

Первым этапом демократизации консервативной России можно считать введение Городового положения в 1870 г. Его особенностью стала отмена определенного сословного ценза для кандидата. Это решение в дальнейшем послужило толчком для проведения новых политических реформ и приобщения подданных к активной политической жизни, поскольку монархический строй в силу своего правового централизма способствовал низкому уровню правосознания населения и безразличию большинства горожан к общественной жизни. Но и введение гражданских свобод данным Положением не слишком исправило положение, поскольку зачастую происходили срывы заседаний городских дум из-за неявки гласных, из-за низкого образовательного уровня выборных «гласных», зачастую не умевших читать и писать [1].

Однако то, что каким-то образом еще проходило в метрополии, на имперских окраинах встречало существенное сопротивление. Например, в Риге Городовое положение вошло в силу лишь в 1889 г., когда был расформирован рат и образовано городское выборное самоуправление. Причиной тому стало сильное политическое влияние немецкой прибалтийской элиты. Дарованные однажды Прибалтийскому краю «остзейские привилегии» существенно тормозили интеграцию края в общую канву единого развития империи [2]. Приведение законов остзейских губерний в соответствие с общими для Российской империи началось лишь в 1815 г. [3], т. е. более 90 лет после присоединения Петром I Прибалтики права местного дворянства существенно отличались от прав дворян других российских губерний.

Особенность окраинных российских губерний состояла в том, что они не были однородными по национальному составу. Если говорить о Лифляндии, то здесь исторически проживали как минимум пять больших этнических групп: немцы, русские, латыши, эстонцы и евреи. При этом преимущества власти имела лишь одна, несмотря на свою относительную малочисленность, – немецкая община. Русские в Лифляндии обладали властью лишь на самом высоком уровне – генерал-губернаторстве, при этом вся местная бюрократическая машина держалась на немецком языке и немцах-чиновниках всех уровней до конца XIX в. Латыши в своей преобладающей массе относились к крестьянству и имели власть лишь в земских советах, что и сказалось впоследствии на их выходе в политическую жизнь.

1905 год в России – тяжелый год социального переустройства. Забастовки, демонстрации, бунты, кровопролитие, всеобщая неразбериха. Рост недовольства в имперских окраинах подпитывался жесткой национальной политикой правительства и экономическими неурядицами, которые переживала Россия в начале XX в. Все это в значительной степени способствовало пробуждению и утверждению национального самосознания населения окраин страны, к которым относилась и Лифляндская губерния.

Чтобы как-то ослабить социальную напряженность, император Николай II в 1905 г. провозглашает два манифеста, кардинально изменивших всю последующую судьбу империи. Первый манифест от 6 августа – о выборах в Госдуму и изменение государственного строя на конституционную монархию, и второй манифест от 17 октября, даровавший подданным гражданские свободы: свободу собраний, свободу вероисповеданий, свободу слова, неприкосновенность личности [4].

Закон о свободах воодушевил и взбудоражил умы окраинной национальной интеллигенции. В частности, едва появившаяся латышская интеллигенция увидела в этом возможность выйти на политическую арену государства и поднять свой социальный статус. Закон о свободе слова на местном уровне практически всеми политическими движениями был воспринят своеобразно. Как пишет газета «Рижский вестник» («РВ»), «свободу слова стали понимать как вседозволенность» [5]. Весьма популярная в Лифляндии Латвийская социал-демократическая рабочая партия (впоследствии – РСДРП) в конце октября 1905 г. выступила с привычными для нее радикальными заявлениями. Так, например, на многотысячном митинге в Риге с трибуны и в листовках звучали призывы к оружию, против «царских войск и капиталистов». В том же «Рижском вестнике» от 25 октября говорилось, что после митингов накануне 22 октября в Риге начались еврейские погромы, спровоцированные некоторыми митингующими. В свою очередь еврейская самооборона применила против них оружие. В этом же номере в статье передовицы дается оценка национальных взаимоотношений на политической почве: «русский “хулиган”, наученный социал-демократами ненавидеть собственность капиталистов, считает таковыми лишь евреев; латыши и евреи “красносотенцы”, должно быть, разумеют лишь немецких и русских собственников, ибо еврейская собственность ими защищается с оружием в руках, а на латышскую покушений до сих пор не было». Таким образом, заключала газета, «рижский социализм не вышел из стадии национализма» [6]. В свою очередь, демонстрацию русских рабочих-монархистов, шедших с портретами императора и национальным флагом, закидали булыжниками и обстреляли из револьверов сторонники социал-демократов. Похожая ситуация была и в других городах империи, например в Баку шествие рабочих-монархистов было обстреляно из артиллерии, а в Томске часть демонстрантов была сожжена [7].

Немного ранее газета «РВ» от 19 октября описывала ситуацию в городе. По их сведениям, крайние партии стараются посеять среди населения недовольство и недоверие к обещанным реформам с целью вызывать дальнейшие смуты. «Более горячие головы даже обсуждают уже вопрос о будущем президенте социальной республики, причем русские социал-революционеры признают всевозможным допустить на президентское кресло латышей, евреев, эстов, литовцев, финнов и вообще инородцев. Только в крайнем случае эта честь может быть предоставлена поляку» [8].

Отношение к русским в Риге во время демонстраций фиксировалось как довольно негативное. Русские, имея все приоритеты высшего государственного управления, в Прибалтике находились практически на положении угнетаемых, о чем свидетельствует и такой документ. В 1880 г. русские рижане написали императору Александру II докладную записку, где указывалось на опасное положение невмешательства во внутренние дела и защиту национальных интересов окраин империи. Русские прибалтийцы видели в латышах своих союзников в борьбе с немецким засильем во власти. Именно об этом и идет речь в указанной записке: «Если подлежащими преобразованиями своевременно не дано будет законного выхода постоянному антагонизму между здешними сословиями и национальностями, то могут произойти опасные замешательства, гораздо более грозные, чем те, которые имели место в Ирландии, ибо к борьбе по аграрному вопро-

су примешивается еще в Прибалтийском крае вскормленная вековыми варварскими отношениями сословная ненависть, совпадающая вместе с тем с национальной враждой, с которыми дальновидный и благоразумный внутренний политик должен считаться, если не желает иметь дело с неприятными неожиданными осложнениями в будущем. Напротив, уравнение прав между немецким населением и туземным не только уничтожило бы в корне все причины угрожающих краю в будущем внутренних замешательств, но и, ослабив тяготеющий к Германии немецкий элемент населения, укрепило бы преданный России туземный» [9].

Образованная осенью 1905 г. «Рижская русская народная и рабочая организация монархическая партия» для защиты противников социального переустройства распространила воззвание с призывом населения к «учинению зверских истязаний над инакомыслящими» [10]. Кроме того, в защиту русского населения в Риге в этом же 1905 г. появилась новая «Русская национал-либеральная партия». В своей программе эта партия выступала в защиту нового «всечеловека». По идее авторов программы партии, этот «всечеловек» – «русский европеец». Из национальных идей авторы провозглашали, что «окраины – для России, Россия – для славянства, славянство – для человечества» [11]. Причем эта партия на окраинах империи отчасти признавала «окраинные языки» – они получают полное господство, но «только в частных инородческих учреждениях, содержимых на частные средства и не дающих казенных прав». Русский язык имеет при этом все преимущества. Далее в программе партии провозглашается превосходство русских: «Россия – прежде всего для русских, и во всех пунктах Империи каждый русский человек должен чувствовать себя вполне дома!»

Кроме означенных партий в конце октября 1905 г. рижское русское дворянство и купечество тоже решили включиться в политическую борьбу. 29 октября «Русский клуб» провел собрание старшин и объявил о намерении выяснить подробнее политические пристрастия русских рижан и их отношение к манифесту от 17 октября. По мнению собравшихся, «это должно упрочить положение русских на здешней окраине». По оценке редакции газеты «РВ», за последнее десятилетие русские в Лифляндии значительно уступили немцам, и дело дошло до того, что в немецкой прессе заговорили о том, что «русское дело проиграно» [12]. Причем собственной инициативы русским нельзя было особенно проявить, поскольку официальный Петербург стоял на страже интересов немцев, не оказывая никакой поддержки русским интересам в Прибалтике. «Воз русской культуры и государственности плелся по рытвинам и ухабам этого края вяло и робко, часто накрениваясь в стороны, а то и вовсе опрокидываясь» [13] – так оценивалось положение русских в Прибалтике русской редакцией газеты «РВ». В первой декаде ноября 1905 г. русские рижане наконец решились на создание своей партии. Программу действий они скопировали с программы конституционно-демократической партии («кадетов»). При этом возник некоторый диссонанс по поводу предыдущих прений о цели создания партии. Например, на последнем собрании учредителей говорилось об острой необходимости поддержки в Прибалтике политических и культурных нужд русского населения «при свободном и мирном соревновании с другими частями населения на принципе равноправия и справедливости» [14]. Но в противовес этим измышлениям в программе «кадетов» говорилось о всеобщем равноправии и о том, чтобы ни одной из национальностей не давать преимуществ. Кроме того, в программе «кадетов» говорится об автономии Польши и Финляндии в составе России. Какой-либо собственной программы учредительное собрание не внесло.

В эстонской части Лифляндии также шли политические дебаты и в общественные массы вбрасываются разные революционные идеи. Так, например, эстонская газета «Uudised» [15], принадлежащая крайним правым партиям, требовала на своих страницах полной автономии Прибалтийского края, который должен быть разделен на эстонскую и латышскую части. Причем для каждой из частей должна быть составлена своя конституция и сформирована милиция, а чтобы это проще было сделать, предлагается игнорировать центральное правительство и организовать собственное самоуправление.

Среди эстонского городского населения образовались две политические партии: либерально-буржуазная в Юрьеве (Тарту) во главе с Яном Теннисоном и социал-демократическая. Различие этих партий выражалось во взглядах на значение манифеста 17 октября и на дальнейшее отношение к освободительному движению. В вопросах о местном самоуправлении обе партии солидарны – новые государственные субъекты существуют на широких началах автономии. Представительство в органах самоуправления должно быть основано на всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании, без различия пола, вероисповедания и национальности. Причем эстонская часть Лифляндии присоединяется к Эстляндской губернии, а латышская часть – к Курляндской. Впрочем, в 1918 г. при образовании независимых республик Латвии и Эстонии руководствовались именно этим принципом территориального деле-

ния. Программа эстонской социал-демократической партии во многом скопирована с программы конституционно-демократической партии.

Население Лифляндии к манифесту 17 октября 1905 г. отнеслось по-разному. Если в городах с высоким процентом рабочего населения восприняли манифест с большим воодушевлением и бурным восторгом, видя в этом победу народа, то в деревнях его приняли спокойно, без особенных восторгов. Но это только поначалу. Во многих городах 18 октября стало праздничным днем – в Санкт-Петербурге, Ревеле, Юрьеве и др. улицы представляли собой «море красного». По словам газеты «РВ» от 1 ноября, доходило иногда до крайностей – иные срывали триколор и отрывали белую и синюю полосы. Интересно замечание газет насчет немцев: немецкое общество не принимало участия в народных торжествах.

Спустя некоторое время революционное сознание проникло и в уездные городки. В эстонской части Лифляндии призывали игнорировать закон от 6 августа и вместо выборов в Госдуму организовать созыв Учредительного собрания и провести в него всеобщие выборы. В латышской части Лифляндии также обеспокоены содержанием манифеста от 6 августа. В большинстве случаев на митингах подчеркивалось обстоятельство, что провозглашенные выборы неопределены и недостаточны, необходимо ввести всеобщее избирательное право, а также собрать учредительное собрание. Кроме того, земские советы выдвигали и другие требования, например отделение школ от церкви, ведение волостного делопроизводства на латышском языке, ликвидацию мызной полиции и пр. Основными местами политических дебатов в уездах и волостях стали церкви – практически единственное место, где можно собрать сельское население.

В политические дискуссии втянулись даже далекие от политики издания. Так, например, латышский журнал «Apskats», посвященный науке и литературе, в ноябрьском выпуске посвятил передовицу теме свободы собраний и обществ в Западной Европе. Редакция журнала рекомендует латышам требовать если не полной, то хотя бы широкой автономии, поскольку этот край, вследствие его особенных нужд и культуры, нельзя приурочить к остальным губерниям России. «Если бюрократия нам этого не желает дать, то мы должны сами взять» [16].

Особенную популярность среди латышского пролетариата обрела Латышская социал-демократическая рабочая партия (ЛСДРП). В 1904 г. в состав ее руководства вошел Янис Озолс, будущий депутат Госдумы 2-го созыва. По тем временам это была довольно большая организация – в ней насчитывалось порядка 2500 человек, и она была основана по национальному признаку. В конце 1905 г. число членов этой партии достигнет порядка 20 тыс. человек [17], что позволило именно этой партии возглавить революционное движение. В своей партийной программе они предлагали создать социалистическое общество, свергнуть царское правительство и заменить его демократической республикой на основе конституции. Одно из требований программы – обеспечить народы России правом на самоопределение. Особую популярность среди латышей эта партия снискала тем, что она выражала интересы самых широких слоев населения [18].

В противовес ЛСДРП важное место национальному вопросу уделял Союз латышских социал-демократов. Его партийная программа содержала требования предоставить латышам не только культурную, но и государственную автономию, Россия должна была стать федерацией национальных государств. Руководитель СЛСД Микелис Валтерс, будучи редактором газеты «Пролетарий» в 1903 г., впервые высказал идею о разделе России и независимости окраинных губерний: «Самодержавие – долой! Россию – долой! Вырваться из России!» [19]

Еще при выборах в городскую думу в Риге в 1889 г. сложилась традиция, что все кандидаты делятся лишь по национальному признаку, тем самым сложились три традиционные партии по числу крупных этнических групп: немецкая, русская и латышская. Однако с предстоящими выборами в Госдуму партии приняли некоторую специфичность, и появилась четвертая: балтийская. В эту политическую группу зачислялись немцы и желающие онемечиться инородцы любой национальности. Таким образом, немногочисленная немецкая община пыталась увеличить свое влияние путем расширения своих рядов за счет других этнических представителей.

В ноябре 1905 г. появилась партия, выступающая за интересы немецкой общины – Прибалтийская конституционная партия. Как и другие, в своей программе они изложили видение обустройства российского общества. В ее основу они заложили тезисы манифеста 17 октября. Эта партия, например, возражала против прямых выборов в Госдуму, поскольку такие выборы подразумевают всеобщее школьное образование, а в России его нет. Выступали за автономию школ и высших учебных заведений, а также за право использовать языки регионов на хозяйственном уровне, за разработку окончательного варианта выборов в Думу, позволяющего всем нацменьшинствам участвовать в выборах, за развитие социальных законов в особенности законов, защищающих крестьян, работников фабрик, ремесленников, торговцев, слуг и прочих наёмных рабочих. За предоставление самоуправления прав на организацию школьных учреждений по соб-

ственному усмотрению, в тех случаях, когда самоуправление само платит за школы. Предоставление обучения на других языках с учётом потребностей населения регионов. Полная автономия самоуправлений в решении хозяйственных вопросов на селе и в городах. Право использовать региональные языки в провинциальных – хозяйственных и государственных инстанциях [20].

Латышская демократическая партия обвиняла Балтийскую конституционную партию в том, что она «защищает интересы дворянства и фабрикантов» и посему латышские социал-демократы считают эту партию себе враждебной. Немецкая пресса по этому поводу несколько недоумевала: после нескольких слов стоят вопросительные или восклицательные знаки, но никаких словесных комментариев нет [21].

После всех словесных баталий в марте 1906 г. в Госдуме первого созыва были избраны пять депутатов от Лифляндии. Из них по национальности были: латыши – 3, эстонцы – 2. Впервые в истории Ливонии на высшую политическую арену вышли представители низших слоев населения – крестьяне. Для сравнения в соседних Эстляндской губернии в Госдуме прошли также три эстонских кандидата из крестьян, а в Курляндской – 2 латыша и 1 еврей (купец 1-й гильдии).

Предварительно было определено право выборщика, т. е. поначалу выбрали тех, кто может избирать. Таковых в Лифляндии по закону насчитывался 61 человек – от земледельцев – 21 человек, от землевладельцев – 25 человек, от городского собрания – 15. Были и существенные ограничения, так, например, в выборах не могли участвовать женщины, лица моложе 25 лет, учащиеся, военные на службе, иностранные подданные, дезертиры и осужденные, а также губернаторы, их заместители, городские головы и полицейские высшие чины. При этом к данному правилу было дополнение, в случае, если женщина или военные имели установленный ценз выборного лица, то право передавалось их мужу или сыну.

Коллегия выборщиков формировалась несколькими способами. Во-первых, от съездов земледельцев. Количество выборщиков формировалось по имущественному цензу – на каждое установленное в каждой губернии количество десятин, оцененных не менее чем в 1500 рублей, – 1 выборщик. Во-вторых, от землевладельцев. Здесь была разработана трехступенчатая система выборщиков, которые в конечном итоге выдвигали своих выборщиков от волости. В-третьих, от городского собрания. В эту категорию входят лица, владеющие недвижимостью в городе или торгово-промышленными предприятиями, либо проживающие и платящие налог в городе, владельцы квартир, платящие налоги. В-четвертых, от каждого предприятия с числом рабочих 50–1000 избирался один выборщик. Если на предприятии больше указанного числа рабочих, то на каждую полную тысячу рабочих избирается один дополнительный выборщик. Таким образом, учитывались все сословия и категории граждан, имеющих избирательное право. Выборы признавались состоявшимися, если на них явилось более половины выборщиков. Для обеспечения явки из казны оплачивались транспортные расходы для явки на выборы. Так, за каждую версту до избирательного собрания выборщику оплачивали пять копеек. Кроме того, депутатом могло стать лишь лицо, владеющее русским языком.

Новый закон от 6 августа 1905 г., призванный привлечь широкие слои населения империи к совместному политическому регулированию, в Лифляндии поначалу не привлек особенного внимания широкой общественности. По заверениям газеты «РВ» от 9 августа 1905 г., после публикации закона в обществе возникло некоторое воодушевление, но вскоре оно нивелировалось и затихло [22]. При этом вскоре волна забастовок и демонстраций накрыла Прибалтийские губернии. По всей России пошли восстания и мятежи, многолюдные демонстрации и забастовки. Не ходили поезда, не работала почта. Волна народных протестов в России вынудила Николая II вновь расширить круг гражданских свобод.

В обществе начались обсуждения и рассуждения на тему выборов и ожиданий для каждого сословия. В конечном итоге борьба за своих кандидатов в Госдуме перешла в национальную плоскость. Так, например, в октябре 1905 г. городское собрание Риги внесло проект о расширении числа депутатов до шести человек вместо утвержденных пяти. Поначалу эта идея не вызвала должного интереса, однако начиная с третьего созыва Лифляндскую губернию в Госдуме представляли уже шесть депутатов, вместе с тем расширилась и национальная принадлежность депутатов.

Оценивая всех кандидатов по их социальному и национальному статусам, можно вывести следующие данные:

- 1) в Думу 1-го созыва были избраны пять депутатов от Лифляндии (латыши – 3, эстонцы – 2). Дума работала с 27 апреля до 9 июля 1906 г.;
- 2) в Думу 2-го созыва были избраны пять депутатов от Лифляндии (латыши – 3, эстонцы – 2). Дума работала с 20 февраля по 2 июня 1907 г.;

3) в Думу 3-го созыва были избраны шесть депутатов от Лифляндии (немцы – 4, латыши – 1, эстонцы – 1). Дума работала с 1 ноября 1907 г. по 9 июня 1912 г.;

4) в Думу 4-го созыва были избраны шесть депутатов от Лифляндии (немцы – 3, латыши – 1, эстонцы – 1, русский – 1). Дума работала с 15 ноября 1912 г. по 25 февраля 1917 г.

Общим числом от Лифляндской губернии за все время существования Госдумы в Российской империи насчитывался 21 депутат, из них: немцы – 7, латыши – 8, эстонцы – 6, русский – 1 (подробнее о кандидатах см. Приложение).

При этом можно обратить внимание на общий национальный состав Госдумы с 1906 по 1917 г. Краины империи были представлены в ней довольно пропорциональным количеством депутатов. Так, например, в Думе 1-го созыва насчитывалось 23,6% депутатов, представляющих национальные меньшинства. В Думе 4-го созыва количество нерусских депутатов составляло уже меньшее число – 18,3 [23].

Оценка общего состава депутатов от Лифляндии и их принадлежность к тем или иным политическим партиям и движениям позволила определить общие тенденции, характерные для разных этнических групп Лифляндской губернии. Так, например, в первом и втором составе Госдумы преобладали латыши, выходцы из крестьянского сословия, однако в дальнейшем, когда Госдума наконец-то наладила свою работу и работала весь положенный срок, можно увидеть, что представителей низов там практически нет. Всю власть вновь перехватили представители высших сословий, задвинув крестьян и рабочих снова в свою привычную оппозиционную нишу. Здесь нужно учесть, что после неудачных попыток организации парламента 1-го и 2-го созыва, в 1907 г. были изменены правила избрания депутатов, поскольку первые созывы оказались переполнены революционными идеями. Установление новой избирательной системы увеличило представительство в Госдуме землевладельцев и состоятельных горожан, а также русского населения по отношению к национальным меньшинствам, что привело к формированию в III и IV Думах проправительственного большинства.

Причины отстранения низов от власти в Лифляндской губернии отчасти кроются и в них самих. По оценке политических деятелей того времени, в частности Франциса Кемпе, проблемы латышей заключались в том, что они предпочитали голосовать и бороться исключительно за кандидатов своей национальности, а не за свои собственные экономические интересы. Этот политический недостаток, как это ни парадоксально, вызывала просвещенная латышская интеллигенция, которая постоянно вбрасывала в массы идеи о «пробуждении латышского народа» и его равноправии с другими народами. Так, латыши голосовали исключительно за свою национальность, при этом не требуя от кандидата ни постановок политических целей, ни реализации экономических задач [24]. В свою очередь, представители других национальностей (русские, немцы, евреи и поляки) шли на компромиссы и заключали союзы между собой. Сказывалось и влияние католической церкви в восточной части Лифляндской губернии, зачастую церковь призывала крестьянской пастве голосовать за «своих», т. е. за латышей, при этом сами священники нередко отдавали предпочтение политическим силам польских или русских помещиков [25]. Развитие этнического самосознания у разных групп населения Лифляндии в начале XX в. вышло на новый уровень.

В общем и целом этнополитические процессы в Лифляндии в начале XX в. достаточно полно отразились в региональной периодической печати. В отдельные темы выделились новости об изменениях в законодательстве, о местной специфике формировании политических партий, о появлении политических активистов среди разных этнических сообществ Прибалтийского края. В связи с расширением рыночных отношений и развитием капитализма четче стал просматриваться процесс трансформации политического поведения населения этой западной окраины Российской империи. Его направления – оформление национальной самоидентификации и развитие национальной интеллигенции (особенно – разночинной). Разный уровень проникновения индустриальных веяний в этнические сообщества Лифляндии приводил к определенным видам их контактирования, включая как кооперацию, так и конфликтные явления. Анализ прессы подтверждает формирование определенной модели национальных отношений в одном из регионов России в частности и европейской части евразийского континента вообще.

Примечания

1. Лен К. В. «Городовое положение» 1870 г. сквозь призму истории российской провинции // Научный диалог. 2014. № 5(29): История. Социология. С. 6–16.

2. Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. 1. Прибалтийско-немецкая историография. Р.: Латгосиздат, 1949. С. 146.

3. Местное гражданское право губерний прибалтийских и привислянских. М.: Тип. Императорского Моск. ун-та, 1910. С. 6.

4. Рижский вестник. 1905. 31 окт.
5. Там же.
6. Там же.
7. Рижский вестник. 1905. 25 окт.
8. Рижский вестник. 1905. 31 окт.
9. Рижский вестник. 1905. 19 окт.
10. Рижский вестник. 1905. 28 окт.
11. Рижский вестник. 1905. 31 окт.
12. Там же.
13. Там же.
14. Рижский вестник. 1905. 7 ноября.
15. «Uudised». 1905. 30 окт.
16. Apskats. 1905. 1 ноября.
17. История Латвии: XX век. Рига: Jumava, 2005. С. 60.
18. Там же. С. 59.
19. Proletareets. 1903. №11.
20. Dūna Zeitung. 1905. 3 ноября.
21. Rigasche Rundschau. 1905. 12 дек.
22. Рижский вестник. 1905. 9 авг.
23. Хмара Н. Национальный состав высших законодательных, представительных органов власти Российской империи и Советского Союза. URL: http://old.nasledie.ru/oboz/N10_98/10_16.HTM
24. Kemps Fr. Latgalieši. Kultur-vesturiska skice. Rigā, 1910. lp. 82.
25. Там же.

Notes

1. Len K. V. «Gorodovoe polozhenie» 1870 g. skvoz' prizmu istorii rossijskoj provincii ["City code" of 1870 through the prism of history of the Russian province] // *Nauchnyj dialog* – Scientific dialogue. 2014, No. 5(29): History. Sociology. Pp. 6-16.
2. Zutis J. *Očerki po istoriografii Latvii. CH. 1. Pribaltijsko-nemeckaya istoriografiya* [Essays on the historiography of Latvia. Part 1. The Baltic-German historiography]. R. Latgosizdat. 1949. P.146.
3. *Mestnoe grazhdanskoe pravo gubernij pribaltijskih i privislyanskih* – The local civil law of the Baltic and Visla provinces. M: Typ.of Imperial Moscow University. 1910. P.6.
4. *Rizhskij vestnik* – The Riga Herald. 1905. 31 Oct.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. *Rizhskij vestnik* – The Riga Herald. 1905. 25 Oct.
8. *Rizhskij vestnik* – The Riga Herald. 1905. 31 Oct.
9. *Rizhskij vestnik* – The Riga Herald. 1905. 19 Oct.
10. *Rizhskij vestnik* – The Riga Herald. 1905. 28 Oct.
11. *Rizhskij vestnik* – The Riga Herald. 1905. 31 Oct.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. *Rizhskij vestnik* – The Riga Herald. 1905. 7 Nov.
15. "Uudised". 1905. 30 Oct.
16. Apskats. 1905. 1 Nov.
17. *Istoriya Latvii: XX vek* – History of Latvia: XX century. Riga: Jumava, 2005. P. 60.
18. Ibid. P. 59.
19. Proletareets. 1903. No. 11.
20. Dūna Zeitung. 1905. 3 Nov.
21. Rigasche Rundschau. 1905. 12 Dec.
22. *Rizhskij vestnik* – The Riga Herald. 1905. 9 Aug.
23. Khmara N. *Nacional'nyj sostav vysshih zakonodatel'nyh, predstavitel'nyh organov vlasti Rossijskoj imperii i Sovetskogo Soyuza* [The national composition of the Supreme legislative and representative authorities of the Russian Empire and the Soviet Union]. Available at: http://old.nasledie.ru/oboz/N10_98/10_16.HTM
24. Kemps Fr. Latgalieši. Kultur-vesturiska skice. Rigā, 1910. lp. 82.
25. Ibid.

Имя, фамилия	Дума, созыв	Сословие	Национальность	Место жительства	Избран	Партия
Бремер Арвид Оттонович	1	Из крестьян	Латыш	Ляудонская волость	От общего состава выборщиков Лифляндского губернского избирательного собрания	Партия народной свободы и Автономист (Латышская группа)
Гросвальд Фридрих Петрович	1	Из крестьян	Латыш	Вольмарский уезд	?	Партия народной свободы и Автономист (Латышская группа)
Озолин Карл Яковлевич	1		Латыш	Валкский уезд	От общего состава выборщиков Лифляндского губернского избирательного собрания	Партия народной свободы и Автономист (Латышская группа)
Рютли Оскар Иванович	1	?	Эстонец	Ахья волость	От общего состава выборщиков Лифляндского губернского избирательного собрания	Партия народной свободы и Автономист (Эстонская группа)
Тыниссон Яан	1	Из крестьян	Эстонец	Феллинский уезд	От съезда уполномоченных от волостей Лифляндской губернии	Партия народной свободы и Автономист (Эстонская группа)
Карклин Карл Юрьевич	2	Из крестьян	Латыш	?	От общего состава выборщиков Лифляндского губернского избирательного собрания	Партия народной свободы, кадеты
Озол Иван Петрович	2	Из крестьян	Латыш	Рига	От 1-го съезда городских избирателей города Риги	Социал-демократы
Партс Карл Эвердович	2	Из крестьян	Эстонец	Юрьев	От общего состава выборщиков Лифляндского губернского избирательного собрания	Партия народной свободы
Трейман Эдуард Янович	2	Из крестьян	Латыш	Приекульская волость	От общего состав выборщиков Лифляндского губернского избирательного собрания	Партия народной свободы
Юргенштейн Антон Густавович	2	Из крестьян	Эстонец	Валкский уезд	От съезда уполномоченных от волостей Лифляндской губернии	Партия народной свободы
Бракман Оскар Александрович	3	Дворянин	Немец	Пернов	От 1-го съезда городских избирателей Лифляндской губернии	Союз 17 октября

Исторические науки и археология

Мориц Эрвин Фёдорович	3	Барон	Немец	Рига	От 1-го съезда городских избирателей города Риги	Союз 17 октября // Прибалтийской конституционной партии
Предкальн Андрей Иванович	3	Из крестьян	Латыш	Валкский уезд	От 2-го съезда городских избирателей города Риги	Социал-демократ // Латвийской социал-демократической рабочей партии
Розен Ганс Фридрихович	3	Барон	Немец	Вольмарский уезд	От съезда землевладельцев Лифляндской губернии	Союз 17 октября
Шульценберг Мартин Мартович	3	Из крестьян	Эстонец	Юрьевский уезд	От съезда уполномоченных от волостей Лифляндской губернии	Партия народной свободы
Эргардт Роберт Яковлевич	3	Купец 1-й гильдии	Немец	Рига	От 1-го съезда городских избирателей Риги	Союз 17 октября
Вольф Николай Борисович	4	Дворянин	Немец	Рига	От Лифляндской губернии съездом землевладельцев	Союз 17 октября
Залитис Янис	4	Из крестьян	Латыш	Саусней-ская волость		Прогрессивная партия
Мансырев Серафим Петрович	4	Князь	Русский	Рига	От Риги 2-м съездом городских избирателей	Партия народной свободы
Рамот Иван Матвеевич	4	Из крестьян	Эстонец	Юрьевский уезд	От съезда уполномоченных от волостей Лифляндской губернии	Партия народной свободы
Энгельгардт Оттон Маврикиевич	4	Барон	Немец	Юрьев	От Лифляндской губернии 1-м съездом городских избирателей	Союз 17 октября
Мейендорф Александр Феликсович	3, 4	Барон	Немец	?		Союз 17 октября (один из основателей)

УДК 930

Ю. В. Гераськин, И. В. Повод

Мусульманское население Рязанской губернии в XIX – начале XX в.: особенности социально-экономического и правового положения

В данной статье представлена модель взаимоотношений, сложившаяся в Рязанской губернии между местными властями и исламским религиозным меньшинством в XIX – начале XX в. На основе архивных документов рассматриваются особенности правового и экономического положения мусульманского населения региона, его сословный и национальный состав. С помощью различных статистических источников представлена динамика численности последователей ислама в регионе в сравнении с другими религиозными меньшинствами во второй половине XIX в. В итоге дана общая оценка целям и результатам политики губернских властей в отношении последователей ислама, проживающих на территории Рязанского региона. Благодаря достаточно лояльному отношению к мусульманам местное руководство смогло добиться поддержки исламского населения, что проявлялось в неприятии ими различных радикальных национально-религиозных идей, возникших в Российской империи во второй половине XIX в.

This paper presents a model of the relationship that has developed in the Ryazan province between local authorities and Muslim religious minority in the XIX – XX centuries nachale. Based on archival documents the features of the legal and economic situation of the Muslim population of the region, its class and national composition. Using various statistical sources shows the dynamics of the number of followers of Islam in the region in comparison with other religious minorities in the second half of the XIX century. As a result, given the overall evaluation of the goals and results of the policy of the provincial authorities with regard to the followers of Islam living in the Ryazan region. Thanks to loyal enough towards Muslims local officials could gain the support of the Islamic population, which was manifested in the rejection of various radical national-religious ideas that emerged in the Russian Empire in the second half of the XIX century.

Ключевые слова: мусульманское население, касимовские татары, анклав, религиозное меньшинство, коренное население, мулла, мечеть.

Keywords: Muslim population, Kasimov Tatars, enclave, religious minorities, indigenous people, Mullah, mosque.

В течение XIX в. Российская империя продолжала формироваться как многоконфессиональное государство, на территории которого проживали представители всех мировых религий. Государственные власти стояли перед необходимостью проводить осторожную внутреннюю политику, не ущемлявшую православие как государственную религию и учитывающую права других вероисповеданий, крупнейшим из которых был ислам (около 11% жителей) [1]. Большая часть его последователей традиционно проживала в следующих регионах: Средняя Азия, Кавказ, Крым, Поволжье, кроме того, группы мусульман, составляя своеобразные анклавы, существовали практически во всех внутренних губерниях Российской империи.

Исходя из того, что большинство мусульман проживало в пограничных районах государства, Российские власти старались поддерживать благоприятные отношения с исламским населением и особенно духовенством. Для этого был разработан целый ряд законов, регулирующих правовое положение представителей этого вероисповедания в разных частях страны и способствующих их социально-экономической интеграции в жизнь государства.

Социально-экономическое и правовое положение мусульман в крупных исламских регионах России достаточно хорошо изучено и представлено в ряде работ, например в работе Д. В. Мухетдинова и А. Ю. Хабутдинова «Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции», в монографии А. К. Тихонова «Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в.» Кроме того, есть ряд работ, рассматривающих положение этого вероисповедания в тех районах страны, где мусульмане не были коренным населением и находились в меньшинстве, например монография А. Ф. Гавриленкова «Политика российской государственной власти по отношению к Православной церкви, христианским конфессиям и авраамическим вероисповеданиям в Смоленской губернии (1721–1917 гг.)».

Мусульманское население Рязанской губернии представляет собой уникальное историческое явление. Несмотря на то, что около 98% жителей региона исповедовали православие, ислама придерживалась часть коренного населения: касимовские татары, компактно проживавшие на территории Касимовского уезда и составлявшие немногим более 3% от его жителей [2]. Государственные власти, оценивая этот анклав как довольно крупный и учитывая, что он находится в центральной части страны, были заинтересованы в выстраивании хороших отношений с ним и создании благоприятных жизненных условий для последователей ислама в регионе. Изучение социально-экономического и правового положения касимовских татар позволяет оценить успешность политики губернских властей, направленной на поддержание благоприятных взаимоотношений с мусульманами Рязанского края, а также определить, как исполнялись законы в отношении представителей этого вероисповедания в регионе. Знание положительных и отрицательных черт правового положения исламского населения необходимо для ведения диалога между региональными властями и представителями этого вероисповедания в различных регионах России в настоящее время.

Информация о мусульманском населении губернии представлена рядом документов, находящихся в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО). Это отчеты губернатора и Губернского правления, рапорты Касимовского исправника, особых чиновников, священнослужителей и статистические данные, собираемые губернскими властями. Кроме того, использовались данные «Календаря и справочного указателя г. Рязани», ежегодно издававшегося с 1883 г., и материалы Первой переписи населения 1897 г.

Мусульмане в Рязанской губернии были крупнейшим религиозным меньшинством, что наглядно демонстрирует составленная нами таблица.

Численность католиков, лютеран, мусульман и иудеев в Рязанской губернии во второй половине XIX в.

Год	Католики	Лютеране	Мусульмане	Иудеи
1853	347	306	5133	73
1857	275	217	4938	194
1862	778	166	5495	346
1864	734	187	4583	352
1870	1097	200	5280	413
1883	1156	256	6378	986
1884	1144	265	6388	984
1885	1145	276	6411	983
1891	1149	300	6591	1022
1892	1148	307	6652	1022
1897	1927	747	5041	1624

В течение XIX в. их численность постепенно увеличивалась, и к 1897 г. составляла примерно 0,04% населения губернии [3]. Такой стабильный рост объясняется высоким уровнем рождаемости среди касимовских татар. Небольшую часть мусульман губернии составляли иностранные подданные: турецкие военнопленные, размещавшиеся здесь в различные годы, а также турки или персы, приезжавшие, в основном, по торговым делам, но они, как правило, вскоре покидали пределы региона. Таким образом, ислам в Рязани был представлен коренным населением, доля иногородних или иностранных граждан была невелика.

Практически все мусульмане проживали на территории г. Касимова и Касимовского уезда. Например, в военно-статистическом описании Рязанской губернии за 1840 г. сообщается, что из 4581 мусульман губернии 54 проживали в г. Рязани, один – в Пронске, трое – в Ранненбурге, пятеро – в Данкове, 697 в г. Касимове, а остальные – на территории Касимовского уезда [4]. Примечательно, что все представители ислама, проживавшие в других уездах, были мужчинами, вероятно, это были касимовские или иногородние мусульмане, приезжавшие на заработки или по торговым делам.

Социальный состав касимовских мусульман был разнородным. Согласно данным за 1840 г., из 4095 мусульман 238 относились к купеческому сословию, 35 – к дворянскому, остальные относились к крестьянам, причем к крепостным – около шестидесяти человек [5].

Экономическое положение касимовских татар было достаточно благополучным, об этом свидетельствует ряд документов.

В 1860 г. рязанскому губернатору пришло письмо из Министерства внутренних дел, в котором сообщалось о массовом переселении мусульман Крыма и Кавказа в Турцию после окончания Крымской войны. Министр предписывал узнать, нет ли такого движения среди касимовских татар. Чиновник В. Вердерский, проводивший расследование, в своем отчете писал об отсутствии подобных настроений в местной мусульманской среде, одной из причин этого он называл высокий уровень их жизни, о чем свидетельствовала исправная выплата ими податей [6].

О хорошем материальном положении мусульман говорит в своем отчете за 1903 г. касимовский благочинный и приводит в пример открывшееся в 1898 г. Касимовское мусульманское благотворительное общество, которое уже через три года имело капитал в восемь тысяч рублей. Также, согласно его свидетельствам, когда в 1900 г. встал вопрос о постройке новой каменной мечети, то оказались достаточными средства, пожертвованные всего лишь двумя мусульманами [7].

Говоря о мечетях, находящихся в Касимовском уезде, необходимо упомянуть, что согласно Своду Законов их количество регламентировалось: не более одной на 200 человек [8]. Случаев нарушений этого положения в Рязанской губернии замечено не было, всего в регионе вплоть до начала XX в. было 10 мечетей, одна из которых – Ханская мечеть – находилась в Касимове, остальные – в селах уезда, в 1906 г. в городе была построена еще одна каменная мечеть. По штату каждой мечети был положен один мулла, а Ханской мечети – ахун и двое имамов [9].

Новые мечети появлялись редко, одной из причин этого было то, что их открытие было невыгодно, в первую очередь, исламскому духовенству, поскольку грозило определенными экономическими трудностями. Например, в 1835 г. имам Ханской мечети Абдул-Вахит Девлекамов обратился в Министерство внутренних дел, прося отменить постановление Рязанского губернского правления, разрешавшего строить в д. Темгенево деревянную пятничную мечеть. Свое требование он обосновывал тем, что это грозило отнять у него 200 душ прихожан, которые ему необходимы для содержания училища и мавзолея Шах-Али хана. Началась длительная переписка, про-

должавшаяся больше года, в ней участвовали Министерство внутренних дел, Оренбургское магометанское духовное собрание, Касимовский уездный суд и Рязанское губернское правление. В итоге все вышестоящие органы предписали имаму не препятствовать строительству мечети, а его доводы были признаны безосновательными [10].

Говоря об отношениях мусульман Рязани с губернскими властями, необходимо упомянуть о двух идейных течениях: панисламизм и пантюркизм, появившихся на рубеже XIX–XX вв. Их пропагандисты призывали к национально-религиозной консолидации последователей ислама и развитию светского мусульманского образования. Под влиянием этих идей в Касимовском уезде появляется нескольких «новометодных» начальных школ, хотя количество этих училищ было слишком мало для широкого влияния на местное население. Главным пропагандистом панисламизма и пантюркизма выступало местное Мусульманское благотворительное общество, имевшее библиотеку, и распространявшее брошюры, призывавшие к сплочению мусульман на национально-религиозной почве. Несмотря на приведенные факты, местный священник Василий Доронкин в ответ на запрос губернатора отмечал, что мусульманское население региона достаточно консервативно и ему в большинстве своем чужды новые идеи. Хотя представители этих течений и были в Касимове, но это были непостоянные жители, приезжающие в город по своим торговым и другим делам, в результате чего они не могли иметь решающего влияния на местное население [11].

Исходя из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Мусульманское население Рязанской губернии практически полностью состояло из коренных жителей – касимовских татар. Большая часть принадлежала к крестьянскому сословию, хотя было много купцов и дворян. Между мусульманами и местной властью выстраиваются достаточно хорошие взаимоотношения, благодаря чему удавалось избегать религиозных или социальных конфликтов. Последователи ислама в регионе вели состоятельный образ жизни и регулярно выплачивали все необходимые подати. Поскольку рязанские мусульмане не испытывали религиозных или социально-экономических ограничений, то они и сами не нарушали законов, регулирующих некоторые стороны их духовной жизни: постройка новых мечетей вопреки постановлению властей или нарушение запрета на ведение миссионерской деятельности. Исламское население региона отличалось полной лояльностью в отношении к местным властям и даже определенной консервативностью, поэтому влияние новых идейных течений, пантюркизма и панисламизма, было минимальным и существовало только благодаря иногородним мусульманам. Таким образом, можно утверждать, что на территории Рязанской губернии складывается взаимовыгодная система отношений между местными властями, с одной стороны, и религиозным меньшинством – с другой, позволявшая мирно сосуществовать представителям различных конфессий.

Примечания

1. Беленчук Л. Н. Просвещение нерусских народов в России (1861–1917 гг.) // Педагогика. 2005. № 8. С. 76.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 35. Рязанская губерния. СПб., 1903. С. 84–85.
3. Там же.
4. ГАРО (Государственный архив Рязанской области). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3350. Л. 15–168.
5. Там же. Л. 33.
6. ГАРО. Ф. 5. Оп. 5. Д. 587. Л. 4–5.
7. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3339. Л. 9–10.
8. Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 104.
9. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1906. Л. 44.
10. Там же. Л. 1–86.
11. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. № 5566. Л. 11.

Notes

1. Belenchuk L. N. Enlightenment of non-Russian peoples in Russia (1861–1917 gg.) // Pedagogy. 2005. № 8. P. 76.
2. The first national census of the Russian Empire in 1897 T. 35. Ryazan Province. SPb., 1903. P. 84–85
3. Ibid.
4. SARR (State Archive of the Ryazan region). F. 5, In. 1, C. 3350, P. 15–168.
5. Ibid. P. 33
6. SARR. F. 5, In. 5, C. 587, P. 4–5.

7. SARR. F. 5, In. 4, C. 3339, P. 9-10.
8. Tikhonov, A. K. Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of the XVIII-early XX centuries. SPb.: Publishing house of St. Petersburg State University, 2007, P. 104.
9. SARR. F. 5, In. 1, C. 1906, P. 44.
10. Ibid. P. 1-86
11. SARR. F. 5, In. 4, C. 5566, P. 11.

УДК 94(47).083.4

Ю. И. Докучаева

Образ героя в представлении комбатантов Русско-японской войны 1904–1905 гг.

В данной статье автором рассматривается содержание концепта «образ героя» в сознании комбатантов Русско-японской войны. Немаловажным стимулом к разработке обозначенной темы послужили гуманоцентрические тенденции исторической науки – стремление историков обратиться к изучению психологии и сознания человека ушедших эпох. Новизна исследования заключается в применении современного методологического подхода, разработанного в русле военной антропологии, с целью повышения информативности текстов, созданных комбатантами Русско-японской войны. Для проведения исследования была выбрана группа источников личного происхождения, а именно письма, дневники и воспоминания А. А. Щербатова, А. В. Колчака, А. В. Квитки, Н. В. Вороновича и других участников Русско-японской войны. Автор статьи приходит к выводу, что в восприятии комбатанта героизм на поле боя – это аксиома, которую человек военной профессии должен подтверждать каждодневно. Героическим считался хладнокровный, самоотверженный, смелый поступок, который привел к выполнению поставленной задачи, успешному отражению атаки, ощутимому урону для неприятеля, спасению жизни соратника. Российские комбатанты ценили проявления взаимовыручки и жертвенности в критической ситуации в своих сослуживцах, а также признавали смелое и достойное похвалы поведение противника.

The author of the article studies the image of the hero, created by the combatants of the Russo-Japanese war 1904–1905. The topic was inspired by growing interest in the modern scientific society to the people of the past and their way of thinking. That is why the author's primary attention is given to the issue of combatants' mentality. The memoirs, letters and diaries, written by the participants of the Russo-Japanese War such as A. A. Scerbatov, A. V. Kolchak, A. V. Kvitka, N. V. Voronovich, were analyzed using anthropological war studies. The Russian combatants thought that they had to commit heroic deeds and be composed, courageous warriors who were ready to sacrifice their life to achieve the goal. Combatants, who were able to defend the emplacement from enemy attack, put the Japanese troops to flight and rescue the fellow combatants, considered to be heroes. The Russian combatants appreciated assistance and loyalty shown by their allies at the battlefield and respected courageous and honorable enemies.

Ключевые слова: военная антропология, Русско-японская война 1904–1905 гг., комбатанты, образ героя, образ войны, мемуаристика, психология боя.

Keywords: the anthropology of war, the Russo-Japanese war 1904–1905, combatants, the image of the hero, images of war, memoirs, military psychology.

В современной российской исторической науке активно развивается такое направление, как военно-историческая антропология. Оно занимается изучением представлений комбатанта, «человека с ружьем», об окружающем мире и, в особенности, о пережитом опыте участия в военном конфликте [1]. В массовом сознании практически любая война связана с героическими образами ее участников, которые активно пропагандировались и сейчас насаждаются средствами массовой информации. Неприятным и трагическим исключением из данного правила стала Русско-японская кампания 1904–1905 гг., в которой Российская империя выступила в роли проигравшей стороны. Груз ответственности за пережитые поражения лег на плечи ее участников, которые дискредитировали себя как профессиональные военные.

Если обратиться к толковому словарю, то станет ясно, что лексическое значение термина героизм – это отвага, решительность и самопожертвование в критической обстановке [2]. Русско-японская война – подходящая критическая обстановка, в которой комбатанты должны были проявить лучшие качества своего характера. Однако за 1904–1905 гг. российская армия и флот не одержали ни одной значимой победы. Сражения при Тюренчене, Ляояне, Сандепу и Мукдене бы-

ли проиграны. Обидными неудачами для российского флота стали потеря Порт-Артура, поражение Владивостокской части Тихоокеанской эскадры 1 августа 1904 г. и Цусимское сражение, часто именуемое в отечественной мемуарной и исторической литературе катастрофой. Неутешительный результат кампании для Российской империи и трагические неудачи заставляют усомниться, были ли проявлены комбатантами лучшие качества человеческой природы, которые принято называть героическими, и можно ли считать героями участников Русско-японской войны и почему?

В отечественной историографии «образ героя» получил освещение только с точки зрения СМИ и гражданского общества, которые определяли, что расценивается как подвиг и за какие заслуги комбатант удостоен чести войти в анналы. Российскому обывателю особенно запомнились деяния контр-адмирала С. О. Макарова, экипажем крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», генерал-лейтенанта Р. И. Кондратенко [3]. В работах отечественных исследователей точка зрения российских комбатантов не нашла достойного отражения.

Объектом исследования был избран менталитет участника Русско-японской войны, а предметом исследования – образ героя в представлении комбатантов. Целью данного исследования является путем привлечения широко спектра источников личного происхождения (писем, воспоминаний, дневниковых записей участников Русско-японской войны) выделить конкретные черты «образа героя» в сознании комбатанта. Для этого необходимо установить, какие поступки в представлении профессиональных военных считались подвигами, кто из сослуживцев был достоин звания «герой» и как представления комбатантов согласуются мнением российской общественности.

Взгляд российского комбатанта на поведение своих сослуживцев содержат источники личного происхождения, что позволило выбрать данный тип документов основным для исследования. Образ героя можно разделить на две составляющие. Первая – «синхронный» образ, который комбатанты формировали при непосредственном участии в военных действиях в 1904–1905 гг. и зафиксировали в дневниковых записях и корреспонденции. Второй – «ретроспективный», выраженный в осмыслении произошедшего спустя месяцы и годы путем написания воспоминаний. Первый тип образа иллюстрируют письма А. А. Щербатова, дневники полковника А. В. Квитки и лейтенанта А. В. Колчака, второй – воспоминания Н. В. Вороновича, портартурцев И. Я. Кефели, Н. О. фон Эссена, А. П. Штера, Б. Н. Третьякова, М. И. Костенко и др. В целом образ героя мог меняться на протяжении военных действий, но для комбатанта была характерна фиксированная шкала ценностей, по которой он оценивал свои действия, поступки соратников и даже выпады противников.

Для начала нельзя не отметить, что героизм на поле боя всегда поощрялся и вознаграждался высшим военным командованием в целом и российским императором в частности. Николай II не скупился на награды для офицеров и солдат, участвовавших в Русско-японской войне. В отечественной историографии отмечается, что золотым Георгиевским оружием были награждены 610 офицеров, а более 130 полков, батальонов и батарей были пожалованы различными знаками доблести за оборону Порт-Артура, бои под Тюренченом, Ляояном, Гаудусулинским перевалом, Мукденом и другие сражения 1904–1905 гг. [4] Для героев войны были отчеканены медали за бой «Варяга» и «Корейца» в Чемульпо, общевоинская медаль в память о Русско-японской войне, медаль в память плавания Второй Тихоокеанской эскадры и серебряная медаль для Красного Креста [5]. Примечательно, что крест для участников обороны Порт-Артура был учрежден лишь к десятой годовщине обороны 19 января 1914 г. [6]

Восприятие героизма как неотъемлемой части воинского долга – аксиома, которой комбатанты и руководствуются в оценке действий своих сослуживцев, и не всегда эта оценка совпадает с мнением, сложившимся у общественности в Российской империи и императора Николая II, награждавшего отличившихся комбатантов.

Удачный переход из Либавы до Владивостока совершили лишь три боевых корабля из эскадры З. П. Рожественского и одним из них стал крейсер «Алмаз». Однако подвиг соплавателей у безымянного «небогатовского офицера» не вызывает восхищения: «Пользуясь тремя хорошими машинами, он ночью, без огней, прошел полным ходом вдоль нашей эскадры и, пройдя море, занятое неприятелем, благополучно прорвался во Владивосток. Правда, неприятель на него не обратил никакого внимания, так как он не имел никакой боевой ценности, но командир его вернулся на Родину героем с крестом Св. Георгия Победоносца на груди» [7]. Нельзя не отметить, что автор статьи скрывается за инициалами В. Б. и ссылается на слова товарища-участника Цусимского сражения. Несмотря на желание «небогатовского офицера» высказаться, он вынужден под бременем стыда от позорной сдачи сохранить инкогнито. Спустя тридцать лет после поражения его упреки в адрес «Алмаза» остаются лишь анонимными выпадами.

Были и другие комбатанты, не признававшие награждение боевыми орденами показателем реально проявленной храбрости под градом вражеских пуль. Н. В. Воронович в своих воспоминаниях приводит в пример случаи, когда офицеры приезжали из Петербурга в Манчжурию под конец войны (в июле 1905 г.) с желанием получить боевые отличия и награды. Пробыв всего несколько дней на передовой, они возвращались в тыл, и высокопоставленные покровители требовали представить своих адъютантов к наградам. Реальный же героизм, например, проявленный отрядом охотников подполковника Н. М. Иолшина в ходе отражения японского наступления 30 июля 1905 г. не был поощрен, так как, по мнению Н. В. Вороновича, честный доклад подполковника о происходящем бросал тень на профессиональное поведение его непосредственного начальства, позволившее себе слишком поспешное отступление [8].

Тем не менее награды были желанными трофеями для комбатантов. Их с нетерпением ждали и активно обсуждали [9]. В солдатской среде знаки доблести за Русско-японскую войну считались более престижным достижением для комбатанта, нежели крест за русско-китайские походы 1900–1901 гг., который презрительно нарекался «ненастоящим» из-за излишней щедрости, проявленной при награждении отличившихся [10].

Героический поступок команды крейсера «Варяг» не всеми участниками Русско-японской войны воспринимается как безоговорочный подвиг. А. А. Щербатов в письме к своей невесте выражает следующую оценку действий команды крейсера: «За варяжских же я рад, и раз им дали Георгия, никогда не скажу, что незаслуженно. Но я такого Георгия себе не желаю. Недостаточно идти на смерть верную (они не шли на верную смерть), надо идти с полной и непостыдной возможностью не идти и с целью высокою и святою» [11]. Для максималистски настроенного мичмана жертвенность – главное качество российского комбатанта. Необходимо учитывать, что мысли о готовности к жертве, даже если человек не находился в безвыходном положении, приходят мичману по дороге во Владивосток, когда он сам еще не приобрел опыта участия в морском сражении. Подобные рассуждения – прерогатива личной переписки, возможно, во всеуслышание подобных заявлений А. А. Щербатов не делал.

Впоследствии, уже получив назначение на крейсер «Россия» и ощутив на себе условия реального боя, А. А. Щербатов становится менее категоричен в суждениях о своих соратниках, но по тому же принципу оценивает действия противника. В частности, мичман повествует о захвате крейсером «Россия» японского транспортного корабля с ротой солдат. Японские офицеры сдались в плен сразу, а солдаты продолжали сражаться, пока транспорт не утонул вместе с ними. Поведение командующего состава противника российский офицер посчитал позорным и заслуживающим осуждения, а солдатскую отвагу и преданность воинской чести похвалил: «Конечно, мотыльки, а офицеры – дрянь» [12].

Лестного эпитета «герой-неприятель» заслуживает японский капитан-лейтенант Такэо Хирозэ, погибший во время одной из попыток заградить выход из гавани Порт-Артура: «Русские моряки запомнили твое имя, герой-неприятель, и на восьмом десятке лет свято хранят твой завет, мелом написанный в предсмертный час. Они рассказывают своим внукам и правнукам о легендарных экипажах брандеров и о тебе, наш доблестный противник, герой японского флота, капитан-лейтенант Хирозэ!» – написал участник обороны Порт-Артура спустя полвека [13].

Командир «Севастополя» Н. О. фон Эссен признавал достойным подвигом защиту Порт-Артура любыми способами и вспоминал погибших как героев, что не мешало критиковать их профессиональную компетентность. Комбатант был убежден, что человек может совершить подвиг на суше и самоотверженно пожертвовать своей жизнью, но при этом бояться неприятельских кораблей и быть абсолютно неприспособленным к морской службе. Н. О. фон Эссен считал героем своего соплавателя А. В. Лебедева. Командир в своих воспоминаниях отмечает личную храбрость Александра Васильевича, «симпатичность», проявленную беззаветную отвагу в бою за взятый врагом редут, и героическую гибель во время августовского штурма Порт-Артура. При этом погибший герой – никуда не годный морской офицер, по выражению Н. О. фон Эссена, не умевший управлять ни кораблем, ни своими людьми. Он «плавал как чемодан и моря боялся как огня» [14]. Сам Н. О. фон Эссен тоже выглядел героем в глазах других защитников Порт-Артура [15].

В воспоминаниях участников обороны Порт-Артура запечатлено множество достойных подвигов. Портартурцы называют среди героических боев своих сослуживцев следующие: оборона горы Дагушань 26 июня 1904 г., оборона горы Высокой, бой у Киньчжоу, августовские бои за Скалистый Кряж и Орлиную гору [16]. Б. Н. Третьяков считал показателем самоотверженности и отваги 5-го Восточно-сибирского полка статистику потерь после боя у Киньчжоу: «В нем выбыло из строя 51% офицерского состава и 37% стрелков» [17]. Для офицера способность пожертвовать своей жизнью, дав отпор превосходящему врагу, – вот настоящее доказательство героизма его

умерших товарищей. Да, позиция была взята, но ни один российский комбатант не изъявил желания сдаться японцам – они предпочли смерть.

Для генерал-майора М. И. Костенко рядовые солдаты и матросы – вот настоящие герои порт-артурской обороны, причем, подвергаясь колоссальной физической и психологической нагрузке, нижние чины не избалованы признанием и славой. Вот как описывает внешний вид «русских героев» офицер: «...лицо его не носило и следа ничего героического; оно было просто и естественно, ни рисовки, ни самодовольства, как будто бы он никакой опасности и не подвергался. Поразительно, как просто русский солдат относится к своей героической работе!» [18] По мнению генерал-майора, на подвиги способны лишь «люди долга, с высоким чувством и душой», благодаря чему мужества и героизма в Порт-Артуре было «больше, чем нужно» [19].

Не уступали стрелкам и матросы во главе с морскими офицерами. Они храбро сражались на суше [20]. У мичмана А. П. Штера был свой взгляд на храбрость и ее проявление в обстановке морского сражения, которое кардинально отличается от поединков комбатантов на суше: «Вся храбрость, стало быть, заключается только в умении скрывать свои чувства и оставаться хладнокровным и спокойным, несмотря на смерть и ужас, который царит кругом. Но такая храбрость все равно делу не поможет» [21]. И все-таки в душе лейтенанта находит отклик способность сослуживцев к жертвенности. А. П. Штер считал героическим поход канонерской лодки «Бобр» в бухту Талиенван, а также глубоко уважал капитана 2-го ранга В. Степанова, командира «Енисея». По воспоминаниям комбатанта, талантливый, предприимчивый, искренне любящий морское дело командир эскадренного миноносца сумел установить 400 мин в Талиеванской бухте, но по трагической случайности судно подорвалось на одной из них. До самого конца В. Степанов был хладнокровен, несмотря на ранение, не потерял присутствия духа, оперативно организовал эвакуацию людей и ушел на дно вместе со своим кораблем [22]. Подобный поступок позволяет лейтенанту причислить капитана В. Степанова к героям Русско-японской войны.

Казачий командир полковник А. В. Квитка постоянно в своем дневнике приводит примеры самоотверженного поведения как рядовых казаков, так и их офицеров. Благодаря их отваге удавалось нанести неприятелю урон и захватить окоп, спасти батарею со сравнительно небольшими потерями, сбить противника с выгодной позиции, обратить в бегство полуроту японцев, захватить занятый превосходящими силами противника населенный пункт [23].

А. И. Деникин считал героизмом не просто выполнение поставленной боевой задачи, но и гуманное отношение к побежденному неприятелю. Он описывает случай, когда подъяесаул Зеленцов с сотенными командирами в бою под Тасинтунем окружили укрепленную деревню с японцами. Убивать всех до единого комбатанты не хотели, а отправили пленного японца парламентаром, чтобы предложить сдаться. В итоге взяли в плен четырех офицеров с солдатами, сохранив им жизнь [24]. В аналогичной ситуации не все российские комбатанты поступили бы так же. Были случаи расправ над оставшимся в меньшинстве врагом [25], но подобное поведение не считалось недостойным и излишне жестоким.

Комбатанты признавали подвиги не только своих сослуживцев, но и медиков из Красного Креста. Они отдавали должное самоотверженности докторов и медсестер, которые оказывали помощь раненым, порою презрев опасность и оставаясь с отстреливающимися от наступающего противника частями до последнего момента [26], спасли немало жизней в боях у крепости Порт-Артур [27], а при необходимости даже брали в руки оружие и стреляли во вражеских солдат [28].

Несмотря на взаимные претензии и рассуждения в среде комбатантов, что можно считать подвигом, а что нет, вышеприведенные примеры героического поведения, а также готовность вступить в бой даже с превосходящим противником – явления отнюдь не редкие для Русско-японской войны [29]. Очевидно, что российские комбатанты не раз в критической ситуации проявили лучшие качества человеческой натуры.

Таким образом, для российского комбатанта на первом месте стояли долг перед Отечеством и выполнение боевой задачи. И ради достижения этих целей он был обязан проявить отвагу, стойкость и хладнокровие в критической ситуации, что не считалось чем-то необычным. Как правило, российский комбатант признавал достойное уважения и похвалы мужественное поведение сослуживцев и способность пожертвовать жизнью. Несмотря на частные случаи, комбатанты Русско-японской войны не проявляли особенной жестокости к противнику, а считали необходимым гуманное отношение к раненым или побежденным японцам, отдавали должное доблестному поведению личного состава японских армии и флота.

Примечания

1. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005–2006. Актуальные проблемы изучения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 416 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. С. 129.
3. Воробьева Э. А. Формирование образа героя в русско-японскую войну 1904–1905 годов (на материалах газет «Дальний Восток», «Сибирская жизнь», «Вестник Маньчжурской армии») // Вестник НГУ. Сер.: История, филология, 2008. Т. 7. Вып. 1: История. С. 141–146.
4. Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 3. М.: Голос, 1994. С. 109.
5. Кузнецов А. А., Чепурнов Н. И. Наградная медаль. Т. 1. М., 1995. URL: <http://storyo.ru/medal1/77.htm> (дата обращения: 19.09.2015).
6. Там же.
7. Плавание отряда адмирала Небогатова // С эскадрой адмирала Рожественского: сб. ст., посв. 20-летию похода II эскадры Тихого океана. Прага, 1930. С. 115–134.
8. Воронович Н. В. Русско-японская война. Воспоминания. Нью-Йорк, 1952. С. 56–57.
9. Квитка А. В. Дневник Забайкальского Казачьего офицера. Русско-японская война 1904–1905. СПб., 1908. С. 209.
10. Костенко М. И. Осада и сдача крепости Порт-Артур: Мои впечатления. Киев: Тип. Окр. штаба, 1907. С. 74–75.
11. О войне, любви и вере: Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой 1904–1905 гг. / сост. Е. А. Федоров, И. Г. Менькова, Д. А. Меньков. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 98.
12. Там же. С. 139.
13. Кефели Я. И. Брандеры // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 282–283.
14. «...Надо же было набрать в Артур таких начальников!» Фрагменты из неопубликованных «Воспоминаний об осаде Порт-Артура 1904 г.» Н. О. фон Эссена // Кортик. 2004. № 3. С. 32–44.
15. Бурачек С. П. На «Новике» 26 января 1904 года // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 73–76.
16. Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 98, 100, 310–311.
17. Третьяков Б. Н. 5-й полк // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 217–230.
18. Костенко М. И. Указ. соч. С. 53.
19. Там же. С. 122, 135.
20. Порт-Артур. Воспоминания участников. С. 312.
21. Штер А. П. На крейсере «Новик». СПб.: Гангут, 2001. 112 с. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shter_ar/index.html (дата доступа: 15.09.2015).
22. Там же.
23. Квитка А. В. Указ. соч. С. 120, 246, 262, 314, 334, 353, 372.
24. Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 208.
25. Квитка А. В. Указ. соч. С. 372.
26. Там же. С. 98.
27. Ефимович П. В. Перед концом Порт-Артура // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 97–102.
28. Твердовская Г. «Маленькая сестричка» // Там же. С. 103–116.
29. Порт-Артурский дневник лейтенанта Колчака / вст. ст., коммент. и подг. текста к публ. С. В. Дрокова // Советские архивы. 1990. № 5. С. 62–74.

Notes

1. *Voенno-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2005–2006. Aktual'nye problemy izucheniya – Military-historical anthropology. Yearbook, 2005–2006. Current issues of the studies.* M. Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2006. 416 p.
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. M. AZ. 1993. P. 129.
3. Vorobyeva E. A. *Formirovanie obraza geroya v russko-yaponskuyu vojnu 1904–1905 godov (na materialah gazet «Dal'nij Vostok», «Sibirskaya zhizn'», «Vestnik Man'chzhurskoj armii»)* [Formation of the image of the hero in the Russo-Japanese war 1904–1905 (on materials of the newspaper "Far East", "Siberian life", "Herald of the Manchu army")] // *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya, 2008. T. 7. Vyp. 1: Istoriya* – Herald of NSU. Ser.: History, Philology. 2008. Vol. 7. Is. 1: History. Pp. 141–146.
4. Kersnovskiy A. A. *Istoriya Russkoj armii*. [History of the Russian army]. Vol. 3. M. Golos. 1994. P. 109.
5. Kuznetsov A. A., Chepurnov, N. I. *Nagradnaya medal'* [Commendation medal]. Vol. 1. M. 1995. Available at: <http://storyo.ru/medal1/77.htm> (reference date: 19.09.2015).
6. Ibid.
7. *Plavanie otryada admirala Nebogatova – Swimming of squad of Admiral Nebogatov // S ehskadroy admirala Rozhestvenskogo: sb. st., posv. 20-letiyu pohoda II ehskadry Tihogo okeana* – With the squadron of Admiral Rojdestvenskiy: collection of articles, dedicated to the 20th anniversary campaign of the II squadron of the Pacific ocean]. Prague. 1930. Pp. 115–134.

8. Voronovich N. V. *Russko-yaponskaya vojna. Vospominaniya* [Russo-Japanese war. Memories]. New York. 1952. Pp. 56-57.
9. Kvitka A. V. *Dnevnik Zabajkal'skogo Kazach'ego oficera. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905* [Journal of the Transbaikalian Cossack officer. The Russo-Japanese war of 1904-1905]. SPb. 1908. P. 209.
10. Kostenko M. I. *Osada i sdacha kreposti Port-Artur: Moi vpechatleniya* [Siege and surrender of the fortress of Port-Arthur: My impressions]. Kiev. Typ. of district headquarters. 1907. Pp. 74-75.
11. *O vojne, lyubvi i vere: Perepiska michmana knyazya Aleksandra SHcherbatova so svoej nevestoj knyazhnoj Sof'ej Vasil'chikovej 1904–1905 gg.* – About war, love and faith: the letters of Midshipman Prince Alexander Shcherbatov with his bride Princess Sophia Vasilchikova 1904-1905 / comp. E. A. Fedorov, I. G. Men'kova, D. A. Men'kov. M. Publishing house PCTSU. 2008. P. 98 .
12. Ibid. P. 139.
13. Kefeli Ya.I. *Brandery* [Branders] // *Port-Artur. Vospominaniya uchastnikov* – Port Arthur. The memories of the participants. New York. Publ. n.a. Chekhov. 1955. Pp. 282-283.
14. «...Nado zhe bylo nabrat' v Artur takih nachal'nikov!» *Fragments iz neopublikovannyh «Vospominanij ob osade Port-Artura 1904 g.»* N. O. fon Ehssena – "...How could they hire in the Arthur such chiefs!" Fragments from the unpublished "Memoirs of the siege of Port Arthur 1904" N. O. von Essen // *Kortik* – Cutlass. 2004, No. 3, pp. 32-44.
15. Burachek S. P. *Na «Novike» 26 yanvarya 1904 goda* [On the "Novik" 26 Jan 1904] // *Port-Artur. Vospominaniya uchastnikov* – Port Arthur. The memories of the participants. New York. Publ. n.a. Chekhov. 1955. Pp. 73-76.
16. *Port-Artur. Vospominaniya uchastnikov* – Port Arthur. The memories of the participants. New York. Publ. n.a. Chekhov. 1955. Pp. 98, 100, 310-311.
17. Tretyakov B. N. *5-j polk* [The 5th regiment] // *Port-Artur. Vospominaniya uchastnikov* – Port Arthur. The memories of the participants. New York. Publ. n.a. Chekhov. 1955. Pp. 217-230.
18. Kostenko M. I. Op. Cit. P. 53.
19. Ibid. Pp. 122, 135.
20. *Port-Artur. Vospominaniya uchastnikov* – Port Arthur. The memories of the participants. P. 312.
21. Stehr A. P. *Na krejsere «Novik»* [On the cruiser "Novik"]. SPb. Gangut. 2001. 112 p. Available at: http://militera.lib.ru/memo/russian/shter_ap/index.html (access date: 15.09.2015).
22. Ibid.
23. Kvitka A. V. Op. Cit. Pp. 120, 246, 262, 314, 334, 353, 372.
24. Denikin A. I. *Put' russkogo oficera* [Path of a Russian officer]. New York. Publ. n.a. Chekhov. 1953. P. 208.
25. Kvitka A. V. Op. Cit. P. 372.
26. Ibid. P. 98.
27. Efimovich P. V. *Pered koncom Port-Artura* [Before the end of Port Arthur] / *Port-Artur. Vospominaniya uchastnikov* – Port Arthur. The memories of the participants. New York. Op. Cit. 1955. Pp. 97-102.
28. Tverdovskaya G. *«Malen'kaya sestrichka»* ["Little sister"] // *ibid.* Pp. 103-116.
29. *Port-Arturskij dnevnik lejtenanta Kolchaka* – Port Arthur diary of Lieutenant Kolchak / intr. article, comments, read. of the text to publ. S. V. Drovkov // *Sovetskie arhivy* – Soviet archives. 1990, No. 5, pp. 62-74.

УДК 94(363.2)

М. В. Домский

Поэма «Спаситель» (Heliand): как писалось «Саксонское Евангелие»

Правление Людовика Благочестивого ознаменовалось попытками популяризации христианства среди саксов. Одним из инструментов этой популяризации стала германская поэтическая традиция. Во взаимодействии эпоса и Писания родился библейский эпос саксов, крупнейшим памятником которого является поэма «Спаситель» (Heliand). В статье рассматриваются основные вопросы, связанные с формированием библейского эпоса как инструмента христианизации саксонских племён.

In the reign of Louis the Pious the popularization of Christianity among Saxons started. In order to get their attention to the newly imposed religion, the Germanic poetry was used as a tool. The most famous example of the Saxon Christian epic poetry is the Heliand. The paper considers key questions relating to the epic as a tool in the Christianization of the Saxon tribes.

Ключевые слова: христианизация, библейский эпос, «Спаситель».

Keywords: Christianization, biblical epic, Heliand.

Вскоре после обретения всей полноты власти над франками Карл Великий начал долгую и (если верить свидетельствам современников) исключительно кровопролитную Саксонскую войну, которой суждено было завершиться едва ли не вместе с его правлением. В конце этого правления саксы покорились Карлу и вместе с его властью приняли его веру. Однако принятие новой веры первоначально было не более чем формальностью, сопутствующей клятве верности новому господину. И потому позднее Людовику Благочестивому, сыну и преемнику Карла, пришлось позаботиться о внесении надлежащей ясности в смутные представления своих новых подданных относительно предмета их новой веры. Людовику и его духовенству пришлось начать с подробного и доходчивого изложения самых элементарных основ христианской религии.

Эта задача была трудна. И дело не только в том, что Священное Писание весьма пространно, а христианские догматы подчас сложны, противоречивы и не всегда доступны для понимания. Помимо всего прочего, эта задача требовала кропотливого приспособления новой религии и её священных текстов к опыту, доступному обитателям отдалённых северных окраин Европы (что осложнялось необходимостью взаимного приспособления языка Священного Писания и языка новообращённых).

В правление Людовика на языке саксов была пересказана по меньшей мере часть Ветхого Завета (сохранившаяся лишь частично и известная ныне как «Древнесаксонский Генезис») и история жизни Иисуса, изложенная в тексте Нового Завета. Именно последняя стала основой для самого объёмного памятника библейского эпоса континентальных саксов – поэмы «Спаситель» (Heliand).

Увы, за два столетия исследования этого текста учёные так и не смогли прийти к общему мнению относительно точного времени и места создания этой поэмы. Также не смогли они ответить на сопряжённый с тем вопрос об авторстве.

Первые попытки установления если не самого имени автора «Спасителя», то хотя бы места создания поэмы относятся к XIX в. С тех пор было высказано немало самых разных предположений, однако и по сей день никто из исследователей не сможет с уверенностью сказать, где и кем был составлен этот текст.

Первоначально в своих попытках определения возможного места создания поэмы исследователи опирались на имеющиеся особенности её языка. Благо этот язык не был лишённым посторонних примесей древнесаксонским языком, но содержал в себе многочисленные фризские и нижнефранконские вкрапления. Принимая во внимания эти вкрапления, специалисты неоднократно пытались определить ту местность, где могло бы существовать подобное смешение диалектов. В итоге этих поисков образовался длинный список из саксонских и сопредельных несаксонских местностей, включавший множество названий, начиная от Вердена и Корвейского монастыря и заканчивая Магдебургом и окрестностями Мерзебурга. Притом исследовательские предпочтения чаще доставались западной части саксонских земель, лежавших вблизи от тех областей Франкского государства, которые не раз служили исходным пунктом для христианских миссий, направлявшихся в земли саксов [1].

В дальнейшем, однако, и без того спорный вопрос был осложнён исследователями, усомнившимися в том, что обнаруженное в поэме смешение диалектов когда-либо существовало в разговорной речи, бытовавшей в какой-либо из частей Германии. По мнению части этих исследователей, смешанный диалект поэмы мог не быть диалектом самого поэта. Этот диалект мог образоваться в итоге работы нескольких писцов, которым была доверена запись текста или даже мог стать нечаянным плодом усилий позднейших переписчиков. Другие же полагают, будто диалект, засвидетельствованный на примере «Спасителя», мог быть лишь «поэтическим диалектом», т. е. искусственной смесью нескольких диалектов, существующей исключительно в поэтических текстах и никогда не использовавшейся в повседневном общении. «Спаситель» мог унаследовать этот диалект от древней поэтической традиции, существовавшей в регионе задолго до его христианизации Карлом и Людовиком [2]. Подобная точка зрения достаточно популярна среди исследователей и делает в принципе невозможным определение места создания поэмы на основе данных языка.

В подобном контексте почти теряет смысл вопрос о возможном социальном происхождении автора «Спасителя». Сообщество исследователей древнесаксонских текстов сталкивалось с затруднениями всякий раз, когда пыталось дать ответ на вопрос о том, кем он был. За время, истекшее с начала систематических исследований поэмы, было предложено множество самых разных вариантов ответа на этот вопрос. Кто-то считал его неграмотным простолюдином, происходящим из Вестфалии, кто-то – духовным лицом или недавно крещёным саксонским аристократом, а кто-то – традиционным для германского мира эпическим певцом, не являющимся ни крестьянином, ни духовным лицом, ни аристократом [3]. Среди всех предложенных учёной пуб-

лике гипотез найдётся и такая, согласно которой «Спаситель» не был плодом индивидуального поэтического творчества единственного автора (кем бы он ни был), но являлся итогом усилий нескольких людей. Ведь многочисленные поэтические шероховатости в тексте чрезвычайно пространной песни (а она приблизительно в два раза длиннее древнеанглийского «Беовульфа») могут среди прочего указывать на работу группы поэтов.

Что же касается имен возможных претендентов на место автора, то малолюдная история Саксонии и прилегающих к ней стран той поры не предлагает исследователям длинного перечня кандидатов. В этой истории отыщется одно лишь имя: Бернлеф – единственный германский поэт времён Карла Великого, ныне известный по имени, происходивший из фризских земель и бывший сподвижником фризского епископа Людгера (ум. 809 г.), известного среди прочего основанием монастыря в Вердене на Руре [4]. По легенде, сохранившейся в Жизни Св. Людгера, именно этот епископ вдохновил слепого певца Бернлефа на изложение христианских текстов в стихах на языке варваров [5].

Идея приписать авторство Бернлефу небесспорна и ненова. Впервые она была высказана ещё на ранних стадиях исследования «Спасителя», была не раз отвергнута, однако некоторое время назад голландец Р. Венбас представил новый аргумент в пользу авторства Бернлефа. Он настаивает на том, что обнаружил (ни много, ни мало) имя самого Бернлефа, зашифрованное в тексте «Спасителя» – в словах «*barno lofon*» [6].

Другим давно дискутируемым вопросом является вопрос о возможной «германизации Евангелия», якобы имевшей место в тексте «Спасителя». Как уже было замечено ранее, этот чрезвычайно длинный и крайне любопытный текст был невозможен без взаимного приспособления двух очень разных традиций и языков. Потому в течение пересказа истории Иисуса поэт был вынужден не раз отступить от буквы Писания во имя большей доступности своего сочинения. Он отступал от этой буквы столь часто и столь вдохновенно, что некоторые исследователи его творчества склоняются к тому, чтобы назвать его поэму «саксонским Евангелием» (Р. Мерфи). Относительно возникших отклонений от текста Писания не всегда можно с лёгкостью сказать, являются ли они всего лишь итогом подбора наиболее доступных для аудитории слов, или же они представляют из себя плод германизации христианства, результат проникновения героических и даже языческих концептов в ткань формирующихся христианских воззрений народа саксов.

Хотелось бы как можно подробнее описать изменения, внесённые саксонским поэтом в историю Иисуса. Однако приспособление этой истории к реалиям жизни германских племён затрагивает едва ли не всю жизнь её главного героя, и потому стоит ограничиться лишь очень кратким описанием самых ярких примеров правки исходных христианских сюжетов, расположенных в ключевых евангельских сценах – в сценах Непорочного зачатия, рождения, Крещения, распятия и смерти Иисуса Христа.

Приспособление истории жизни Иисуса к особенностям восприятия новой аудитории начинается в сцене Непорочного зачатия, в которой автор «Спасителя» (не акцентируя на том внимания своих слушателей) смешал Второе и Третье лица Троицы [7]. Впрочем, эту «правку» заметит только очень острый глаз очень внимательного исследователя. Поэма же изобилует куда более заметными отступлениями от исходного текста.

Внесение коррективов в этот текст продолжилось в сцене Рождества. Там, где пастухи, следовавшие указанию Ангела и пришедшие в Вифлеем, увидели ясли, младенца и Марию. Мария при том пеленала младенца и украшала его тем, что сказитель называет «прекрасными драгоценностями» (*biuuand ina mid ... fagaron fratahun*; 379–380).

Не осталась нетронутой и сцена крещения Господня. Здесь, точно следуя за словом Нового Завета, вновь появляется Дух Божий. Как то и должно было случиться, Дух «ниспускался» на Иисуса «в телесном виде, как голубь» (Лк. III: 22). Однако саксонский поэт дополнил описание Духа деталью, которую не удастся отыскать ни у одного из евангелистов: в его версии Священной истории тот сходил на Иисуса «в облике птицы могучей» (*uuas im an gilicnissie lungras fugles*; 987).

Кроме того, в саксонском изложении Дух сходил на Иисуса буквально, то есть усаживаясь на его плече, хотя евангельское «ниспускался на Него» не указывает на какую-либо часть тела Иисуса.

Однако вероятно, самые смелые коррективы евангельских сцен найдутся в конце «Спасителя». Там, где саксонский поэт пытается рассказать своим слушателям о том, что произошло на Голгофе.

Дело в том, что казнь, которой подвергся Иисус, не была известна саксам. Потому в саксонском словаре не нашлось ни глагола «распять», ни того слова, которое могло бы означить то, что римляне обозначали словом «сгих» (крест). Поэту пришлось обратиться за недостающим словом к латинскому словарю, откуда он позаимствовал слово «сгѳси» (крест). Вооружившись этим сло-

вом, он изобразил убийство на кресте («an cruce aslagan»; 4462), упомянув холодную сталь гвоздей, вбитую молотом сквозь руки и ноги, и кровь, льющуюся на землю (5535–5540).

Однако за этим последовала неожиданная смена декораций. Вероятно, для большей наглядности поэт расположил на Голгофе инструмент казни, более понятный саксам, – виселицу (galgo). В итоге этой смены декораций сам момент окончания земной жизни Иисуса обрёл неожиданную двусмысленность. Наиболее распространённый вариант перевода соответствующих строк «Спасителя» небесспорен и оставляет возможности для иного прочтения. Однако обычно переводчики этого текста (Дж. Кейси, Р. Мерфи и проч.) сходятся в том, что в час смерти на шею Иисуса была накинута петля.

Причины, по которым евангельские сцены претерпели видоизменение при пересказе на саксонском языке, в некоторых случаях вполне очевидны, а в иных случаях могут вызывать споры, затягивающиеся на десятилетия. Зачастую за изменениями, внесёнными поэтом (либо поэтами) в евангельский сюжет, угадывается понятное стремление к примирению засвидетельствованного Новым Заветом социального положения Иисуса с представлениями саксонской аудитории о том, каким должно быть прижизненному социальному статусу их нового верховного божества. Весьма вероятно, что эта аудитория состояла главным образом из саксонских аристократов. И потому тот, кто пересказывал им историю жизни Иисуса, был вынужден подчёркивать его княжеское достоинство везде, где то было возможно. Он многократно подчёркивал это выпячиванием происхождения Иисуса от Царя Давида, именованием его Отца не иначе как «небесным князем» (hebanconing), преобразованием окружающих Иисуса учеников в «дружинников», или же теми «прекрасными драгоценностями», которыми украшала его в Вифлееме мать его.

Иные же изменения евангельских сцен являются следствием адаптации нового и неизвестного, привнесённого в регион Северного моря вместе с принадлежащим средиземноморской культуре текстом Нового Завета. Так, вероятно, именно попыткой приспособления нового (а не собственными религиозными взглядами автора «Спасителя») следует объяснить странности, происходящие при всяком появлении в тексте поэмы Святого Духа (и в сцене Непорочного зачатия, и в сцене Крещения Господня). Нечто подобное можно видеть и в сцене на Голгофе, где поэт, столкнувшись с неизвестным его аудитории орудием казни, видоизменил библейские декорации и несколько скорректировал финал.

Изменения, внесённые в евангельскую историю в процессе её пересказа на древнесаксонском языке, многочисленны и разнообразны. Они охватывают почти весь текст поэмы «Спаситель», а механизм, рождающий эти изменения, сложен и нуждается в крайне длинных и очень обстоятельных комментариях.

Примечания

1. Collitz H. 'The Home of the Heliand', PMLA, vol. 16, no. 1, 1901. P. 131.
2. Ibid. P. 131–134.
3. Metzenthin E. C. 'The Heliand: A New Approach', Studies in Philology, vol. 21, no. 3 (Jul., 1924). P. 508–509, 516.
4. Collitz H. Op. cit. P. 140.
5. Die Vitae Sancti Liudgeri. Münster: W. Diekamp, 1881. S. 30–32.
6. Quispel G. Gnostica, Judaica, Catholica. Leiden: Brill, 2008. P. 818.
7. The Heliand: the Saxon Gospel, trans. G. R. Murphy, New York: Oxford University Press, 1992. P. 13.

УДК 274.5(470.40/43)

А. А. Машковцев

Лютеране Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографический аспект

В статье рассмотрены основные социально-демографические характеристики лютеранской общины Вятской губернии. Автор проанализировал динамику численности вятских лютеран во второй половине XIX – начале XX в., их географическое распределение по территории края. Большое внимание уделено анализу социального статуса вятских лютеран, который оказывал существенное влияние на реализацию конфессиональной политики в отношении указанной протестантской организации.

In the article the basic socio-demographic characteristics of the Lutheran community Vyatka province. The author analyzed the population dynamics vyatka Lutherans in the second half of XIX – early XX century, their geographical distribution in the province. Much attention is paid to the analysis of social status vyatka Lutherans, which had a significant impact on the implementation of the religious policy in respect of the said Protestant organization.

Ключевые слова: лютеранство, Вятская губерния, демографическая статистика, конфессиональная политика.

Keywords: Lutheranism, Vyatka province, demographic statistics, confessional policy.

В середине XIX в. в Вятской губернии началось формирование лютеранской общины, которая, несмотря на свою малочисленность, стала одной из наиболее авторитетных неправославных религиозных организаций края. Представители Евангелическо-лютеранской церкви занимали прочные позиции в экономике региона, в частности в металлургии и производстве оружия. Также лютеране были весомо представлены в местных органах власти, занимая посты от мелких чиновников до губернатора (например, М. К. Клингенберг). Рассмотрим основные социально-демографические характеристики вятских лютеран, которые во многом объясняют их особое положение в региональном социуме.

Динамику численности представителей данной конфессии позволяет проследить табл. 1.

Таблица 1

**Динамика численности вятских лютеран
во второй половине XIX – начале XX в. [1]**

	Годы						
	1855	1865	1875	1885	1897	1909	1913
Численность лютеран (чел.)	135	206	327	152	427	389	405

К началу царствования Александра II в Вятской губернии проживали 135 адептов Евангелическо-лютеранской церкви [2]. Как и в случае с католиками, лютеране были крайне неравномерно размещены по территории края. Больше половины из них (72 чел.) проживали в Сарапульском уезде, главным образом в Ижевске. Вторым местом сосредоточения представителей данной конфессии была губернская столица, где насчитывалось 39 лютеран. Как мы видим, на территории Вятского и Сарапульского уездов в 1855 г. жили 111 чел. лютеранского исповедания, что составляло 82% от их общего количества. Таким образом, в Вятской губернии изначально оформились два крупных центра размещения лютеран – Ижевск и Вятка, где проживали свыше 2/3 всех вятских лютеран. Поэтому не случайно, что именно здесь сформировались устойчивые лютеранские общины и были построены две лютеранские кирхи.

С 1855 по 1875 г. лютеранское население Вятской губернии выросло в 2,5 раза, достигнув в 1875 г. 327 чел. [3] Столь серьёзный рост объясняется не естественным приростом (который был относительно небольшим), а притоком лютеран из других губерний страны, а также из-за границы. Центром их притяжения являлся Сарапульский уезд, где располагались крупные металлургические и оружейные предприятия. В этот период там происходили заметные качественные сдвиги, связанные с осуществлением промышленного переворота. Как отмечают авторы фундаментального труда по истории Удмуртии, изданного в 2004 г. под редакцией К. И. Куликова, наиболее радикальные изменения произошли на Ижевском заводе, который постепенно превращается в капиталистическое предприятие, по многим показателям являвшимся одним из наиболее передовых в России: «На нём впервые в стране организуется массовое производство литой тигельной стали, которое заменило кричный способ, использовавшийся здесь более ста лет» [4]. Закупка нового современного оборудования и изменение технологического цикла требовали большого числа квалифицированных кадров. Решить данную проблему лишь за счёт местных специалистов не представлялось возможным, что вынуждало руководство предприятия искать их за пределами края. Среди прибывавших в Ижевск инженеров и квалифицированных рабочих было немало лиц лютеранского исповедания.

Притоку немцев-лютеран способствовало и то, что в 1865 г. Ижевский завод передается в аренду полковнику М. К. Стандертшёльду и его компаньону Фролову. Как отмечает А. А. Шепталин, при М. К. Стандертшёльде в заводской администрации появляется довольно большое число немцев, в частности «офицеры Байер, братья Реннерфельды, лекарь Шарбе, помощник команди-

ра завода Фридрих Николаи, чиновники Карл Николаи и Фридрих Оберкотте, губернский секретарь Фридрих Фердинанд, канцеляристы Иоганн Дорнбуш и Эдуард Бейне, землемер Геннеман, штаб-капитан Карл Штакельберг» [5].

Однако по-настоящему «золотым» временем для ижевских лютеран стал период с 1871 по 1879 г., когда завод взял в аренду капитан гвардейской артиллерии П. А. Бильдерлинг [6]. При нём произошло ещё более заметное технологическое обновление предприятия. В частности, водяные колёса стали постепенно заменяться турбинами и паровыми двигателями [7]. Также были закуплены новые сверлильные, винторезные и другие станки. Именно в этот период (1872 г.) Ижевский завод начал производство стали, необходимой для выпуска как гражданской, так и военной продукции. А 1 февраля 1877 г. под руководством инженера В. Я. Вергера на предприятии заработала первая мартеновская печь, что позволило не только увеличить объёмы выпускаемой продукции, но и повысить её качество.

Переход Ижевского завода под управление П. А. Бильдерлинга привёл к дальнейшему быстрому росту числа адептов Евангелическо-лютеранской церкви в Ижевске и в целом на территории Сарапульского уезда. В 1869 г. в Сарапульском уезде насчитывалось 92 лютеранина [8]. К 1873 г. эта цифра возросла до 111 чел. [9], а в 1875 г. составила 264 чел. [10] При этом немцы-лютеране заняли ключевые позиции в руководстве Ижевским заводом. «При Бильдерлинге 7 из 12 наиболее значительных руководителей на заводе были немцами: это сам управляющий заводом – капитан П. А. Бильдерлинг, помощник управляющего – подполковник Эббергарт Галиндо, главы цехов и мастерских – фон Зеланд, Гуго Стандершельд, Мауриц Экестуббе, Николай Тейзинг, Федор Тезинг», – отмечает А. А. Шепталин [11].

Быстрое увеличение численности лютеран в Ижевске, а также серьёзная поддержка со стороны немецкого руководства предприятия способствовали положительному решению вопроса о строительстве в посёлке полноценного лютеранского храма. В 1872 г. здесь за счёт казны была построена лютеранская кирха [12], ставшая первой лютеранской церковью на территории Вятской губернии. Известный ижевский историк и искусствовед Е. Ф. Шумилов отмечает, что это была интересная в архитектурном отношении постройка, выполненная в неоготическом стиле [13].

После того, как П. А. Бильдерлинг в 1879 г. покинул Ижевск, новым управляющим завода стал Гуго Стандертшёлд. Он был выходцем с территории Великого княжества Финляндского и также исповедовал лютеранство. Однако, как отмечает А. А. Шепталин, «при Стандертшёлде, в 1881 году, государственные заказы на оружие были сокращены и многие работники завода были уволены» [14]. Кроме того, с 1885 г. Ижевский завод перешёл в казённое ведение, что привело к заметным кадровым изменениям в руководстве предприятия. Указанные факторы способствовали резкому сокращению в первой половине 80-х гг. XIX в. численности лютеран как в Сарапульском уезде, так и в целом в Вятской губернии. К 1885 г. их общая численность в крае уменьшилась до 152 чел. [15], то есть более чем в два раза в сравнении с 1875 г. При этом наиболее значительно (в 3 раза) сократилось количество лютеран именно в Сарапульском уезде: в 1885 г. их осталось 87 чел., тогда как десятилетием ранее насчитывалось 264 чел. [16]

Впрочем, отмеченное сокращение численности адептов Евангелическо-лютеранской церкви оказалось временным. В конце XIX в. благодаря многочисленным государственным заказам завод вновь стал наращивать объёмы выпускаемой продукции и осуществлять техническую модернизацию своих производственных мощностей. Так, в 1893 г. на предприятии заработала вторая мартеновская печь и было запущено несколько новых водяных турбин [17]. И хотя лютеране навсегда утратили доминирующее положение в руководстве Ижевским заводом, однако по-прежнему составляли заметный удельный вес среди инженерно-технического состава предприятия.

На момент проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Вятской губернии насчитывалось 427 лютеран [18]. Свыше половины из них (224 чел.) находились на территории Сарапульского уезда, главным образом в Ижевске. На втором месте по числу представителей данной конфессии была Вятка, где проживали 67 лютеран (ещё 13 чел. жили в различных населённых пунктах Вятского уезда) [19].

С 1897 г. и до начала Первой мировой войны колебания численности лютеран края являлись незначительными. За период экономического кризиса 1900–1903 гг. и последовавшей за ним депрессии 1904–1908 гг. количество лютеран в Вятской губернии уменьшилось до 389 чел. [20], но затем вновь стало расти. Накануне Первой мировой войны в Вятской губернии насчитывалось 405 лютеран [21].

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война привела к многократному увеличению численности лютеран в крае. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, Вятская губерния стала одним из районов размещения германских и австро-венгерских подданных, интернированных из прифронтовой полосы. 2 августа 1914 г. Николай II подписал указ, согласно которому

все подданные «центральных держав» (мужского пола) в возрасте от 18 до 45 лет депортировались в отдалённые районы страны, находившиеся на значительном расстоянии от зоны боевых действий [22]. Однако фактически, в ходе реализации данного указа, выселялись не только мужчины призывного возраста, но и лица старше 45 лет, а также члены их семей.

В августе 1914 г. началось выселение подданных Германии и Австро-Венгрии из прифронтовой полосы в Польше, Литве и на Волыни. Помимо Вятской губернии интернированные направлялись в Вологодскую и Оренбургскую губернии, в заволжскую часть Казанской и Костромской губерний, восточные уезды Олонецкой губернии, а также Шенкурский и Пинежский уезды Архангелогородской губернии [23].

В Вятскую губернию первые группы интернированных прибыли в начале августа 1914 г. К ноябрю 1914 г. общее число германских и австро-венгерских подданных в крае достигло 7388 чел., а к 1 августа 1915 г. – 8163 чел. [24]

Во-вторых, Вятская губерния была крупным центром размещения военнопленных. Среди них преобладали бывшие военнослужащие австро-венгерской армии (австрийцы, венгры, чехи, русины и пр.), являвшиеся в основном католиками и униатами по вероисповеданию. Вместе с тем среди пленных встречалось немало солдат кайзеровской армии, исповедовавших лютеранство.

Наконец, с началом войны в Вятскую губернию хлынул поток беженцев из западных регионов страны. Первоначально среди них доминировали католики, бежавшие из Польши, Литвы и Западной Белоруссии, но после оккупации германскими войсками части Латвии (например, Курляндии) стали появляться латыши-лютеране.

Общее количество лиц лютеранского вероисповедания определить достаточно сложно. Отчёт Вятского губернского статистического комитета за 1914 г. позволяет установить лишь общее число протестантов, находившихся в тот момент на территории края – 3621 чел. [25], однако вычленив из этого количества лютеран не представляется возможным.

За 1915–1916 гг. статистические данные по количеству лютеран есть лишь по отдельным уездам, но и они свидетельствуют о весьма существенном росте числа адептов данной конфессии в годы Первой мировой войны. Так, в конце 1916 г. в одном лишь Слободском уезде насчитывалось 3869 лютеран и 276 представителей других протестантских религиозных организаций (адвентисты, баптисты, меннониты и пр.) [26].

После подписания Советской Россией в марте 1918 г. Брестского мира Вятскую губернию покинули германские и австро-венгерские военнопленные и интернированные лица. Окончательное прекращение Первой мировой войны позволило вернуться на родину большинству беженцев (в частности, латышей). Наконец, Гражданская война в России и жёсткая политика «военного коммунизма», проводимая большевиками, привели к исходу с территории края тех немцев-лютеран, которые прибыли сюда вполне добровольно. Впрочем, эти демографические процессы уже выходят за хронологические рамки нашего исследования.

Далее рассмотрим половой состав лютеранской общины Вятской губернии (табл. 2).

Таблица 2

**Половой состав лютеранской общины
Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [27]**

Годы	Мужчины (чел.)	Женщины (чел.)	Соотношение мужского и женского населения (в %)
1855	72	63	53/47
1865	160	46	78/22
1875	172	155	53/47
1885	72	80	47/53
1897	214	213	51/49
1909	181	208	46/54
1913	197	208	49/51

При сравнении полового состава католиков и лютеран Вятской губернии обращает на себя внимание то, что у лютеран на протяжении почти всего рассматриваемого периода сохранялся относительный половой баланс. Исключением является середина 60-х гг. XIX в., когда удельный вес мужчин-лютеран вырос до 78% [28]. Резкое увеличение численности мужчин-лютеран связано с теми административно-хозяйственными изменениями, которые в это время начались на Ижевском

заводе. Напомним, что в 1865 г. предприятие сдаётся в аренду М. К. Стандертшёльду, сразу же приступившему к его модернизации. Это потребовало привлечения квалифицированных специалистов из западных регионов страны и из-за границы, многие из которых являлись лютеранами по вероисповеданию. Оправлявшиеся в отдалённый регион Российской империи немецкие специалисты отдавали себе отчёт в том, что на новом месте они столкнутся с серьёзными бытовыми трудностями. Формированию подобного убеждения способствовали и воспоминания немцев, работавших за заводе ещё в период царствования Александра I. «...Многие иностранные мастера, попав из Европы в местные условия, предавались великому унынию, пытаясь заглушить его водкой. В первую, после прибытия, зиму умерло 9 иноземных мастеров, не считая членов их семей. Многие мастера, приходили в заводское управление и жаловались на нищету и отсутствие хлеба. К этому следует прибавить отсутствие в Ижевском посёлке хорошего (по европейским меркам) жилья, доступного небольшой зарплате мастерового», – отмечает А. А. Шепталин [29].

В такой ситуации многочисленные немецкие специалисты, подписавшие контракт с М. К. Стандертшёльдом, первоначально прибывали в Ижевск одни, без своих семей. Именно это обстоятельство в середине 60-х гг. XIX в. резко изменило половой баланс лютеранской общины в пользу мужчин. Лишь после обустройства на новом месте, немецкие специалисты приглашали в Ижевск своих родных, в результате чего спустя 10 лет число мужчин и женщин лютеранского исповедания на территории Вятской губернии вновь стало почти одинаковым (мужчины составляли 53%, женщины – 47%).

Подтверждением тезиса о решающем влиянии административно-хозяйственных изменений на Ижевском заводе на половую структуру лютеран Вятской губернии служат следующие цифры. В 1865 г. в Вятской губернии насчитывалось 206 лютеран, из них 112 (54,4%) жили в Сарапульском уезде [30]. С 1855 по 1865 г. число женщин-лютеранок в Сарапульском уезде изменилось лишь незначительно: в 1855 г. их насчитывалось 36 чел. [31], а в 1865 г. – 29 чел. [32] За тот же хронологический отрезок количество лютеран-мужчин в Сарапульском уезде выросло с 36 чел. (1855 г.) до 83 чел. (1865 г.), то есть почти в 2,5 раза [33].

Если вятские католички являлись, в основном, горожанками, то лютеранки, напротив, были сконцентрированы в уездах. К примеру, в середине XIX в. из 63 лютеранок лишь 25 чел. (39,7%) проживали в городах [34]. К концу XIX в. этот показатель практически не изменился: из 213 лютеранок только 86 (38,9%) представительниц данной религиозной организации являлись горожанками [35]. Соответственно, на протяжении всей второй половины XIX в. около 60% женщин-лютеранок Вятской губернии размещались за пределами губернской столицы и уездных городов. Лишь к 1913 г. доля лютеранок, живущих в городах, увеличилась до 66,3% [36].

Впрочем, нахождение столь значительного числа женщин-лютеран за пределами городов вовсе не означало их жительства в сёлах и деревнях. В большинстве случаев они жили со своими семьями в крупных заводских посёлках, таких как Ижевск, Воткинск, Омутнинск и пр. При этом Ижевск в дооктябрьский период, хотя и не имел статус города, но по своим размерам и уровню благоустройства, значительно превосходил большинство уездных городов Вятской губернии.

Возрастной состав лютеран Вятской губернии позволяет проанализировать Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. (табл. 3).

Таблица 3

Возрастной состав лютеранской общины Вятской губернии (на 1897 г.) [37]

Возраст (лет)	Пол	
	Мужчины (%)	Женщины (%)
0–9	17,3	15,5
10–19	13,1	19,3
20–29	16,8	20,2
30–39	21,0	15,5
40–49	16,4	11,7
50–59	7,0	10,8
60 и более	8,4	7,0

Возрастная структура вятских лютеран в конце XIX в. во многом напоминала аналогичные показатели у местных католиков, но в то же время имела и некоторые отличия от них. Главное сходство заключалось в том, что и у лютеран, и у католиков большой удельный вес составляли мужчины среднего возраста (30–39 лет): у вятских католиков их было 20,0% от общего числа лиц

мужского пола римско-католического вероисповедания, у лютеран – 21,0%. Для сравнения, у православных мужчин губернии рассматриваемой возрастной группы этот показатель составлял 12,2%, у старообрядцев – 11,6%, у мусульман – 11,5% [38]. Кроме того, у всех западных христиан края достаточно большой процент составляли мужчины следующей возрастной категории – 40–49 лет. У католиков их было – 13,2%, у лютеран – 16,4% (средний показатель по губернии – 9,8%).

В то же время, в отличие от католиков, у местных лютеран относительно высокий процент составляли мальчики в возрасте от 0 до 9 лет. Их было 17,3% от общего числа всех вятских лютеран мужского пола. Это было в 1,6 раза ниже среднего показателя данной возрастной группы по губернии (28,4%), но заметно больше, чем у католиков (12,6%). Дети и юноши в возрасте 10–19 лет составляли у лютеран – 13,1%, а у католиков лишь 8,1% (средний показатель по губернии – 21,9%). Также у лютеран была ниже доля мужчин старших возрастных категорий: лютеране в возрасте от 50 до 60 лет составляли 7,0% (у католиков – 10,8%), а в возрасте от 60 лет и старше – 8,4% (у католиков – 11,7%).

Что касается женщин лютеранского вероисповедания, то наиболее высокий удельный вес имели лютеранки в возрасте от 10 до 20 лет – 19,3% (средний показатель по губернии – 21,6%), а также в возрасте от 20 до 30 лет – 20,2% (средний показатель по губернии – 16,6%). Девочек в возрасте от 0 до 9 лет насчитывалось 15,5%, что было в 1,7 раза меньше среднего показателя этой возрастной группы по губернии. Параметры по старшим возрастным группам у женщин-лютеранок почти совпадают со средними показателями по губернии.

В конце XIX в. общее количество мужчин и женщин лютеранского вероисповедания, проживающих в Вятской губернии, являлось практически идентичным (214 мужчин и 213 женщин). Однако при этом по отдельным возрастным группам существовал явный половой дисбаланс. Так, мальчиков и юношей в возрасте 10–19 лет было 13,1%, а девочек и девушек – 19,3%, мужчин в возрасте 20–29 лет – 16,8%, женщин – 20,2%. Большинство лютеранок по двум отмеченным возрастным группам находились в репродуктивном возрасте, однако далеко не все из них могли вступать в брак со своими сверстниками-лютеранами из-за их меньшего количества. В результате вятские лютеранки, достигшие брачного возраста, либо выходили замуж за своих более старших единоверцев, либо (что случалось чаще) находили себе супругов из числа православных жителей региона. Это обстоятельство в определённой мере сдерживало дальнейший рост количества лютеран в губернии. Кроме того, межконфессиональные браки, наряду с длительным пребыванием в русской культурной и языковой среде, способствовали постепенной ассимиляции местных немцев-лютеран.

Таким образом, на момент проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. вятские лютеране достигли почти полного численного равенства полов, однако по отдельным возрастным группам половой баланс был нарушен: в группах от 10 до 30 лет – в пользу женщин, в средних возрастных группах (30–49 лет) – в пользу мужчин. Как и католики, вятские лютеране были представлены, в основном, лицами трудоспособного возраста, с относительно низким удельным весом детей и подростков. В то же время число представителей младших возрастных групп в общем количестве лютеран было заметно выше, чем у католиков, что свидетельствует о чуть более высоком уровне рождаемости у адептов данной конфессиональной группы.

Сословный состав вятских немцев, составлявших абсолютное большинство среди местных лютеран, также позволяют проанализировать материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. (табл. 4).

Таблица 4

Сословное происхождение немцев Вятской губернии (на 1897 г.) [39]

Сословие и состояние	Немцы	
	Чел.	%
Потомственные дворяне	32	11,4
Личные дворяне и чиновники	65	23,1
Лица духовного звания	–	–
Почётные граждане	15	5,3
Купцы	5	1,8
Мещане	56	19,9
Крестьяне	40	14,2
Иностранные подданные	64	22,8
Лица иных сословий	4	1,5

По социальному происхождению немцы Вятской губернии заметно отличались как от русских, так и от поляков. Именно у них наиболее высокий процент из всех живущих в регионе народов составляли иностранные подданные (22,8%). Даже у вятских поляков число иностранцев было очень низким (3 чел. из 668), у других же народов этот показатель вообще являлся ничтожным. Столь высокий удельный вес иностранных подданных объясняется приглашением из-за рубежа большого количества специалистов на промышленные предприятия губернии. По данным А. А. Шепталина, большинство живших в губернии немцев-иностранцев (63%) являлись выходцами из различных германских земель (Пруссия, Бавария, Вюртемберг и пр.), остальные были с территории Австро-Венгрии и Швейцарии [40].

По количеству потомственных и личных дворян, а также чиновников не дворянского происхождения местные немцы заметно уступали полякам. У поляков к названным социальным категориям относилось 63,3%, а у немцев – 34,5% [41]. В то же время для губернии с доминированием крестьянского населения это был очень высокий показатель.

Доля представителей бывших податных сословий была относительно небольшой: 19,9% вятских немцев были мещанами по происхождению, 14,2% происходили из крестьян. По этим показателям вятские немцы были близки к местным полякам, у которых мещане составляли 13,7%, а крестьяне – 19,7%. Для сравнения: у русских, составляющих большинство населения губернии, доля крестьян превышала 96%.

У вятских немцев, как и у представителей других крупных диаспор, проживающих на территории края (поляки и евреи), имелась определённая профессиональная предрасположенность. Согласно данным переписи 1897 г., свыше 31% немцев Вятской губернии были заняты в обрабатывающей промышленности, в первую очередь в металлургии [42]. Здесь вновь уместно напомнить о той роли, которую немцы сыграли в развитии индустрии современной Удмуртии, в первую очередь самого Ижевска. Помимо этого, с конца XIX в. немцы активно вовлекаются в другие отрасли промышленности, в частности в пищевую. Так, в 1903 г. германским подданным Карлом Отто Шнейдером в Вятке был основан пивоваренный завод. В результате этого в губернском центре появилось первое крупное производство этого пенного напитка, вполне соответствующего европейским стандартам.

Предрасположенность немцев к работе в промышленности была характерна не только для провинциальных городов, но и для столицы. О. В. Курило отмечает, что большинство немцев Петербурга трудилось в различных отраслях индустрии: «Они сосредоточивались в 5–6 отраслях производства, будучи специалистами по металлообработке, часовщиками, изготовителями различных приборов, ювелирами, занятыми в хлебобулочном, портновском и сапожном ремесленном производствах. “Национальными” производствами немцев оставались колбасное и пивоваренное» [43].

Помимо индустрии, вятские немцы работали и в других сферах, где, чаще всего, требовался высокий уровень квалификации. Из общей массы трудоспособных немцев (без учёта членов их семей) 14,1% занимались учебной и воспитательной деятельностью, 6,4% трудилось в сфере медицины, 5,1% работали в административно-полицейских органах, 3,8% находились на военной службе. Довольно большое число трудоспособных немцев (13,5%) жили за счёт доходов с капитала и недвижимого имущества, 12,8% были задействованы в сфере оказания частных услуг [44]. Число немцев, занимающихся торговлей и земледелием, было крайне незначительным.

Отличительной особенностью вятских лютеран был очень высокий образовательный уровень. По этому показателю они занимали лидирующие позиции среди всех религиозных групп губернии (табл. 5).

Таблица 5

**Уровень грамотности представителей различных конфессий
Вятской губернии в конце XIX в. [45]**

Вероисповедание	Пол	
	Муж. (%)	Жен. (%)
Православные	25,7	8,2
Мусульмане	23,3	23,4
Иудеи	70,1	61,0
Католики	74,9	71,7
Лютеране	83,6	86,9

83,6% лютеран мужского пола умели читать и писать, тогда как у православных мужчин этот показатель составлял лишь 25,7% (в 3,2 раза ниже). Но ещё более заметный контраст был в образовательном уровне женщин. У лютеран грамотными были 86,9% женщин, тогда как у православных – всего 8,2% (в 10,6 раза ниже). По удельному весу грамотных лиц относительно близкие позиции к лютеранам занимали лишь местные католики и иудеи.

Лидирующие позиции вятских лютеран в области образования связаны с особенностями протестантской трудовой этики, которые так детально раскрыл выдающийся немецкий социолог Макс Вебер [46]. Протестантские религиозно-этические воззрения способствовали формированию не только трудолюбия и расчетливости, но и позитивного отношения к образованию, выступавшему в качестве важной составляющей последующих жизненных успехов.

В силу данных особенностей лютеране старались обеспечить своим детям получение хотя бы начального образования. Материалы фонда попечителя Казанского учебного округа Национального архива Республики Татарстан свидетельствуют о том, что вятские лютеране учились во всех крупных учебных заведениях Вятской губернии (за исключением православных духовных школ). К примеру, в 1881 г. в Вятской классической гимназии учились 8 детей лютеранского вероисповедания, а в женской гимназии – 7 учениц-лютеранок [47].

Благодаря высокому образовательному уровню, а также прекрасным деловым качествам (исполнительность, трудолюбие, дисциплинированность и пр.), вятские лютеране были востребованы в самых различных сферах деятельности и достигали там значительного карьерного роста.

Вятские лютеране, наряду с католиками и иудеями входили в тройку наиболее урбанизированных этносов края (табл. 6).

Таблица 6

Численность городского и сельского населения в составе вятской лютеранской общины во второй половине XIX – начале XX в. [48]

Годы	Численность городского населения (чел.)	Численность сельского населения (чел.)	Соотношение численности городского и сельского населения (в %)
1855	59	76	44/56
1865	69	137	34/66
1875	178	149	54/46
1897	169	258	40/60
1909	183	206	47/53
1913	280	125	69/31

В 1855 г. 44% лютеран края проживали в городах, в первую очередь в самом губернском центре. В Вятке насчитывалось 37 лютеран, что составляло 62,7% от общего количества горожан лютеранского вероисповедания. На втором месте находился уездный Сарапул, где проживали 13 лютеран (22%) [49]. Ещё 4 лютеранина проживали в Елабуге, 3 – в Слободском, по одному – в Малмыже и Орлове. В Глазове, Котельниче, Нолинске, Уржуме и Яранске лютеран на тот момент вообще не было.

Поскольку Ижевск и Воткинск не имели городского статуса, проживавшие в них лютеране не входили в число горожан. При этом в одном лишь Ижевске в 1855 г. насчитывался 41 лютеранин [50], то есть больше, чем в губернской столице. В результате 56% вятских лютеран относились к сельскому населению.

На протяжении всей второй половины XIX в. соотношение городского и сельского населения неоднократно менялось, что было связано с трудовой миграцией немцев-лютеран. Так, передача в 1865 г. Ижевского завода в аренду полковнику М. К. Стандертшэльдту привела к значительному притоку туда лиц лютеранского исповедания, что сразу резко увеличило (до 66%) численность сельского лютеранского населения в губернии [51].

К концу XIX в. (в сравнении с 1855 г.) абсолютная численность вятских лютеран-горожан выросла почти в 3 раза (с 59 до 169 чел.), однако в процентном отношении она даже снизилась на 4% [52]. Это вновь связано с «ижевским фактором»: число жителей евангелическо-лютеранского вероисповедания в Ижевске продолжало расти, при этом Ижевск по-прежнему формально не являлся городом, а его население не относилось к числу горожан.

Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в конце XIX в. лютеране проживали уже во всех без исключения городах Вятской губернии. Лидирующие позиции, как и прежде, занимали Вятка и Сарапул: в губернском центре насчитывалось

67 лютеран (39,6% от общего числа лютеран-горожан), в Сарапуле – 41 лютеранин (24,2%) [53]. В абсолютных показателях численность лютеран выросла в обоих городах, но в Сарапуле она увеличилась более чем в три раза, а в Вятке – лишь в 1,8 раза. Относительно медленный рост числа лютеран в Вятке привёл к тому, что с 1855 по 1897 г. их доля в общей численности проживающих в городах края лютеран упала с 62,7 до 39,6%.

На третьем месте по числу лютеран по-прежнему была Елабуга (18 чел.). По 10 лютеран насчитывалось в Котельниче и Яранске, 7 чел. жили в Слободском, 6 чел. – в Уржуме. В остальных уездных городах их количество варьировалось от 4 (Глазов) до 1 чел. (Малмыж) [54].

К началу Первой мировой войны численность городского лютеранского населения в крае увеличилась до 280 чел. [55], при этом доля лютеран-горожан стала максимальной за весь рассматриваемый хронологический период (69%). 195 лютеран (69,6% от общего числа лютеран-горожан) проживали в губернском центре. Существенное увеличение количества лютеран в Вятке на рубеже XIX–XX вв. объясняется её более динамичным экономическим развитием после постройки Пермь-Котласской железной дороги, а также магистрали, связавшей город с имперской столицей. Заметное улучшение транспортных коммуникаций привело к притоку в Вятку экономически активного населения из западных районов страны и из-за границы, среди которых было немало лютеран. Здесь можно вновь упомянуть пивовара К. О. Шнейдера, известного вятского врача и педагога (летом – осенью 1917 г. – помощника губернского комиссара) В. А. Трейтера и др. [56]

В Сарапуле, оставшемся в стороне от крупных железных дорог, началось постепенное снижение количества лютеран. В 1913 г. здесь насчитывалось 53 представителя данной конфессии, что составляло лишь 18,9% от общего числа вятских лютеран, живших в городах (в 1897 г. – 24,2%) [57]. В некоторых городах (например, в Нолинске и Малмыже) лютеран совсем не осталось.

Наконец, рассмотрим распределение лютеран по уездам Вятской губернии (табл. 7).

Таблица 7

**Распределение лютеран по уездам Вятской губернии
во второй половине XIX – начале XX в. [58]**

Уезды	Численность лютеран (чел.)					
	1855 г.	1865 г.	1875 г.	1885 г.	1897 г.	1909 г.
Вятский	39	9	16	37	80	112
Глазовский	8	10	–	–	12	11
Елабужский	4	3	14	10	31	10
Котельничский	–	8	5	–	11	5
Малмыжский	3	8	3	–	19	–
Нолинский	–	14	–	–	5	–
Орловский	1	2	5	–	7	8
Сарапульский	72	112	264	87	224	229
Слободской	3	37	3	2	9	–
Уржумский	5	–	10	6	14	2
Яранский	–	3	7	10	15	12
ИТОГО:	135	206	327	152	427	389

Вновь подчеркнём, что в Вятской губернии существовали два центра размещения лютеран – Вятский уезд (в первую очередь, сам губернский центр) и Сарапульский уезд (Ижевск, а также Сарапул и Воткинск). В 1855 г. на долю этих двух уездов (из 11) приходилось 82,2% всех вятских лютеран, в 1885 г. – 81,6%, в 1909 г. – 87,6% [59].

В остальных уездах губернии численность лютеран была подвержена заметным колебаниям, связанным с их служебными перемещениями. Это хорошо видно на примере Нолинского или Котельничского уездов.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. вятские лютеране представляли собой небольшую, но достаточно влиятельную религиозную группу. Её этническую основу составляли немцы, причём не только российские, но и прибывшие из-за границы. Отличительной особенностью представителей данной конфессии был чрезвычайно высокий для того времени образовательный уровень. Это обстоятельство, а также трудолюбие и дисциплинированность, свойст-

венные большинству немцев, позволяли им добиваться серьёзного карьерного роста. Вятские лютеране сыграли важную роль в индустриальном развитии региона, в первую очередь предприятий Ижевска и Воткинска. Кроме того, они были заметно представлены в сфере образования и здравоохранения. Наконец, лютеранами являлись многие высокопоставленные чиновники края, в том числе и вятский губернатор М. К. Клинггенберг. Все эти факторы ставили вятских лютеран в особое положение, даже несмотря на их малочисленность.

Примечания

1. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об. – 9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140; Памятная книжка Вятской губернии на 1866 г. Вятка, 1866. С. 130–131; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Л. 3 об. – 6; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Л. 139; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Вятка, 1904. Т. X. Вятская губерния. С. 84; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Л. 2; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942. Л. 4.
2. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об. – 9.
3. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Л. 6.
4. История Удмуртии: конец XV – начало XX века / под ред. К. И. Куликова. Ижевск, 2004. С. 322.
5. *Шепталин А. А.* Немцы в Удмуртии: историко-демографические очерки. Ижевск, 1993. С. 19.
6. История Удмуртии: конец XV – начало XX века. С. 322.
7. *Александров А. А.* Ижевский завод. Ижевск, 1957. С. 107–108.
8. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Л. 8–8 об.
9. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 441. Л. 4.
10. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Л. 4 об. – 5.
11. *Шепталин А. А.* Указ. соч. С. 19.
12. *Берестова Е. М.* Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX в.): Социально-культурная деятельность. Ижевск, 2005. С. 115.
13. *Шумилов Е. Ф.* Христианство в Удмуртии: Цивилизационные процессы и христианское искусство XVI – начала XX в. Ижевск, 2001. С. 41.
14. *Шепталин А. А.* Указ. соч. С. 19.
15. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Л. 139.
16. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Л. 4 об. – 5; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Л. 139.
17. История Удмуртии: конец XV – начало XX века. С. 323.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Вятка, 1904. Т. X. Вятская губерния. С. 84.
19. Там же.
20. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Л. 4.
21. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942. Л. 4.
22. *Гурьянова С. И.* «Вятский плен» германских и австро-венгерских подданных (1914–1916 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 4. С. 17.
23. *Нелипович С. Г.* Репрессии против подданных «центральных держав» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 34.
24. *Гурьянова С. И.* Указ. соч. С. 19.
25. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 963. Л. 2, 7, 10, 10 об., 18, 23, 39, 51, 59, 63, 76, 92, 104.
26. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 988. Л. 5.
27. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об. – 9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140; Памятная книжка Вятской губернии на 1866 г. Вятка, 1866. С. 130–131; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Л. 3 об. – 6; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Л. 139; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. С. 84; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Л. 2; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942. Л. 4.
28. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140.
29. *Шепталин А. А.* Указ. соч. С. 16.
30. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140.
31. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об. – 9.
32. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140.
33. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об. – 9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140.
34. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об. – 9.
35. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. С. 84.
36. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942. Л. 1 об. – 4.
37. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. С. 260–261.
38. Там же.
39. Там же. С. 244 – 245.
40. *Шепталин А. А.* Указ. соч. С. 25.
41. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. С. 244–245.
42. Там же. С. XIX.
43. *Курило О. В.* Лютеране в России (XVI – XX вв.). М., 2002. С. 88.
44. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. С. 172.

45. Там же. С. IX.
46. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.
47. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 14558. Л. 17.
48. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об. – 9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140; Памятная книжка Вятской губернии на 1866 г. Вятка, 1866. С. 130–131; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Л. 3 об. – 6; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. С. 84; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Л. 2; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942. Л. 4.
49. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об. – 9.
50. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 28. Л. 15–16 об.
51. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140.
52. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об. – 9; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. С. 84.
53. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. С. 84.
54. Там же.
55. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942. Л. 1 об. – 4.
56. Колотов А. В. В. А. Трейгер – вятский политик // Немцы в России: взгляд из провинции: сб. материалов II Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Киров, 2012. С. 51–59; Помелов В. Б. Семья Трейгеров на Вятке // Немцы в России: взгляд из провинции: сб. материалов II Всерос. науч. конф. с междунар. участием Киров, 2012. С. 92–102.
57. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942. Л. 3.
58. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об. – 9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140; Памятная книжка Вятской губернии на 1866 г. Вятка, 1866. С. 130–131; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Л. 3 об. – 6; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Л. 139; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. С. 84; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Л. 2.
59. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 об. – 9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Л. 139; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 811. Л. 1 об. – 4.

Notes

1. Calculated by: GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 6. – 9; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 185. Sh. 140; *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1866 g.*- Memorial book of the Vyatka province in 1866 Vyatka, 1866. Pp. 130-131; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 526. Sh. 3. – 6; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 1005. Sh. 139; *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.*- First General census of the Russian Empire, 1897 / ed. A. Troinickiy. Vyatka. 1904. Vol. X. Vyatka province. P. 84; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 811. Sh. 2; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 942. Sh. 4.
2. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 6. – 9.
3. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 526. Sh. 6.
4. *Istoriya Udmurtii: konec XV – nachalo HKH veka* – The history of the Udmurt Republic: the end of XV – beginning of XX century / under the editorship of K. I. Kulikov. Izhevsk. 2004. P. 322.
5. Sheptalin A. A. *Nemcy v Udmurtii: istoriko-demograficheskie ocherki* [The Germans in the Udmurt Republic: history and demographic sketches]. Izhevsk. 1993. . 19.
6. *Istoriya Udmurtii: konec XV – nachalo XX veka* – The history of the Udmurt Republic: the end of XV – beginning of XX century. P. 322.
7. Aleksandrov A. A. *Izhevskij zavod* [Izhevsk plant]. Izhevsk. 1957. Pp. 107-108.
8. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 274. Sh. 8-8.
9. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 441. Sh. 4.
10. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 526. Sh. 4 on. – 5.
11. Sheptalin A. A. Op.cit. P. 19.
12. Berestova E. M. *Pravoslavnaya cerkov' v Udmurtii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): Social'no-kul'turnaya deyatel'nost'* [Orthodox Church in Udmurtia (second half of XIX – early XX centuries): Socio-cultural activities]. Izhevsk. 2005. P. 115.
13. Shumilov E. F. *Hristianstvo v Udmurtii: Civilizacionnye processy i hristianskoe iskusstvo XVI – nachala XX v.* [Christianity in the Udmurt Republic: Civilization processes, and the Christian art of the XVI – beginning of XX century] Izhevsk. 2001. P. 41.
14. Sheptalin A. A. Op.cit. P. 19.
15. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 1005. Sh. 139.
16. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 526. Sh. 4 on. – 5; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 1005. Sh. 139.
17. *Istoriya Udmurtii: konec XV – nachalo XX veka* – The history of the Udmurt Republic: the end of XV – beginning of XX century. P. 323.
18. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The first General census of the Russian Empire, 1897 / ed. N. A. Troinickiy. Vyatka. 1904. Vol. X. Vyatka province. P. 84.
19. Ibid.
20. GAKO. F. 574. Sh. 2. File 811. Sh. 4.
21. GAKO. F. 574. Sh. 2. File 942. Sh. 4.
22. Guriyanova S. I. «Vyatskij plen» *germanskih i avstro-vengerskih poddannyh (1914–1916 gg.)* ["Vyatka captivity by German and Austro-Hungarian subjects (1914-1916)] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* – Military-historical magazine. 2011, No. 4, p. 17.

23. Nelipovich S. G. *Repressii protiv poddannyh «central'nyh derzhav»* [Reprisals against the subjects of the "Central powers"] // *Voенно-istoricheskij zhurnal* – Military-historical magazine. 1996, No. 6, p. 34.
24. Guriyanova S. I. Op.cit. P. 19.
25. Calculated by: GAKO. F. 574. Sh. 2. File 963. Sh. 2, 7, 10, 10 turn, 18, 23, 39, 51, 59, 63, 76, 92, 104.
26. GAKO. F. 574. Sh. 2. File 988. Sh. 5.
27. Calculated by: GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 6. – 9; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 185. Sh. 140; *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1866 g.* – Memorial book of the Vyatka province in 1866. Vyatka 1866. Pp. 130-131; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 526. Sh. 3. – 6; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 1005. Sh. 139; *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – First General census of the Russian Empire, 1897. P. 84; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 811. Sh. 2; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 942. Sh. 4.
28. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 185. Sh. 140.
29. Sheptalin A. A. Op. cit. P. 16.
30. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 185. Sh. 140.
31. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 6. – 9.
32. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 185. Sh. 140.
33. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 6. – 9; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 185. Sh. 140.
34. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 6. – 9.
35. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The first General census of the Russian Empire, 1897. P. 84.
36. Calculated by: GAKO. F. 574. Sh. 2. File 942. Sh.1 turn – 4.
37. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The first General census of the Russian Empire, 1897. Pp. 260– 261.
38. Ibid.
39. Ibid. Pp. 244 – 245.
40. Sheptalin A. A. Op. cit. P.25.
41. Calculated by: *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – First General census of the Russian Empire, 1897. Pp. 244-245.
42. Ibid. P. XIX.
43. Kurylo O. B. *Lyuterane v Rossii (XVI – XX vv.)* [The Lutherans in Russia (XVI – XX centuries)]. M. 2002. P. 88.
44. Calculated by: *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – First General census of the Russian Empire, 1897. P. 172.
45. Ibid. P. IX.
46. Weber M. *Protestantskaya ehtika i duh kapitalizma* [Protestant ethic and the spirit of capitalism]. M. 2006.
47. NART. F. 92. Sh. 1. File 14558. Sh. 17.
48. Calculated by: GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 6. – 9; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 185. Sh. 140; *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1866 g.* – Memorial book of the Vyatka province in 1866. Vyatka. 1866. Pp. 130-131; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 526. Sh. 3. – 6; *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The First General census of the Russian Empire, 1897. P. 84; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 811. Sh. 2; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 942. Sh. 4.
49. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 6. – 9.
50. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 28. Sh. 15-16.
51. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 185. Sh. 140.
52. Calculated by: GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 6. – 9; *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – First General census of the Russian Empire, 1897. P. 84.
53. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The first General census of the Russian Empire, 1897. P. 84.
54. Ibid.
55. GAKO. F. 574. Sh. 2. File 942. Sh. 1 turn – 4.
56. Kolotov A.V. V. A. *Trejter – vyatskij politik* [V. A. Trater – Vyatka politician] // *Nemcy v Rossii: vzglyad iz provincii: sb. materialov II Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* – The Germans in Russia: a view from the provinces: proceedings of II All-Russia scientific conf. with int. participation. Kirov. 2012. Pp. 51-59; Pomelov V. B. *Sem'ya Trejterov na Vyatke* [Family of Traters in Vyatka] // *Nemcy v Rossii: vzglyad iz provincii: sb. materialov II Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* – The Germans in Russia: a view from the provinces: proceedings of II All-Russia scientific conf. with int. Participation. Kirov. 2012. Pp. 92-102.
57. GAKO. F. 574. Sh. 2. File 942. Sh. 3.
58. Calculated by: GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 6. – 9; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 185. Sh. 140; *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1866 g.* – Memorial book of the Vyatka province in 1866. Vyatka. 1866. Pp. 130-131; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 526. Sh. 3. – 6; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 1005. Sh. 139; *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – First General census of the Russian Empire, 1897. P. 84; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 811. Sh. 2.
59. Calculated by: GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 6. – 9; GAKO. F. 574. Sh.1. File 1005. Sh. 139; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 811. Sh. 1 turn – 4.

Сельское хозяйство Вятского региона в первые годы массовой коллективизации (1929–1934 гг.)

В данной работе исследуются тенденции и процессы, происходившие в аграрном секторе Вятского региона в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Рассматриваются следующие аспекты: состояние различных отраслей сельского хозяйства, становление новой системы организации производства и стимулирования труда колхозников, трансформация форм и методов государственных заготовок сельхозпродукции. В статье показано, что в первые годы массовой коллективизации имело место сокращение сельскохозяйственного производства. Восстановление сельского хозяйства наблюдалось лишь с середины 1930-х гг., по мере успехов индустриализации и укрепления организационно-технической базы колхозов. Выявляются причины и последствия голода 1932–1933 гг. Оценивается роль политотделов МТС и совхозов в коренной реконструкции сельскохозяйственного производства Вятского региона. Жизнь и хозяйственная деятельность вятского крестьянства освещаются в общероссийском контексте, при этом раскрывается региональная специфика.

In this paper we investigate the trends and developments taking place in the agricultural sector Vjatskogo at the end of 1920 – the first half of the 1930s. The state of the various sectors of agriculture, the development of a new system of organization of production and stimulation of collective farmers, the transformation of forms and methods of state procurements of agricultural products. The paper shows that in the first years of mass collectivization had been a reduction in agricultural production. Restoring agriculture was observed only from the mid-1930s, due to the industrialization success and strengthening the organizational and technical base of collective farms. The reasons and consequences of the famine of 1932-1933 are identified. It assesses the role of the political departments of the MTS and state farms in the radical reconstruction of agricultural production of Vyatka region. The life and economic activity of Vyatka peasantry is shown in Russian context together with the regional specific.

Ключевые слова: крестьянство, сельское хозяйство, Вятский регион, коллективизация, колхозы, животноводство, агротехника, машинно-тракторные станции.

Keywords: Peasantry, agriculture, Vyatka region, collectivization, collective farms, stock raising, agricultural engineering, machine and tractor stations.

К концу 1920-х – началу 1930-х гг. сельскохозяйственное производство в Вятском регионе, как и в целом по стране, оставалось низкотоварным, раздробленным, сильно зависело от капризов природы, и возможности его роста были весьма ограничены. Хозяйствование на мелких клочках земли с помощью примитивных орудий обрекало крестьян на тяжелый ручной труд, сдерживало начавшуюся индустриализацию, ставило серьезные преграды общему экономическому развитию страны. В сложившейся ситуации преобразование аграрного сектора на основе производственного кооперирования и коренной технической реконструкции стало исторической необходимостью.

В 1929 г. старое административно-территориальное деление было окончательно упразднено. Вместо губерний, уездов и волостей создавались края, области, округа и районы. Вятская губерния вошла в Нижегородскую область (преобразованную в Нижегородский, с 1932 г. – Горьковский край) в составе округов: Вятского, Котельничского, Нолинского и частично – Шарьинского (постановления ВЦИК от 14 января и 10 июня 1929 г.). Часть территории Халтуринского уезда (Слудская волость) при этом была включена в состав Северного края (постановление ВЦИК от 3 июня 1929 г.). Округа просуществовали один год и были упразднены постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. На 1 октября 1930 г. на территории бывшей Вятской губернии было 42 района. 5 декабря 1934 г. постановлением ЦИК СССР город Вятка был переименован в город Киров, а постановлением ВЦИК от 7 декабря 1934 г. из Горьковского края был выделен самостоятельный Кировский край, в который вошли также Воткинский и Сарапульский районы Свердловской области и Удмуртская (до 1 января 1932 г. – Вотская) автономная область (несколько позднее, в соответствии с постановлением ВЦИК от 28 декабря 1934 г., преобразованная в Удмуртскую АССР) [1].

Необходимо оговориться, что документы, относящиеся к периоду с середины 1930 по конец 1934 г. (т. е. с момента ликвидации округов до образования Кировского края) чаще всего содер-

жат данные либо по Нижегородскому (Горьковскому) краю в целом, либо по районам. Это обстоятельство несколько затрудняет изучение процессов, происходивших тогда на территории собственно Вятского региона, который временно утратил статус самостоятельной административно-территориальной единицы.

В первые годы массовой коллективизации имело место сокращение сельскохозяйственного производства. Особенно сильно пострадало животноводство. Опасаясь, что начнут обобществлять не только лошадей и коров, но и скотину помельче, крестьяне пускали под нож овец, свиней, телят. Перед вступлением в колхозы происходила также массовая распродажа скота. Вырученные деньги тратились, как правило, на одежду или на выпивку. Среди крестьян Вожгальского района, например, можно было слышать такие разговоры: «Все равно в коммуну уйдет также, на эти деньги, пока можно, так лучше попируем», или «Прежде чем пойти в коммуну, необходимо запастись одеждой, а то находишься там нагой». В Зуевском районе 35 хозяйств дер. Сметаны, влившиеся в Первомайскую коммуну, продали 20 коров и 5 лошадей; 18 хозяйств дер. Черемеевцы продали 6 коров и 2 лошадей; 50 домохозяев дер. Б. Кисели, вступившие в коммуну, продали 15 коров и 8 лошадей. Многие крестьяне рассуждали так: «Хоть месяц, хоть две недельки попирую в свое удовольствие, а так можно и в коммуну идти» [2]. Последствия этого были поистине катастрофическими. В 1928 г. на территории Вятского региона насчитывалось 889,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 278 тыс. свиней, 2147 тыс. овец и коз. В 1933 г. крупного скота осталось меньше на 164,7 тыс. голов, свиней – в два раза, мелкого рогатого скота – на одну треть [3]. Сократилось количество удобрений, вносимых на единицу посевной площади. Это было связано, во-первых, с расширением общей площади посевов, во-вторых, с нехваткой навозного удобрения (следствие сокращения животноводства) и, в-третьих, с недостаточным завозом минеральных удобрений (молодая химическая промышленность пока еще не в состоянии была полностью обеспечить потребности сельского хозяйства, минеральные удобрения получали только МТС и то в весьма ограниченном количестве). В начале 1930-х гг. далеко не всегда выдерживались правильные севообороты (например, сеяли овес по овсу) [4]. Все названные факторы, в сочетании с неблагоприятными погодными условиями первой половины 1930-х гг., имели следствием временное ослабление аграрного сектора страны и региона. Восстановление сельского хозяйства наблюдалось лишь с середины 1930-х гг., когда начала давать свои позитивные плоды индустриализация и обозначились серьезные сдвиги в деле укрепления организационно-технической базы колхозного производства.

По мере осуществления индустриализации увеличивались масштабы поставок на село новейшей техники, происходила тракторизация и комбайнизация аграрного сектора. Первым шагом в массовой тракторизации сельского хозяйства СССР было строительство Сталинградского тракторного завода. В апреле 1932 г. завод вышел на проектную мощность в 50 тыс. тракторов в год. В 1932–1933 гг. вступили в строй еще два тракторных завода – в Харькове и Челябинске. Вторым, после тракторизации, шагом в преобразовании аграрного сектора была комбайнизация. Уборка зерновых была самой трудозатратной операцией сельскохозяйственного сезона, она требовала привлечения всех членов крестьянской семьи, даже детей, которые собирали пропущенные уборщиками колоски. Нужно было убрать хлеб за две-три недели, до того, как он начнет осыпаться, но это никогда не удавалось, косовица затягивалась на месяц и более, а молотья продолжалась и зимой. Тяжелый труд на уборке доводил крестьян до изнеможения, почему его и называли уборочной «страдой». Применение простых моделей жнеек (на конной тяге) облегчало труд крестьян, но вело к значительному увеличению потерь при уборке. Прицепной комбайн на тракторной тяге был высшим достижением агротехнической революции: он позволял намного уменьшить потери и сократить затраты труда. В 1931 г. началось производство комбайнов на крупнейшем в мире заводе сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону. В 1932 г. было произведено 10 тыс. прицепных комбайнов [5].

Почти вся техника принадлежала государству и распределялась по машинно-тракторным станциям (МТС). Первой МТС на территории Вятского округа стала Зуевская, которая была создана в 1930 г. Она получила 25 тракторов, 35 тракторных плугов, 30 жаток, сеялки [6]. Всего в течение 1930 г. на территории Вятского региона были организованы 7 машинно-тракторных станций: Зуевская, Вятскополянская, Котельничская, Малмыжская, Фаленская, Шабалинская, Шурминская [7]. В 1932 г. в регионе действовали уже 14 МТС с 369 тракторами, они обслуживали 1187 колхозов. В 1933 г. в Вятский регион была завезена первая партия комбайнов (29 единиц) [8]. В июле 1934 г. организовалась Вятская лугоболотная МТС, имевшая в своем составе 15 гусеничных и 10 колесных тракторов. Вятская МТС стала первой в РСФСР машинно-тракторной станцией с мелиоративным направлением. В задачи ее входило освоение неиспользуемых земельных ресурсов Вятского района (болота и малопродуктивные луга), площадь которых в районе состав-

ляла 30 тыс. га, а также ускорение процесса коллективизации сельского хозяйства при его механизации. Вятская МТС обслуживала колхозы 10 сельсоветов, и уже к 20 октября 1934 г., несмотря на трудности реорганизационного периода (отсутствие квалифицированных кадров, прицепного инвентаря, финансовые проблемы и т. д.), тракторами МТС было обработано (в переводе на мягкую пахоту) 3363 га земли, в том числе поднято 958 га целины [9]. Плата за обслуживание техникой машинно-тракторных станций (хлебом и деньгами) возлагалась на колхозы. Развернулась шумная агитационная кампания за вступление в колхозы, создавались инициативные группы и вербовочные бригады. Передовые районы брали «на буксир» отстающих. В январе 1931 г. Верховинский, Вожгальский и Вятскополянский районы послали три колхозные бригады-«буксиры» в Слободской, Зуевский и Санчурский районы [10].

Годы первой пятилетки, совпавшие с началом массовой коллективизации, оказались наиболее тяжелыми для сельского хозяйства и крестьянства. Искусственное подстегивание темпов коллективизации, раскулачивание зажиточных хозяйств привели к частичному разрушению средств и объемов производства в аграрном секторе [11]. Тем не менее, несмотря на все трудности, ошибки и злоупотребления, к исходу 1932 г. в Вятском регионе (включая Удмуртию) было образовано 9939 колхозов. Они объединяли 240,8 тыс. крестьянских дворов, что составляло 44,7% всех хозяйств.

За первую пятилетку посевные площади выросли с 2,7 до 3,4 млн га, урожайность зерновых – с 7,6 до 8 цент. с га [12]. Удельный вес социалистического сектора в деревне достиг почти 56%. К осени 1933 г. свыше 70% бедняцко-средняцких хозяйств состояли в колхозах в 16 районах будущей Кировской области (Богородский, Фаленский, Омутнинский, Верховинский, Вожгальский, Верхошижемский, Просницкий, Лебяжский, Пижанский и др.) [13]. Если в 1928 г. в индивидуальных хозяйствах имелось 1,1 млн голов крупного рогатого скота, а в колхозах только 410 голов, то в 1934 г. это соотношение изменилось: соответственно, 756,4 тыс. и 194,7 тыс. голов. Подавляющая часть единоличников оставалась в северной части области. Здесь была развита хуторская система. Хутора и починки находились в лесах, в 4–5 километрах друг от друга, не поддавались сселению [14]. Так, в Зюздинском районе к весне 1932 г. насчитывалось 808 хуторов-однодворок, 251 хутор с двумя дворами, 178 – с тремя, 110 – с четырьмя и 92 хутора с пятью дворами. К переселению подлежали 1115 хозяйств. Из этого количества к осени 1934 г. были переселены 705, оставались непереселенными 410. Ряд колхозов состоял из нескольких починков (от 3 до 7 дворов), однако сселение их в одно место (где находилось общее хозяйство, культурные учреждения и т. д.) осложнялось нехваткой средств на перевозку домов и построек. Существовала также проблема переселения крестьян в северо-восточные районы края из густонаселенных районов. На эти цели требовалась помощь со стороны государства в виде льгот и кредитов [15].

На базе колхозов стали создаваться животноводческие фермы – коневодческие, молочно-товарные, свиноводческие, овцеводческие, кролиководческие, птицеводческие, а также колхозные пасеки. Так, если на 1 января 1932 г. по Вятскому району насчитывалось 10 МТФ с 1147 головами крупного рогатого скота и 18 СТФ с поголовьем в 500 свиней, то к 20 сентября 1934 г. количество МТФ в районе возросло до 112 (2924 головы крупного рогатого скота), а СТФ – до 28 (573 свиньи) [16]. Основные стада молочно-товарных ферм были сосредоточены в северных районах с традиционно развитым молочным хозяйством. Так, к 1 сентября 1932 г. в Верховинском районе на фермах насчитывалось 3097 голов крупного рогатого скота, в Оричевском – 2059 голов, в Халтуринском – 2051 голова и т. д. В отдельных районах с большим поголовьем крупного рогатого скота на молочно-товарных фермах получила развитие также и организация свиноферм: Даровской – 2376 голов свиней, Халтуринский район – 1082 головы. Обеспеченность свиньями колхозов и колхозников была выше, чем единоличных хозяйств. Если в целом по краю на 100 колхозных хозяйств приходилось в среднем 21 голова обобщественных и 35 голов необобщественных свиней (а всего – 56 голов), то на 100 единоличных хозяйств – только 29 голов. По отдельным районам это расхождение проявлялось еще более отчетливо. Так, в Котельничском районе на 100 колхозных хозяйств приходилось 36 голов обобщественных свиней и 17 голов в личном пользовании колхозников (всего – 53 головы), а на 100 единоличных хозяйств – лишь одна свинья. Наибольшее количество птицы на колхозных фермах насчитывалось в Котельничском (40900 голов), Арбажском (10820 голов), Вятскополянском (9300 голов) районах. Более или менее значительные стада кроликов на фермах имелись в Богородском и Сунском районах (соответственно, 643 и 253 головы). Наибольшее количество ульев на колхозных пасеках насчитывалось в Арбажском и Уржумском районах (соответственно, 1141 и 879 ульев) [17].

Однако развитие общественного животноводства в начале 1930-х гг. сдерживалось несовершенной системой госпоставок. В ряде случаев животноводческие фермы становились для

колхозов просто разорительными. Яркий пример приводит в своих воспоминаниях Василий Фаддеевич Ситников (дед писателя В. А. Ситникова).

«Сельсовет, – пишет он, – подбил наш колхоз (в дер. Молоки. – И.Ч.) на создание большой свинофермы. Мы пошли на это, не догадываясь о последствиях. Дело в том, что свинью без хлеба не откормишь. А хлеб для фермы приходилось брать из общего котла. Ферма начала съедать наш хлебный трудодень, он стал куда слабее, чем у соседей. Кабы расходы эти покрывались деньгами, вырученными за свинину, – полбеды. Но в том-то и дело, что за проданное мясо государство платило мизерные суммы. Теряя хлеб по трудодням, мы не получали за это никакого возмещения.

По справедливости должен был бы район уменьшить нашему колхозу хлебопоставки, но, увы, об этом запрещено было даже заводить и речь. Ферма стала ярмом, разорительным для колхоза и колхозников» [18]. Ясно, что, оказавшийся в столь плачевном состоянии, колхоз не мог служить примером для остальных в деле организации животноводческих ферм.

В дальнейшем создание колхозов и животноводческих ферм в них стимулировалось льготами по мясопоставкам. Так, в соответствии с постановлением Наркомснаба СССР от 25 сентября 1933 г. для Горьковского края устанавливались следующие нормы мясопоставок на 1934 г.: для единоличных хозяйств (в зависимости от района) – от 46 до 56 кг, для колхозных дворов в колхозах, не имеющих товарных ферм, – от 27 до 36 кг, а для колхозных дворов в колхозах, имеющих товарные фермы, – от 22 до 29 кг [19]. Иными словами, меньше всего мясной продукции должны были поставлять крестьянские хозяйства, состоящие в колхозах с наличием животноводческих ферм.

Однако, несмотря на предпринимаемые меры по созданию колхозных ферм, животноводство, в отличие от земледелия, еще долго продолжало оставаться отраслью мелких производителей. В период сплошной коллективизации обобществлялось прежде всего и главным образом земледелие, а в животноводстве, где обобществление требовало особой подготовки (строительство помещений для скота, создание кормовой базы и т. п.), этот процесс по существу еще только начинался.

Коренная реорганизация сельскохозяйственного производства на коллективных принципах подрывала устои всей прежней крестьянской жизни. В условиях традиционного общества большая часть работы выполнялась в поле или дома, причем вся крестьянская семья трудилась вместе как экономическая ячейка, а значительная часть продукции предназначалась для потребления внутри деревни. Жизнь на работе и жизнь дома были слиты друг с другом. И поскольку каждая деревня была в основном самодостаточна, то успех, достигнутый крестьянами в одном месте, никак не зависел от того, что случилось в другом. Даже внутри производственной ячейки большинство тружеников выполняли множество задач, меняя свои функции в связи с потребностями сезона, из-за болезни или по своему выбору. Разделение труда на доиндустриальной стадии развития общества было весьма примитивным. Вследствие этого труд в аграрных обществах характеризовался низким уровнем взаимозависимости. Что касается индустриального общества, то уровень взаимозависимости здесь гораздо более высокий. Теперь работа стала требовать коллективных усилий, разделения труда, координации и интеграции различной деятельности. Успех работы стал зависеть от тщательно спланированного совместного поведения большого количества людей, закрепленных за различными производственными секторами и нередко – еще и разбросанных на значительном расстоянии друг от друга. Происходит «расщепление» потребителя и производителя. Один и тот же человек, который в качестве производителя должен был ограничивать свои желания, быть дисциплинированным, контролируемым, послушным, т. е. быть игроком своей команды, в то же время, будучи потребителем, сплошь и рядом хотел немедленного удовлетворения своих желаний, призван был быть скорее жизнелюбивым, чем расчетливым, избегать дисциплины, стремиться к личному удовольствию, – словом, быть совершенно другим человеком [20].

Адаптация вчерашних самостоятельных производителей (носителей традиционалистской парадигмы) к новому, индустриальному режиму организации труда и быта требовала времени. Внедрение коллективистских (индустриальных по своей сути) принципов в производство и распределение шло постепенно и сложно. Длительные поиски на этом пути привели к признанию трудодня как способа учета трудового вклада и его результатов и сдельщины (групповой и индивидуальной) для проведения соответствующих сельскохозяйственных работ – посева, прополки, уборки и молотбы. Оплата по трудодням устанавливала связь труда колхозника с конечным результатом. Другое дело, что доходы первых колхозов были столь малы, а государственные налоги и поставки – столь велики, что на трудодни колхозникам мало что оставалось. Выручало личное подворье.

Практика выдвинула бригаду как наиболее целесообразную форму организации труда. «Освоение» трудодня, сдельщины, бригадной формы проходило трудно. Дело осложнялось острой нехваткой квалифицированных специалистов (агрономов, счетоводов и т. д.), способных наладить производственный цикл, учет и контроль. Реально распределение доходов в колхозах сплошь и рядом происходило по едокам, по трудоспособным, в смешанной форме. В колхозе «Парижская коммуна» (Просницкий район) была выявлена масса ошибок в учете. Многие работы не вносились в трудовые книжки, наряды с записями в трудкнижках не совпадали. В Торопунинском колхозе (тот же район) почти не было никакого учета [21]. В ряде колхозов Верхошижемского района (Ключевском, Суляжском и др.) учет работ и начисление трудодней производилось «на память» и по отдельным случайным записям [22].

Сдельщина нередко устанавливалась по одному-двум видам работ, а по иным преобладала поденная работа. Бригадная форма сочеталась с выходом на работу «скопом». В Котельничском районе во время весеннего сева 1933 г. звено пахарей сплошь и рядом состояло из 12–15 человек и более, которые пахали вкруговую, гуськом, друг за другом. Поскольку лошади различались по своей упитанности и мощности, а плуги были разных марок, в звеньях тормозилась работа лучших, сдерживалось проявление индивидуальных способностей каждого колхозника, а также создавались постоянная толкучка и пробки на каждом повороте [23]. Естественно, что такая организация труда снижала его производительность.

Сказывалась привычка общинного крестьянства к уравнительности. В то же время такая уравниловка подрывала стимулы к труду и вызывала недовольство наиболее сознательной части колхозников, стремившихся к справедливой оплате по труду. На практике было чрезвычайно трудно установить единые социалистические принципы распределения доходов по количеству и качеству труда. Между тем от решения названных вопросов зависели не только рост сельскохозяйственного производства и повышение производительности (что было жизненно важно для молодого колхозного строя), но и элементарное упорядочение колхозного хозяйства [24]. На 1 ноября 1931 г. на сдельную оплату труда было переведено 78,5% колхозов Нижегородского (Горьковского) края, а в 1934 г. переход колхозов края на сдельщину был завершен [25]. К концу первой пятилетки основной формой организации труда в колхозах края стала постоянная производственная бригада [26].

Наряду с внедрением единообразных принципов организации производства (работа бригадой) и стимулирования труда колхозников (система трудодней), в 1930-е гг. происходит трансформация форм и методов государственных заготовок сельхозпродукции. Когда на смену единоличным крестьянским хозяйствам пришли колхозы, контрактация (кроме технических культур) как всеобщая форма заготовок сельскохозяйственных продуктов была заменена обязательными госпоставками, нормы которых определяли из расчета на каждый гектар установленного плана посева. Обязательные поставки имели характер и силу налога. Это гарантировало минимально необходимые поступления продовольствия и сырья государству, создавало для колхозов устойчивую основу планирования производства, способствовало расширению посевных площадей и повышению урожайности сельскохозяйственных культур. Цены на зерно и другие продукты, сдаваемые по госпоставкам, устанавливались в 10–12 раз ниже рыночных. За услуги МТС вводилась натуроплата. Изменились и методы управления аграрным сектором. Усиливается централизация руководства сельским хозяйством. Создается Наркомат земледелия СССР. Разрабатывается единый план развития сельского хозяйства. Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. «Об обязательной поставке зерна государству», отменив контрактацию, для колхозов, колхозников и единоличных хозяйств были установлены твердые обязательные поставки сначала зерна, а потом мяса, молока, масла, картофеля, подсолнечника и шерсти, то есть, по существу, произошел возврат к продрозверстке. Обязательные поставки стали основным методом государственных заготовок продукции сельского хозяйства, что позволило увеличить объем товарного хлеба. В 1930 г. колхозы СССР сдали государству по обязательным поставкам (включая возврат семенной ссуды и натуроплату МТС) 65 296 тыс. цент. зерна, в 1931 г. – 141 087 тыс. цент., в 1933 г. – 169 379 тыс. цент., а в 1934 г. – 170 145 тыс. цент. зерна, что составляло почти 65% от общего объема заготовок (по всем секторам сельского хозяйства). Некоторое снижение объема поставок (на 9% по сравнению с предшествующим годом) имело место лишь в 1932 г. [27], в связи с неурожаем и голодом (о чем подробнее ниже).

Размеры поставок определяли заранее, исходя из установленных законом твердых постоянных норм сдачи. Так, например, обязательные поставки продуктов полеводства изымали в зависимости от плановой площади посева тех или иных культур. Нормы поставок продуктов животноводства исчисляли с поголовья скота. Только после выполнения своих обязательств перед государством колхозы имели право продавать излишки сельскохозяйственных продуктов госу-

дарству по закупочным ценам (в порядке государственных закупок) либо потребительской кооперации. Для стимулирования дополнительной продажи закупочные цены были установлены в 2–3 раза выше заготовительных. Сельхозпродукцию разрешалось закупать только у колхозов, рассчитавшихся с государством по обязательным поставкам, ссудам и натуроплате, поэтому доля госзакупок была невелика: в 1932 г. – 1,4% от всего объема заготовок зерна, в 1933 г. – 1,8%. Более или менее существенное увеличение объема госзакупок наблюдалось с 1934 г. – 35,8 млн цент. зерна, что составляло 13,7% от общего объема заготовок [28]. Большая часть закупленного хлеба поступала опять-таки от колхозов.

Большое значение приобретало поступление сельскохозяйственной продукции в порядке натуроплаты за обслуживание колхозов машинно-тракторными станциями. МТС выполняли в колхозах различные виды сельскохозяйственных работ, а колхозы не могли отказаться от их услуг, даже если они были им невыгодны. Обязательства колхозов перед государством были столь высоки, что после обязательных поставок и натуроплаты в большинстве колхозов не только не оставалось излишков на продажу, но и не хватало хлеба для оплаты по трудодням [29].

Вятское крестьянство продолжало страдать от неэквивалентного обмена между городом и деревней. В. Ф. Ситников вспоминает: «Государство определило в 30-е годы непонятно обидные для колхозов цены за сдаваемую продукцию. Так, за центнер ржи мы (речь идет о колхозе, созданном на основе объединения деревень Молоки и Мало-Кабаново. – И. Ч.) получали 4–5 рублей, за центнер овса – 4, за центнер пшеницы – 6 рублей, по рублю за пуд, 4–6 копеек за килограмм. В общем, мешок стоил дороже, чем его содержимое – пять пудов зерна. Насколько была ничтожной эта цена, можно судить по тому, что коробка спичек стоила тогда пять копеек. Колхозник сдавал килограмм зерна, чтобы купить такую коробку. Надо ли говорить, что эта плата не окупала ни прокорм лошади в извозе, ни стоимость квартиры, где ночевал возница, ни даже колесную мазь. Попробуй приобрести на такие мизерные какую-нибудь машину для колхоза: молотилку, веялку, сепаратор или сбрую, построй клуб, избу-читальню. Мудрено. Чем больше вывозишь, тем больше убыток. Ясно, что стимула, заинтересованности у колхозов не было. Происходило постепенное обеднение хозяйств.

О том, что сдаточные цены были оторваны от реальных затрат, от потребностей жизни, говорят цифры. Рыночная цена пуда хлеба достигала 30–40 рублей. Мы его сдавали в среднем по 80 копеек. Государство продавало печеный черный хлеб по 85 копеек за килограмм, белый – по 1 рублю 70 копеек и дороже, а мы получали пятак за килограмм зерна» [30].

Молодые колхозы были, как правило, мелкими и экономически слабыми. По Вятскому региону в каждом колхозе в среднем числилось по 28 дворов, по 78 трудоспособных колхозников, каждый из которых вырабатывал по 165 трудодней и зарабатывал, включая натуральную оплату, по 71 рублю в год (это была нищенская сумма). Многие колхозы не имели складов, конюшен, ферм. Инвентарь, скот и семена хранились на частных дворах [31].

Встречались и относительно преуспевающие колхозы, которые, благодаря хорошей постановке дела и поддержке со стороны местной власти, имели возможность изыскивать средства не только на сугубо производственные нужды и выполнение обязательств перед государством, но и на повышение благосостояния и уровня культурно-бытового обслуживания своих членов. Типичным примером может служить колхоз «Красный пахарь» Кикнурского района. Его председателем был Михаил Спиридонович Ушаков, член ВКП(б). Колхоз организовался в 1931 г. и за короткий промежуток времени сумел добиться 100%-ной коллективизации местного населения. В течение трех лет не было ни одного случая выхода из колхоза. На высокий уровень было поставлено общественное животноводство. В колхозе имелись 13 лошадей (10 рабочих, 2 племенных жеребца и одна матка), был оборудован хороший конный двор. На базе колхоза была создана свиноферма, которая имела теплый, образцовый свинарник. Свиное поголовье состояло из 10 маток, одного хряка и нескольких десятков голов молодняка. За 1933 г. ферма получила 172 головы породистого молодняка и 5480 руб. чистой прибыли. Большую роль в развитии свинофермы сыграл ее заведующий, М. Т. Злобин, который проявлял особую заботу о животных и уделял ферме все свое свободное время. Обеспеченность индивидуальных хозяйств колхозников скотом также была высокой. Все колхозники имели на личном подворье корову и мелкий скот, а некоторые хозяйства – даже по две коровы. Все свои обязательства перед государством колхоз выполнял полностью и досрочно. Сельхозинвентарь и машины были тщательно отремонтированы и хранились в крытых помещениях. Посевной материал сортировался и проверялся на всхожесть. Семенной, страховой и фуражный фонды были засыпаны полностью, на весенний и летний периоды выделялось 5 цент. для детских яслей [32]. Коммуна «1 Мая» Шабалинского района и коммуна «Красный Октябрь» Вожагальского района выстроили новые хорошие дома для своих детсадов и яслей, позаботились даже об окраске полов и мебели [33]. И хотя подобного рода кол-

хозы являлись для того времени редким исключением, уже сам факт их существования свидетельствовал о том огромном потенциале, которым обладала новая колхозно-совхозная система при условии правильной организации труда и справедливого распределения его результатов.

Гигантомания, столь характерная для первых месяцев массовой коллективизации, пошла на спад, созданные на скорую руку колхозы-гиганты разукрупнялись, и в начале 1930-х гг. при организации колхозов возобладал принцип: «колхоз – село» [34], что, в общем-то, соответствовало природно-ландшафтным условиям края. Если нэповские колхозы образовывались, в основном, путем выдела из крестьянской общины нескольких хозяйств, то в период массовой коллективизации в колхозы вступали, как правило, целыми деревнями. Поэтому в начале 1930-х гг. колхозы, несмотря на свои скромные размеры, были все же крупнее тех, что создавались до коллективизации (на 1 октября 1928 г. в среднем на колхоз приходилось всего около 10 дворов) [35]. Наличие большого числа мелких колхозов было обусловлено спецификой региона: его лесистость, малые размеры большинства поселений, разбросанных на значительном расстоянии друг от друга. Показателен пример по Шабалинскому району. К 1933 г. на его территории насчитывалось в общей сложности 745 населенных пунктов, в том числе мельчайших (отруба, хутора), особенно в лесной части района. Это накладывало отпечаток на колхозное строительство: из 456 колхозов района 156 объединяли от 5 до 10 хозяйств, и еще 127 – от 10 до 15 хозяйств [36], т. е. мелкие колхозы составляли почти две трети от общего их числа.

В 1931 г. страну поразила засуха. Пострадавшие от засухи регионы получили на проведение весенней посевной кампании 1932 г. в общей сложности 75,4 млн пудов зерна. Причем часть зерна для семенных ссуд (пшеница) была импортирована из-за границы. Основная часть ссуд была направлена в ведущие зерновые районы СССР и Казахстан. Поскольку Нижегородский край (включая территорию бывшей Вятской губернии) не входил в число ведущих зерновых регионов, то, естественно, рассчитывать на сколько-нибудь значительную помощь со стороны государства ему не приходилось. В 1929/1930 г. заготовки зерновых по Нижегородскому краю составляли лишь 4% от валового сбора, тогда как в целом по РСФСР – 16,4%, а по СССР – 17,3% [37]. Поэтому из общего объема зерновых ссуд Нижегородский край получил всего 150 тыс. пуд. (очень скромная цифра). Для сравнения: Урал получил 19,1 млн пуд., Казахстан – 11,5 млн пуд., Украина – 10,7 млн пуд., Средняя Волга – 9,8 млн пуд., Нижняя Волга – 5,4 млн пуд., Татария – 2 млн пуд., Центрально-Черноземная область – 493,7 тыс. пуд. [38]

В рамках мер по ослаблению продовольственного кризиса в стране и обеспечения нужд посевной кампании сталинское руководство в первой половине 1932 г. пошло на ограниченный импорт продовольствия и семян из-за рубежа, а также существенное сокращение зернового экспорта. Весной 1932 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была приостановлена отгрузка на экспорт 85 тыс. тонн продовольственных культур. Это зерно также было направлено на внутренние нужды страны [39]. В целом экспорт хлеба в 1932 г. по сравнению с 1931 г. сократился с 5,2 млн до 1,8 млн тонн, т. е. почти в 3 раза [40]. Для сравнения: в 1913 г. (последнем мирном году царской России) хлебный экспорт составлял 9,4 млн тонн [41]. Остались лишь те контракты, которые нельзя было не выполнить по политическим причинам (например, поставки зерна в Германию). Произошло также существенное снижение объема хлебозаготовок: если в 1930 г. по стране было заготовлено 221 393 тыс. цент. зерна, а в 1931 г. – 228 389 тыс. цент., то в 1932 г. – лишь 187 750,6 тыс. цент., т. е. на 17,8% меньше, чем в предшествующем году [42].

Основные причины продовольственных затруднений были, в общем-то, тривиальны – организационная неразбериха в созданных на скорую руку колхозах, что приводило к большим потерям урожая и скота, непропорциональное обложение колхозов и крестьянских хозяйств налогами вследствие недостатков планирования на местах, а также повальное воровство. Сказывалась психология единоличного хозяина. Одно дело – украсть у соседа (с ворами в крестьянской среде испокон веку поступали весьма сурово), и другое дело – у колхоза. Колхозное добро (прежде всего зерно) крестьяне нередко воспринимали как ничейное и при любом удобном случае норовили перераспределить его в свою пользу.

Особенно активничали в плане хищений и растрат колхозного имущества работники местных советов, председатели колхозов и прочие руководители (благо, статус позволял). Приведем ряд примеров. На рынке Шабалинского района широко велась торговля мукой, хлебом, картошкой, вопреки правительственному запрету на колхозную торговлю этими продуктами. При постановке вопроса о борьбе с такой незаконной торговлей перед местной милицией начальник милиции прямо заявлял, «что ему не велят руководители РК и РИКа крепко нажимать, так как нужно финплан выполнять». Заместитель секретаря Шабалинского райкома Кабанов протестовал против действий милиции по конфискации ручных мельниц (одна из мер борьбы с незаконным помолом), вопрошая: «Кому какое дело, что я дома делаю?» На председателя колхоза «Ис-

кра» Авдеева (кандидата в члены партии) было возбуждено дело о растрате им 65 цент. хлеба из гарнцевого сбора. Суд вынес на удивление мягкое решение – всего-навсего возратить растроченные 65 цент. колхозу [43]. В феврале 1931 г. в Сунском районе член партии А. И. Ардашев, назначенный старшим обоза, продал 317 кг ячменя, а деньги присвоил и пропил с приятелями в дер. Боровляна [44]. Председатель колхоза «Новый путь» (Коровнинский сельсовет Сунского района) Филипп Орлов сбывал хлеб на частном рынке, в то время как колхозники (за исключением некоторых председательских любимчиков) жили впроголодь. Беднякам для покупки хлеба приходилось продавать последнюю корову. Просьбы колхозников о выдаче хлеба он упорно игнорировал, для возможной продовольственной помощи, по его словам, было необходимо, «чтобы семьи три-четыре сдохли с голоду» [45]. Председатель колхоза «Красный земледелец» (Верхосунской сельсовет Сунского района) член ВКП(б) Т. Я. Попцов и его жена были замечены в краже колхозного хлеба. В конце 1932 г. у них во дворе колхозники обнаружили несколько снопов ячменя и овса. Дело было передано участковому Мокрецову, но тот не дал ему хода [46]. В колхозе «Новая деревня» (Котельничский район) председателем колхоза оказался бывший кулак. Как руководитель, он проявил себя из рук вон плохо: к севу не готовился, сельхозинвентарь не ремонтировал, лошадей морил голодом, на собраниях кричал: «Льну у нас нет, хлеба нет, скоро с голоду умрем!» Однако в плане повышения личного благосостояния за счет колхозных фондов этот председатель вполне преуспел. При обыске у него было обнаружено 70 пуд. хлеба, около 2 цент. спрятанного в 15 местах льноволокна и кое-какие другие припасы. Председатель был осужден к двум годам лишения свободы, однако крайпрокурором дело было затребовано в порядке надзора ввиду мягкости приговора [47]. Член колхоза «13-я годовщина Октября» (Сухоноговский сельсовет Верховинского района) Е. Земцов, тоже бывший кулак, в 1933 г. был уличен в краже колхозного сена, а в 1934 г. занялся кражей снопов ржи с колхозного поля, за что был исключен из колхоза и привлечен к уголовной ответственности [48]. В колхозе Головинском (Зюздинский район) неучтенные 4 тонны хлеба из урожая 1932 г. и 200 пуд. хлеба, составлявшие фонд колхозной торговли, были растратированы колхозным руководством на вольном рынке. Вырученные деньги были оприходованы не полностью. После разоблачения этой махинации председатель колхоза П. Д. Сидоров объявил, что часть проданного хлеба принадлежала ему, и выдал задним числом кладовщику фиктивную расписку, будто бы хлеб он получил в счет трудодней, хотя распределение хлеба по трудодням к тому времени было уже закончено [49]. Члены правления Киселевского колхоза (Верхошижемский район) пытались утаить большую часть урожая хлеба: утверждали, что уродилось 45 цент., в то время как на самом деле было выращено 110 цент. А руководители Исаковского колхоза (Немский район) держали скрытый амбар, где укрывали 500 пуд. хлеба.

В ряде колхозов имел место неоправданно высокий расход средств на непроизводительные цели, главным образом – на содержание правления. Так, в Ситниковском колхозе Городищенского сельсовета (Санчурский район), состоящем всего из шести хозяйств, руководящий аппарат включал председателя, счетовода и завхоза, которые «поедали» 18% вырабатываемых колхозом трудодней [50].

Одной из форм растратывания колхозных средств являлось начисление трудодней за работы, не связанные с колхозным производством. Так, в Берляковском колхозе Яранского района трудодни начисляли тем, кто сидел дома с детьми. Отцу председателя колхоза начислили за это 15 трудодней. Колхоз им. Молотова (Даровской район) содержал портных, которые обслуживали (в индивидуальном порядке) колхозников и наемных работников, а колхоз им начислял трудодни [51].

Все это и многое другое – только выявленные факты. А ведь многие случаи хищений общественной собственности так и остались неизвестными. Несмотря на все запреты, в колхозы (в том числе и на руководящие должности) проникло немало бывших кулаков (как подвергшихся в свое время раскулачиванию, так и избежавших его) и прочих антисоветски настроенных элементов, которые попирали права рядовых колхозников и всячески старались дезорганизовать колхозное строительство. Так, в колхозе «Трактор» Даровского района вскрытие трупов павших коров показало, что причиной систематического падежа животных являлись подмешанные в корм острые металлические предметы. В Тумановском колхозе Вожгальского района в период пахоты лошади выводились из строя путем забивания гвоздей в копыта. Конюх Кургуменного колхоза (Сунский район) утверждал: «Для того и колхоз, чтобы сбивать и портить лошадей» [52].

Кулаки в колхозах агитировали против сдельщины, трудодней, трудовых книжек и т. д. Так, в Фокинском сельсовете Советского района старались сорвать сдельщину, утверждая, что она «только дело запутывает, без нее можно лучше вести работу». В сельхозартель «Молот» Даровского района проник кулак, который, состоя в колхозе, агитировал против сдельщины, говоря, «что сдельщина есть барщина, что устав сельхозартели выполнять не нужно». В Сандаковской

сельхозартели Шабалинского района кулаки распространяли слухи, что «по хлебозаготовкам из колхозов заберут весь хлеб и колхозу ничего не оставят». Агитировали также и за то, что хлеб нужно делить по едокам. Однако колхоз сумел противостоять кулацкому влиянию: урожай был распределен по трудодням, а план хлебозаготовок выполнен на 103% [53].

Высшее партийно-государственное руководство страны выражало серьезную озабоченность попытками дезорганизации колхозного строительства. В январе 1933 г., выступая на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), И. В. Сталин затронул проблему саботажной деятельности, которую вели проникшие в колхозы кулаки:

«...Лицо классового врага изменилось за последнее время, изменилась тактика классового врага в деревне и... сообразно с этим надо изменить свою тактику, чтобы добиться успеха. Враг понял изменившуюся обстановку, понял силу и могущество нового строя в деревне и, поняв это, перестроился, изменил свою тактику, перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой. А мы этого не поняли, новой обстановки не разглядели и продолжаем искать классового врага там, где его нет уже, продолжаем вести старую тактику упрощенной борьбы с кулачеством, тогда как она, эта самая тактика, давно уже устарела.

Ищут классового врага вне колхозов, ищут его в виде людей с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках. Ищут кулака, каким мы его знаем из плакатов. Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, нынешние антисоветские элементы в деревне – это большей частью люди “тихие”, “сладенькие”, почти “святые”. Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д. Они никогда не скажут – “долой колхозы”. Они “за” колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажную и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится.

...Чтобы разглядеть такого ловкого врага и не поддаться демагогии, нужно обладать революционной бдительностью, нужно обладать способностью сорвать маску с врага и показать колхозникам его действительное, контрреволюционное лицо. Но много ли имеется у нас в деревне коммунистов, обладающих этими качествами? Коммунисты нередко не только не разоблачают таких классовых врагов, а наоборот, сами поддаются их жульнической демагогии и плетутся за ними в хвосте» [54].

Именно против тех, кто стремился всевозможными способами дезорганизовать общественное производство и присвоить себе колхозные фонды (а вовсе не против рядовых колхозников, собиравших колоски на сжатых полях, как теперь принято считать), и было направлено знаменитое постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г., больше известное как «закон о пяти колосках». Колхозное имущество по своему значению приравнивалось к государственному. Постановление предписывало «применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества» [55]. За пять месяцев с момента принятия этого постановления (к 15 января 1933 г.) в соответствии с ним по РСФСР были осуждены 64907 чел., из них к высшей мере приговорены 2298 чел. (3,6%), к 10 годам лишения свободы – 19792 чел. (30,5%). В целом по стране были осуждены 103 тыс. чел., из них к высшей мере приговорены 4880 чел. (6,2%), к 10 годам – 26068 чел. (33%). Из общего числа осужденных по стране больше всего приходилось на колхозы (64,2%), затем на железнодорожный транспорт (13,2%), совхозы (9,4%), единоличников (5,8%), промышленность (4,9%) [56]. Столь жесткие репрессивные меры позволили сбить эпидемию хищений, охватившую колхозы в первые годы массовой коллективизации. И лишь спустя время, на собственном горьком опыте новоиспеченным колхозникам приходилось убеждаться, что от материального благополучия родного колхоза, от правильно организованной системы коллективного труда и справедливого распределения его результатов зависел и их достаток.

Вятскому крестьянству довелось испытать последствия голода 1932–1933 гг. Встревоженные слухами о тяжелой продовольственной ситуации в зерновых районах страны, вятские крестьяне воздерживались от посевов, предпочитая запастись хлебом «на черный день». Так, в Указинском и Свинцовском сельсоветах Шабалинского района в период подготовки к весенней посевной кампании 1933 г. велась агитация за отказ от посева. При этом выдвигалось политическое требование, которое являлось переформулированным (применительно к новой ситуации) лозунгом времен Гражданской войны: «За колхозы, но без коммунистов». В Нолинском районе пришлось задержать выдачу семян из страхфонда, поскольку в результате проверки выяснилось, что некоторые граждане семена брали, но сеять отказывались. В Батылинском сельсовете одному крестья-

янину выдали из страхфонда 25 пуд. семян, а при проверке оказалось, что у него припасено в общей сложности около 100 пуд. зерна. В Лудяне сгорел дом вместе с семенами, которые были спрятаны в навозе, в то время как сам хозяин до этого обращался с просьбой о выделении ему посевного материала. Утаивание семян этот гражданин оправдывал тем, «что в городе организуются отряды, которые весь хлеб у крестьян будут отбирать». По его словам, подобного рода слухи распространялись «в церкви во время “родительской”, куда богомольцы стекаются даже из других сельсоветов» [57].

Опасения вятских крестьян оказались небезосновательны. Голод затронул и Вятский регион. Так, по сообщениям органов ОГПУ, в конце 1933 г. в некоторых колхозах Черновского, Даровского, Лебяжского и других районов занимались нищенством до 50% колхозников. В ряде школ крестьянской молодежи Даровского района вследствие голодания вынуждены были прервать учебу от 40 до 60% учащихся. В октябре – ноябре 1933 г. в Даровском, Нолинском, Ярском и Черновском районах на почве продовольственных затруднений ликвидировали хозяйства и выбыли в другие края и области 449 колхозников и единоличников [58].

Здесь следует заметить, что в Российской империи голод не являлся чем-то необычным, исключительным. Неурожайные и голодные года случались довольно-таки часто. Главная причина – низкий уровень развития сельского хозяйства в сочетании с жесткой фискальной политикой государства по отношению к крестьянству. Так, голод 1911 г., поразивший значительную часть территории России, затронул и Вятскую губернию. Голодом были охвачены южные (зерновые) уезды – Сарапульский, Елабужский, Малмыжский и Уржумский. В Уржумском уезде случился неурожай овса. В четырех волостях, особенно сильно пострадавших от неурожая (Больше-Шурминской, Билямурской, Русско-Турекской и Байсинской), не удалось вернуть даже семена, посеянные в яровых полях. К концу года недостаток продовольствия составлял свыше 3,6 млн пуд. Ситуация усугублялась слабым развитием в уезде подсобных промыслов [59]. Последствия голода в Уржумском уезде продолжали сказываться еще долго. По данным сельскохозяйственной переписи 1912 г., поголовье скота в уезде, сильно сократившееся вследствие голода, так и не успело восстановить свою прежнюю численность [60].

Сведения о голоде поступали и из других местностей. Крестьяне Старо-Ятчинской волости Елабужского уезда обращались к Вольному экономическому обществу с ходатайством о выделении продовольственной помощи. Приведем небольшой фрагмент из их письма: «В Селянуре еще три недели назад доедали уже картошку (хлеба давно нет)... И так во всех окружающих деревнях... Или – остатки, или – все... Раздобудут, где случайно – “сыты”; съели – голодают. И “сыты”, конечно, так, как может быть сыт человек, у которого “последний” кусок! Особенно тяжело ребятам. Их больше жаль... Или им, действительно, труднее, или их лучше знаешь... Бледные, вялые, они плохо соображают, не внимательны и редко ходят (в школу. – И. Ч.) (через два-три дня).

Спросишь: “Почему не пришел?”.

Молчит, потупится.

Товарищи уже скажут, что ходил побираться» [61].

А вот еще одно из подобного рода свидетельств, ярко описывающих всю безысходность сложившейся ситуации. В селении Сосновый Юраш «не было своего хлеба уже на обсеменение полей. Распродали всех овец, половину лошадей, коров осталось 1/3. Раньше безлошадных было два-три хозяйства, а теперь уже у 50 домохозяев нет лошадей (всего дворов – 140). Человек 70–80 ушли на каменно-угольные копи, но и там заработки очень плохи, едят, чтобы денег не ждали. Некоторые продали последнюю корову и ушли на заработки, денег нет, и семьи голодают» [62].

Словом, голод в Российской империи (и Вятской губернии) представлял собой постоянный фон, на котором протекала жизнь большей части сельского населения. То же самое можно сказать и о раннем СССР (1920-е – начало 1930-х гг.), экономический потенциал которого, несмотря на определенные успехи в индустриальном развитии, пока еще мало чем отличался от дореволюционной России. И лишь в результате завершения реконструкции аграрного сектора, обеспечения его новейшей техникой, организационно-кадрового укрепления основ колхозного строя голод, систематически посещавший российскую (и вятскую) деревню в доиндустриальную эпоху, был наконец изжит.

Для усиления влияния партии в деревне в январе 1933 г. были созданы политотделы МТС и совхозов – чрезвычайные органы партии, которые внедряли в колхозы и совхозы партийные и комсомольские ячейки, обеспечивали реализацию аграрной политики, боролись с саботажем и хищениями колхозного имущества, решали кадровые вопросы, способствовали активизации агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы в колхозах. С момента организации политотделов противники колхозного строя развернули деятельность по их дискредитации. Можно было слышать, например, такие разговоры: «Ну, сейчас, с приездом политотделов,

в колхозах чистенько, под гребеночку, под метелочку заметут хлеб». Или: «Политотдел – это ГПУ. Сейчас и слова вымолвить нельзя будет. Загребут, и прощайте, мои детки». В Котельничском районе отдельные агрономы (вероятнее всего, из «классово-чуждых элементов»), разъясняя колхозникам, как нужно сеять селекционный лен, говорили: «Селекционный лен нужно уметь сеять. К нему нужно относиться очень внимательно. Государство придает огромное значение селекционному льну. Боже сохрани вас, хоть на один сантиметр отступить от указанных мною интервалов. За это политотделы не меньше десяти лет вам всыпят». Понятно, почему после таких «наставлений» колхозники-льноводы категорически отказывались сеять селекционный лен. Негативному восприятию крестьянами политотделов способствовали отчасти своими неосмотрительными высказываниями и местные партработники. В некоторых колхозах, обслуживаемых Котельничской МТС, председатели-коммунисты угрожали провинившимся колхозникам: «Я тебя сейчас же отправлю в политотдел» [63].

В целом, однако, несмотря на все ошибки, злоупотребления и попытки противодействия, политотделы МТС сыграли немалую роль в коренной реконструкции аграрного сектора Вятского региона. Благодаря политотделам, по всем районам деятельности МТС можно было наблюдать неуклонный рост коллективизации, причем собственно зоны МТС, как правило, имели более высокие показатели коллективизации, по сравнению с районами в целом. Так, по Вятскополянской МТС до создания политотдела было коллективизировано 48% хозяйств, а к осени 1934 г. – уже 64%. В зоне деятельности Арбажской МТС было коллективизировано 64% хозяйств, тогда как в районе – лишь 56%, в Зуевской МТС – 92%, а в районе – 80% и т. д. [64]

В период деятельности политотделов МТС выросли доходы колхозов, повысилось материальное благосостояние колхозников. Если в 1932 г. общий доход колхозов в расчете на двор составлял в Горьковском крае 688 руб., то в 1933 г. – 735 руб. В колхозах, обслуживаемых МТС, доходы увеличились с 777 руб. до 853 руб. В 1933 г. выдача на трудодень зерновых культур была на 14–15% выше, чем в 1931 г. [65]

Под руководством политотделов повысился уровень массово-политической работы в колхозах. В зимнее время, в период весеннего сева и уборочных работ в колхозах на полях работали сотни агитбригад, агитповозок, радио, передвижное кино, библиотеки, выпускались стенные газеты. Так, например, в колхозах Вятскополянской МТС во время весеннего сева 1934 г., помимо агитбригад политотдела, работали 23 культповозки колхозов, обеспеченные работниками, литературой, лозунгами, диаграммами. В 22 колхозах были организованы группы затейников, почти везде выпускались стенные газеты. В Советской МТС в период сева функционировала агитбригада (12 чел.) с фургоном, радио, передвижным кино, патефоном, библиотекой; на полях было организовано 35 красных уголков, регулярно выпускалось 80 стенных газет.

Большое внимание политотделы уделяли изучению и проработке среди колхозников решений XVII съезда ВКП(б) и доклада И. В. Сталина. Показателен пример Вятскополянской МТС. Проработка решений XVII партсъезда среди колхозников здесь была организована на специально созданных трехдневных курсах колхозного актива. Эти курсы, проведенные по 8 кустам, охватили 653 человек, в том числе 373 женщины. Курсы вызвали большой интерес к изучению решений съезда и особенно к докладу Сталина. Почти везде были требования продлить учебу до 10 дней. Посланная в колхозы литература, особенно сталинский доклад, покупалась нарасхват. Колхозница Колесникова из колхоза «Красная Поляна», торопясь купить первой, заявила: «Продайте мне доклад тов. Сталина, я вам заплачу не 25 коп., а рубль. Доклад я буду читать дома мужу, он у меня неграмотный». В связи со столь большим интересом к решениям съезда, политотдел данной МТС, помимо курсов, организовал систематическую их проработку по бригадам [66]. Выполнив, в основном, возложенные на них задачи, решением ноябрьского (1934 г.) пленума ЦК ВКП(б) политотделы были слиты с райкомами [67].

Таким образом, в первые годы массовой коллективизации имело место сокращение сельскохозяйственного производства. Особенно сильно пострадало животноводство. Восстановление сельского хозяйства наблюдалось лишь с середины 1930-х гг., когда начала давать свои позитивные плоды индустриализация и обозначились серьезные сдвиги в деле укрепления организационно-технической базы колхозного производства. По мере осуществления индустриализации увеличивались масштабы поставок на село новейшей техники, происходила тракторизация и комбайнизация аграрного сектора. На территории Вятского региона с 1930 г. стали создаваться МТС, обслуживавшие колхозы техникой. С января 1933 г. по ноябрь 1934 г. в деревне действовали чрезвычайные органы – политотделы МТС и совхозов, которые, несмотря на всевозможные ошибки, злоупотребления и попытки противодействия, сыграли немаловажную роль в коренной реконструкции сельскохозяйственного производства Вятского региона. В сельском хозяйстве был создан мощный социалистический сектор. На базе колхозов создавались животноводческие

фермы. Однако животноводство, в отличие от земледелия, продолжало оставаться отраслью, где доминирующее место занимало мелкое производство (хозяйства единоличников, подворья колхозников). Адаптация вчерашних самостоятельных производителей к новой системе организации труда (оплата по трудодням, сдельщина, работа бригадой) происходила трудно. Сказывалась привычка основной массы крестьянства к уравнительности. Однако уравниловка подрывала стимулы к труду и вызывала недовольство наиболее сознательной части колхозников, стремившейся к справедливой оплате по труду.

Молодые колхозы были мелкими и экономически слабыми. Обязательства колхозов перед государством (госпоставки, натуроплата за обслуживание МТС) были столь велики, что после их выполнения в большинстве колхозов не только не оставалось излишков сельхозпродукции на продажу, но даже не хватало хлеба для оплаты по трудодням. Преуспевающие колхозы являлись исключением. Голод 1932–1933 гг., затронувший и Вятский регион, был обусловлен целым комплексом причин: традиционно низкий уровень технической оснащенности аграрного сектора, общая организационная неразбериха, непропорциональное обложение колхозов и единоличных крестьянских дворов вследствие недостатков планирования на местах, значительные масштабы хищений колхозного имущества. И лишь в результате завершения реконструкции аграрного сектора, обеспечения его новейшей техникой, организационно-кадрового укрепления основ колхозного строя голод, систематически посещавший российскую (и вятскую) деревню в доиндустриальную эпоху, был наконец изжит.

Примечания

1. 200 лет Вятской губернии: стат. сб. Киров, 1996. С. 29.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-877. Оп. 2. Д. 9. Л. 430.
3. Народное хозяйство Кировской области: стат. сб. Киров, 1957. С. 61.
4. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3022. Л. 2.
5. *Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013. С. 172–175.
6. Первая пятилетка и село // Заветы Ильича. 1979. 26 апр. С. 2; *Казанцев Р.* В годы первой пятилетки // Заветы Ильича. 1979. 5 июня С. 3.
7. Очерки истории Кировской области / под ред. А. В. Эммаусского, Е. И. Кирюхиной. Киров, 1972. С. 319.
8. Кировский край в цифрах. М., 1936. С. 9, 55.
9. Отчет о работе Вятского городского совета XV состава за период с 1931 по 1934 г. Вятка, 1934. С. 33.
10. *Загвоздкин Г. Г.* Триумф и трагедия 30-х годов // Памяти Геннадия Григорьевича Загвоздкина – ученого, историка, человека... СПб., 2008. С. 121.
11. История и культура Вятского края / под ред. И. Ю. Трушковой. М.; Киров, 2005. С. 249.
12. Кировский край в цифрах... С. 8, 55.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 852. Л. 47 об.
14. *Загвоздкин Г. Г.* Указ. соч. С. 121–122.
15. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
16. Отчет о работе Вятского городского совета XV состава... С. 34.
17. *Чадаев И. И.* Колхозы края к XV годовщине Октября // Горьковский край. 1932. № 5–6. С. 19–21.
18. Цит. по: *Ситников В. А.* Эх, кабы на цветы да не морозы...: Хроника падения крестьянского двора. Киров, 2012. С. 218.
19. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1385. Л. 48–49.
20. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999. С. 87–88.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 852. Л. 65.
22. Там же. Д. 867. Л. 191.
23. Там же. Д. 852. Л. 49 об.
24. *Рогалина Н.Л.* Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989. С. 144–146.
25. Очерки истории Кировской области... С. 322.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 852. Л. 48 об.
27. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С. 19.
28. Там же.
29. *Милосердов В. В., Милосердов К. В.* Аграрная политика России – XX век. М., 2002. С. 144–145.
30. Цит. по: *Ситников В. А.* Указ. соч. С. 224–225.
31. *Загвоздкин Г. Г.* Указ. соч. С. 124.
32. ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1912. Л. 93.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 852. Л. 72.
34. *Чадаев И. И.* Указ. соч. С. 13.

35. Чемоданов И. В. Вятское крестьянство в период нэпа (1921–1929 гг.). Киров, 2011. С. 87.
36. ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 4. Д. 32. Л. 22.
37. Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 1: 1929 – июль 1932: в 2 кн. Кн. 1. М., 2011. С. 252–253.
38. Там же. С. 34.
39. Там же. С. 34–35.
40. Там же. С. 47.
41. Рогалина Н. Л. Указ. соч. С. 161.
42. Сельское хозяйство СССР... С. 19.
43. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–9.
44. Там же. Д. 133. Л. 256.
45. Там же. Л. 108–108 об.
46. Там же. Л. 166.
47. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 404.
48. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 151. Л. 151.
49. Там же. Д. 155. Л. 39.
50. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 852. Л. 64 об.
51. Там же. Л. 65.
52. Там же. Л. 60–61 об.
53. ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 4. Д. 32. Л. 12.
54. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 630–631.
55. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. М., 1989. С. 476–478.
56. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 75.
57. ГОПАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2418. Л. 80, 157.
58. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933... С. 838.
59. Вятская речь. 1911. 6 ноября. С. 3.
60. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии. Население. Скот. Посевы. Вятка, 1916. С. 19.
61. Вятская речь. 1911. 13 дек. С. 3.
62. Там же. 1912. 17 янв. С. 3.
63. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 852. Л. 46.
64. ГОПАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3046. Л. 12.
65. Очерки истории Кировской области... Киров, 1972. С. 323.
66. ГОПАНО. Ф. Р-2. О33п. 1. Д. 3046. Л. 21.
67. Рогалина Н. Л. Указ. соч. С. 173.

Notes

1. *200 let Vyatskoj gubernii: stat. sb.* - 200 years of Vyatka governorate: stat. coll. of Kirov. 1996. P. 29.
2. State archive of the Kirov region (GAKO). F. R-877. Sh. 2. File 9. Sh. 430.
3. *Narodnoe hozyajstvo Kirovskoj oblasti: stat. sb.* - The economy of the Kirov region: stat. collection of Kirov. 1957. P. 61.
4. The state socio-political archive of the Nizhny Novgorod region (GOPANA). F. R-2. Sh. 1. File 3022. Sh. 2.
5. Nefedov S. A. *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizacii* [Agricultural and demographic results of Stalin's collectivization]. Tambov. 2013. Pp. 172-175.
6. *Pervaya pyatiletka i selo* - The first five-year plan and the village // *Zavety Il'icha - Zavety Il'icha*. 1979. 26 Apr., p. 2; Kazantsev R. *V gody pervoj pyatiletki* [In the first five year plan] // *Zavety Il'icha - Zavety Il'icha*. 1979. June 5, p.3.
7. *Oчерки istorii Kirovskoj oblasti* - Essays on the history of Kirov region / ed A.V. Emausskiy, E. I. Kiryuhina. Kirov. 1972. P. 319.
8. *Kirovskij kraj v cifrah* - The Kirov region in figures. M. 1936. Pp. 9, 55.
9. *Otchet o rabote Vyatskogo gorodskogo soveta XV sostava za period s 1931 po 1934 g.* - Report on the work of the Vyatka city Council of XV composition for the period from 1931 to 1934. Vyatka. 1934. P. 33.
10. Zagvozdkin G. G. *Triumf i tragediya 30-h godov* [Triumph and tragedy of the 30s] // *Pamyati Gennadiya Grigor'evicha Zagvozdkina - uchenogo, istorika, cheloveka...* - To the memory of Gennady Grigoryevich Zagvozdkin - scientist, historian, human... Spb. 2008. P. 121.
11. *Istoriya i kul'tura Vyatskogo kraja* - History and culture of the Vyatka region / ed. by I. Yu. Truchkova. M.; Kirov. 2005. P. 249.
12. *Kirovskij kraj v cifrah...* - The Kirov region in figures... Pp. 8, 55.
13. Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F. 17. Sh. 21. File 852. Sh. 47.
14. Zagvozdkin G. G. Op. cit. Pp. 121-122.
15. State archive of socio-political history of the Kirov region (TO GASPE). F. P-1255. Sh. 1. File 3. Sh. 3.

16. *Otchet o rabote Vyatskogo gorodskogo soveta XV sostava...* - Report on the work of the Vyatka city Council of XV... P. 34.
17. Chadaev I.I. *Kolhozy kraya k XV godovshchine Oktyabrya* [Collective farms to the XV anniversary of the October revolution] // *Gor'kovskij kraj* – Gorky region. 1932, No. 5-6, pp. 19-21.
18. Cit. by: Sitnikov V. A. *Ehkh, kaby na cvety da ne morozy...* *Hronika padeniya krest'yanskogo dvora* [Ah, if only on flowers not frosts...: Chronicle of the fall of the farm-yard]. Kirov. 2012. P. 218.
19. Central archive of Nizhny Novgorod region (TSANO). F. R-2626. Sh. 1. File 1385. Sh. 48-49.
20. Toffler A. *Tret'ya volna* [The third wave]. M. 1999. Pp. 87-88.
21. RGASPI. F. 17. Sh. 21. File 852. Sh. 65.
22. Ibid. D. 867. Sh. 191.
23. Ibid. D. 852. Sh. 49об.
24. Rogalina N. L. *Kollektivizaciya: uroki projdennogo puti* [Collectivization: the lessons of the traversed path]. M. 1989. Pp. 144-146.
25. *Ocherki istorii Kirovskoj oblasti...* – Essays on the history of Kirov region... P. 322.
26. RGASPI. F. 17. Sh. 21. File 852. Sh. 48 turn.
27. *Sel'skoe hoz'yajstvo SSSR. Ezhegodnik 1935-* Soviet agriculture. Yearbook of 1935. M. 1936. P. 19.
28. Ibid.
29. Miloserdov V. V., Miloserdov K. V. *Agrarnaya politika Rossii – XX vek* [Agrarian policy of Russia – XX century]. M. 2002. Pp. 144-145.
30. Cit. by: Sitnikov V. A. Op. cit. Pp. 224-225.
31. Zagvozdkin G. G. Op. cit. P. 124.
32. TSANO. F. R-2626. Sh. 1. File 1912. Sh. 93.
33. RGASPI. F. 17. Sh. 21. File 852. Sh. 72.
34. Chadaev I. I. Op. cit. P.13.
35. Chemodanov I. V. *Vyatskoe krest'yanstvo v period nehpa (1921–1929 gg.)* [Vyatka peasantry during the NEP (1921-1929 gg.)]. Kirov. 2011. P.87.
36. TSANO. F. R-2626. Sh. 4. File 32. Sh. 22.
37. *Golod v SSSR. 1929–1934: v 3 t. T. 1: 1929 – iyul' 1932: v 2 kn. Kn. 1* – The famine in the USSR. 1929-1934: in 3 vol. Vol. 1: 1929 – July 1932: in 2 books. Book 1. M. 2011. Pp. 252-253.
38. Ibid. P. 34.
39. Ibid. Pp. 34-35.
40. Ibid. P. 47.
41. Rogalina N. L. Op. cit. P. 161.
42. *Sel'skoe hoz'yajstvo SSSR...* – Agriculture of the Soviet Union... P. 19.
43. GASPE TO. F. P-1255. Sh. 1. File 3. Sh. 8-9.
44. Ibid. File 133. Sh. 256.
45. Ibid. Sh. 108-108 turn.
46. Ibid. Sh. 166.
47. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939: dokumenty i materialy: v 5 t. T. 4. 1934–1936* – The tragedy of the Soviet countryside. Collectivization and dekulakization. 1927-1939: documents and materials: in 5 t. T. 4. 1934-1936. M., 2002. S. 404.
48. GASPE TO. F. P-1255. Sh. 1. File 151. Sh. 151.
49. Ibid. File 155. Sh. 39.
50. RGASPI. F. 17. Sh. 21. File 852. Sh. 64.
51. Ibid. Sh. 65.
52. Ibid. Sh. 60-61.
53. TSANO. F. R-2626. Sh. 4. File 32. Sh. 12.
54. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939: dokumenty i materialy: v 5 t. T.3. Konets 1930–1933* – The tragedy of the Soviet countryside. Collectivization and dekulakization. 1927-1939: documents and materials: in 5 vol. Vol. 3. The end of 1930-1933. M. 2001. Pp. 630-631.
55. *Dokumenty svidetel'stvuyut: Iz istorii derevni nakanune i v hode kollektivizacii, 1927–1932 gg.*- Documents testify: From the history of the village on the eve of and during collectivization, 1927-1932. Moscow (1989). Pp. 476-478.
56. Zelenin I. E. *Stalinskaya «revolyuciya sverhu» posle «velikogo pereloma». 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezul'taty* [Stalin's "revolution from above" after the "great change". 1930-1939: policy, implementation, results]. M. 2006. P. 75.
57. GOPANA. F. R-2. Sh. 1. File 2418. Sh. 80, 157.
58. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939: dokumenty i materialy: v 5 t. T. 3. Konec 1930–1933...* – The tragedy of the Soviet countryside. Collectivization and dekulakization. 1927-1939: documents and materials: in 5 vol. Vol. 3. The end 1930-1933... P. 838.
59. Vyatka speech. 1911. 6 Nov. P.3.
60. *togi Vserossijskoj sel'skohozyajstvennoj perepisi 1916 goda po Vyatskoj gubernii. Naselenie. Skot. Posevy* – The results of the nationwide agricultural census of 1916 in the Vyatka province. Population. Cattle. Crops. Vyatka. 1916. P. 19.
61. *Vyatskaya rech'* – Vyatka speech. 1911. 13 Dec. P.3.

62. Ibid. 1912. 17 Jan. P.3.
63. RGASPI. F. 17. Sh. 21. File 852. Sh. 46.
64. GOPANA. F. R-2. Sh. 1. File 3046. Sh. 12.
65. *Ocherki istorii Kirovskoj oblasti...* – Essays on the history of Kirov region Kirov... 1972. P. 323.
66. GOPANA. F. R-2. Sh 33. File 3046. Sh. 21.
67. Rogalina N. L. Op. cit. P. 173.

Агентивные номинации (Nomina Agentis) в русских говорах Удмуртии

В статье представлены результаты исследования субстантивов со значением лица в русских говорах Удмуртии, особенности их образования и функционирования в диалектном языке. Работа основана на данных лингвогеографической информационной системы «Диалект», а также на материалах диалектологических экспедиций, проведенных в Удмуртской Республике. Автором впервые проведен анализ словообразовательных особенностей существительных, образованных с помощью суффиксов *-тель-* и *-щик-*, в русских говорах Удмуртии. Данные субстантивы рассматриваются с точки зрения их словообразовательной мотивированности, приводится анализ производных лексем. Также в статье представлен анализ продуктивности словообразовательных моделей существительных с суффиксами *-тель-* и *-щик-* в говорах и русском литературном языке.

The article presents the research results of substantives related to Nomina Agentis category in Russian dialects of Udmurtia. It describes special features of their formation and functioning in dialect language. The paper is based on data derived from linguogeographical system "Dialect". Also material of dialectological expeditions in Udmurt Republic is included. Author is the first one who has conducted research of word-formative features of nouns with the endings *-tel'-* and *-shchik-* in Russian dialects of Udmurtia. These substantives are considered in the context of their word-formative motivation. In addition, the analysis of derived lexemes is carried out. The article also presents analysis of productive word-building patterns of nouns with the endings *-tel'-* and *-shchik-* in dialects and Russian literary language.

Ключевые слова: диалектное словообразование, морфема, словообразовательная модель, субстантив, суффикс.

Keywords: dialect word-formation, morpheme, word-building pattern, substantive, suffix.

Интерес к вопросам диалектного словообразования возник у ученых еще в середине XIX в., однако морфемное словообразование начинает глубоко изучаться в XX в. (работы Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова и др.). Изучение словообразовательных особенностей русского языка немыслимо без исследования словообразовательной системы диалектов. «Ценность показаний современных говоров для истории языка связана со специфическими особенностями развития говоров по сравнению с литературным языком. Литературный язык, скованный традицией письма, вообще изменялся медленнее, чем живые говоры. С другой стороны, в литературном языке, как правило, избегаются узко местные, диалектные формы» [1].

Объектом нашего исследования явились слова с суффиксами *-тель-* и *-щик-*, особенности их образования и функционирования в диалектном языке.

Материалом для исследования послужили данные лингвогеографической системы «Диалект» (ЛГИС «Диалект») [2], а также записи диалектной речи, сделанные преподавателями и студентами Удмуртского государственного университета в ходе диалектологических экспедиций, проходивших в 17 районах Удмуртской Республики: Базинском, Вавожском, Воткинском, Граховском, Дебесском, Завьяловском, Игринском, Кезском, Киясовском, Красногорском, Малопургинском, Сарапульском, Сьюсинском, Увинском, Шарканском, Юкаменском, Якшур-Бодьинском. Анализируемый материал, помимо собственно диалектных наименований, включает и те, что совпадают по форме и значению с литературным языком.

Для обозначения действующего лица в диалектах используются такие суффиксы, как *-тель-*, *-щик-*, *-ник-*, *-ец-*. Наиболее интересным для рассмотрения является противопоставление суффиксов *-тель-* и *-щик-*.

Традиционно данные суффиксальные морфемы относят к разным стилям: *-тель-* – к книжному, а *-щик-* – к разговорному. При анализе диалектного материала, как и в русском литературном языке, выявляются отношения синонимии между этими двумя суффиксами: (**закупáтель** / **заку́щик** – 'скупщик'; **се́ятель** / **се́яльщик** – 'сеяльщик'; **издева́тель** / **изде́вщик** – 'насмешник, насмешница', **огребáтель** / **огребáльщик** – 'тот, кто окучивает овощи' и др.).

Образования с суффиксом *-тель-* представляют собой довольно древний пласт лексики. С помощью суффикса *-тель-* образуются существительные со значением лица, занимающегося какой-либо деятельностью (*учитель, предприниматель, преподаватель*), либо наименования предметов, производящих какое-либо действие (*двигатель, очиститель, увлажнитель*). В данной работе будет рассмотрена группа существительных на *-тель-* со значением лица.

Вопрос о происхождении суффикса *-тель-* является одним из самых сложных вопросов морфематики. В настоящее время существует несколько точек зрения на его происхождение. Согласно первой точке зрения, которой придерживаются такие ученые, как С. Б. Бернштейн, В. В. Виноградов и др., суффиксальная морфема *-тель-* восходит к общеиндоевропейской языковой общности [3]. Так, Р. В. Железнова отмечает, что суффикс *-тель-* представляет собой «исконно славянскую (праславянскую) морфему индоевропейского происхождения. Именно с эпохи праславянского языкового единства и начинается «языковой цикл» суффикса *-тель-* во всех славянских языках. Исконное происхождение словообразовательного типа имен на *-тель-* не подлежит никакому сомнению» [4]. Другие исследователи (А. А. Шахматов, С. П. Обнорский, Г. А. Хабургаев) связывают происхождение морфемы *-тель-* со старославянским языком [5]. Одним из ученых, кто занимался вопросами субстантивного словообразования, является Г. А. Николаев. Он отмечает, что некоторые словообразовательные модели существительных, в том числе и с суффиксом *-тель-*, имеющие общеславянский характер, были связаны с определенным типом текстов (церковные тексты), «с определенным содержанием <...>. А поскольку эти тексты создавались впервые именно на старославянском языке, эти словообразовательные модели оказались «связанными» через тип текста со старославянским языком и в дальнейшем распространялись как бы под его влиянием в конкретных славянских языках» [6].

В научной литературе сложилось мнение, что в говорах отсутствуют наименования, образованные с помощью суффикса *-тель-*. В. М. Марков рассматривал суффикс *-тель-* как «выразительный пример противоречия между литературным языком и живым диалектным просторечьем», подчеркивая, что «продуктивность суффикса *-тель-* проявляется лишь в книжных стилях речи <...>, он... обьявлялся либо специфическим и надежным признаком старославянизмов, либо морфемой, хотя и восходящей к периоду общеславянского единства, но обязанной распространением влиянию старославянских источников на русский язык» [7]. Несмотря на относительно невысокую продуктивность суффикса *-тель-* в русских говорах Удмуртии по сравнению с другими книжными формантами (*-ение-*, *-ствие-*, *-ство-*), «суффикс *-тель-* способен образовывать в языке говоров довольно устойчивые словообразовательные типы» [8].

Дериваты на *-тель-* состоят из производящей основы инфинитива и суффикса *-тель-* со значением действующего лица (*свидетель, грабитель, похититель*), то есть любое существительное, образованное подобным образом, сочетает в себе семантику глагольной основы и семантику суффикса *-тель-*. На основе проанализированных данных можно сделать вывод, что существительные образуются как от глаголов несовершенного вида (*закупатель, грабитель, сеятель*), так и от глаголов совершенного вида (*заготовитель, похититель, исцелитель*). Существительные, образованные путем добавления суффикса *-тель-*, мотивированы глаголами с основой на *-и* (**грабитель** – 'грабитель, грабительница' (Воткинский район, село Камское, 2000-07-06.. 2000-07-13*; село Перевозное, 2001-07-09..2001-07-22; Дебесский район, село Смольники, 2001-07-12 2001-06-24 1999-07-05..1999-07-16; Игринский район, село Малягурт, 1999-07-17.. 1999-08-08; Кезский район, поселок Кез, 2005-07-28..2005-08-15; Красногорский район, село Красногорское, 1999-06; Сарапульский район, село Кигбаево, 2006-06-16.. 2006-06-26 2008-07; Шарканский район село Шаркан, 2001-07-09..2001-07-22; Юкаменский район, село Ежево, 2007-07-02, **родитель** – 'родитель' (Сюмсинский район, поселок Кильмезь, 2007-07, **заводитель** – 'забияка, задира' (Воткинский район, село Камское, 2000-07-06..2000-07-13, **исцелитель** – 'человек, способный лечить путем заговора' (Граховский район, село Селянур, 1998-04, **похититель** – 'грабитель, грабительница' (Сарапульский район, село Кигбаево, 2006-06-16.. 2006-06-26 2008-07, **заготовитель** – 'скупщик' (Вотк. р-н, с. Камское, 2000-07-06..2000-07-13; Дебесский район, село Смольники, 1999-07-05..1999-07-16 2001-07-12 2001-06-24) и *-а/-я* (**сеятель** – 'сеяльщик', **заку-**

* Дата начала и окончания сбора диалектного материала

пáтель – 'скупщик' (Сарапульский район, село Кигбаево, 2006-06-16.. 2006-06-26 2008-07, **огребáтель** – 'тот, кто окучивает овощи' (Сюмсинский район, село Сюмси, 2009-07-03..2009-07-12, **издева́тель** – 'насмешник, насмешница' (Воткинский район, село Камское, 2000-07-06..2000-07-13).

В существительных, образованных от глаголов с основой на -а, сохраняется ударение глагольной основы (издева́ться → **издева́тель**, закупа́ть → **закупа́тель**).

Известно, что первоначально суффикс *-тель* имел не только личное значение, однако в говорах такое значение не зафиксировано. Лексемы со значением не лица усваиваются говорами как личные. На основании этого можно сделать вывод, что в говоры подобные образования пришли довольно поздно.

Что касается существительных, образованных при помощи суффикса *-щик*, то стоит отметить, что эта группа является наиболее многочисленной.

Г. А. Николаев в своих работах отмечает, что суффикс *-щик* получил распространение в русском языке в связи с формированием так называемого «низкого» стиля литературного языка. Данный стиль «нуждался в языковом оформлении двух центральных семантических групп производных имен – имен со значением лица и действия. Если в высоком стиле эти имена оформлялись соответственно суффиксами *-тель* и *-ние*-, в средне-литературном стиле – суффиксом *-никъ* и нулевым суффиксом, то в письменно-народном – суффиксами *-щикъ* и *-ка*» [9].

Значительное число существительных с суффиксом *-щик* образовано от глаголов: **переку́пщик** – 'скупщик' (Воткинский район, село Камское, 2000-07-06..2000-07-13), **ску́пщик** – 'скупщик' (Игринский район, село Малягурт, 1999-07-17..1999-08-08; Сарапульский район, село Кигбаево, 2006-06-16..2006-06-26 2008-07; Юкаменский район, село Ежево, 2007-07-02), **заку́пщик** – 'скупщик' (Игринский район, село Малягурт, 1999-07-17..1999-08-08; Юкаменский район, село Ежево, 2007-07-02), **пи́льщик** – 'человек, который распиливает бревно на доски' (Завьяловский район, село Гольяны, 1998), 'пильщик, стоящий наверху при распиловке бревён продольной пилой' (Завьяловский район, село Гольяны (1998), **засе́вщик** – 'сеяльщик', **карау́льщик** – 'сторож, охраняющий огород' (Завьяловский район, село Завьялово, 2001, 1999), **ко́вщик** – 'кузнец', **огра́бщик** – 'грабитель, грабительница' (Игринский район, село Малягурт, 1999-07-17..1999-08-08).

Большое число субстантивов мотивировано именами существительными: **псаломщик** – 'тот, кто читает в церкви' (Балезинский район, село Карсовой, 2006-07-03.. 2006-07-13; Граховский район, село Грахово, 1997), **моги́льщики** – 'люди, которые роют могилу', **сва́дебщики** – 'участники свадебной процессии' (Красногорский район, село Красногорское, 2001-04; Увинский район, село Новый Мултан, 1999; Малопургинский район, село Курчум-Норья, 2001-07), **барахóльщик** – 'скупщик' (Воткинский район, село Камское, 2000-07-06..2000-07-13, село Перевозное, 2001-07-09..2001-07-22; Кезский район, поселок Кез, 2005-07-28..2005-08-15; Красногорский район, село Красногорское, 1999-06; Шарканский район село Шаркан, 2001-07-09..2001-07-22), 'торговец вразнос мелким товаром' (Юкаменский район, село Ежево, 2007-07-02), **ота́рщик** – 'тот, кто пасет овец и коз', **бара́нщик** – 'тот, кто пасет овец и коз', **све́кольщик** – 'огородник, который разводит свеклу' (Якшур-Бодьинский район, село Чур, 2003).

Стоит также отметить, что среди рассматриваемой группы субстантивов можно выделить существительные с суффиксом *-льщик*: **выпива́льщик** – 'пьяница' (Юкаменский район, село Юкаменское, 2007-07-02..2007-07-13; Игринский район, село Лонки-Ворцы, 1997-07-09.. 1997-08-10), **подгреба́льщик** – 'человек, сгребающий сено, солому', **сгреба́льщик** – 'человек, сгребающий сено, солому', **загреба́льщик** – 'человек, сгребающий сено, солому', **сея́льщик** – 'сеяльщик', **коси́льщик** – 'косец', **молоти́льщик** – 'молотильщик', **тереби́льщик** – 'человек, который вручную выдергивает, тербит лен, коноплю', **подава́льщик** – 'работник, который подает снопы в молотилку', **обмыва́льщик** – 'тот (та), кто обмывает покойника' (Вавожский район, поселок Вавож, 1998-12; Кезский район, поселок Кез, 2007-09-16..2007-09-17; Киясовский район, село Первомайский, 2007-08-21..2007-08-25; Красногорский район, село Красногорское, 2001-07-09..2001-07-22; Сарапульский район, село Кигбаево, 2006-06-16..2006-06-26 2008-07; Сюмсинский район, село Сюмси, 2009-07-03..2009-07-12; Якшур-Бодьинский район, село Якшур-Бодья, 2007-06-23..2007-06-26), **омыва́льщик** – 'тот (та), кто обмывает покойника' (Красногорский район, село Красногорское, 2001-07-09..2001-07-22; Сюмсинский район, поселок Кильмезь, 2007-07), **чита́льщик** – 'тот (та), кто читает молитву покойнику' (Киясовский район, село Первомайский, 2007-08-21..2007-08-25), **копа́льщики** – 'люди, которые роют могилу', **греба́льщик** – 'тот, кто окучивает овощи', **огребáльщик** – 'тот, кто окучивает овощи' (Завьяловский район, село Завьялово, 1999), **оку́чивальщик** – 'тот, кто окучивает овощи' (Сюмсинский район, поселок Кильмезь, 2001), **валя́льщик** – 'человек, изготавливающий валенки' (Завьяловский район, село Гольяны, 1998).

Производящие глаголы представлены и в литературном языке, однако литературный язык, будучи языком нормированным, накладывает соответствующие ограничения на образование существительных от данных основ. В говорах же наблюдается более высокая деривационная активность.

Диалектный материал свидетельствует о том, что наиболее продуктивным является образование существительных от глагольных основ на *-и*, а также от основ на *-а/-я*. Словообразовательная модель с суффиксом *-щик-* является более активной при наименовании лица, что подтверждает большое число дериватов, образованных с его помощью. Что же касается суффикса *-тель-*, то данные говоров подтверждают, что он переходит из разряда книжных в категорию стилистически нейтральных.

Примечания

1. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М.: Учпедгиз, 1949. С. 15.
2. Лингвогеографическая система «Диалект». URL: <http://www.lgis2.office.hlcompany.ru> / Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова, Удмуртский государственный университет, 2005–2014.
3. Бернштейн С. Б. К истории славянского суффикса *-тель* // Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 38–45; Виноградов В. В. Из истории лексики русского литературного языка // Русская речь. Л., 1927.
4. Железнова Р. В. Из истории личных имен существительных в русском литературном языке (XI–XX). Душанбе, 1988. С. 94–96.
5. Обнорский С. П. К истории словообразования русского литературного языка // Русская речь. Л., 1927. С. 88–89; Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974. С. 134; Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 87.
6. Николаев Г. А. Историко-сопоставительное изучение славянского словообразования // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: материалы регион. конф. Чебоксары, 2000. С. 8–18. URL: http://old.kpfu.ru/f10/publications/2000/nikolaev/slav_slov.pdf (дата обращения: 15.07.2014).
7. Марков В. М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 92.
8. Попова Т. Н. О субстантивах со значением *nomina agentis* в русских говорах // II Международные Бодуновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): труды и материалы: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 98.
9. Николаев Г. А. Указ. соч.

Notes

1. Avanesov R. I. Ocherki russkoj dialektologii [Essays on Russian dialectology]. M. Uchpedgiz. 1949. P. 15.
2. Lingvogeograficheskaya sistema «Dialekt» – Linguistic and geographical system "Dialect". Available at: <http://www.lgis2.office.hlcompany.ru> / Izhevsk State Technical University n.a. Mikhail Kalashnikov, Udmurt State University, 2005-2014.
3. Bernstein S. B. K istorii slavyanskogo suffiksa *-tel'* [To the history of the Slavic suffix *-tel'*] // Russkoe i slavyanskoe yazykoznanie – Russian and Slavic linguistics. M. 1972. Pp. 38-45; Vinogradov V. V. Iz istorii leksiki russkogo literaturnogo yazyka [From the history of the vocabulary of Russian literary language] // Russkaya rech' – Russian speech. L. 1927.
4. Zheleznova R. V. Iz istorii lichnyh imen sushchestvitel'nyh v russkom literaturnom yazyke (XI–XX) [From the history of personal nouns in Russian literary language (XI–XX)]. Dushanbe. 1988. Pp. 94-96.
5. Obnorsky S. P. K istorii slovoobrazovaniya russkogo literaturnogo yazyka [To the history of word formation of Russian literary language] // Russkaya rech' – Russian speech. L. 1927. Pp. 88-89; G. A. Haburgaev Staroslavjanskij yazyk [The old Slavonic language]. M. 1974. P. 134; Shakhmatov A. A. Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Essay on the modern Russian literary language]. M. 1941. P.87.
6. Nikolaev G. A. Istoriko-sopostavitel'noe izuchenie slavyanskogo slovoobrazovaniya [Historical-comparative study of Slavic derivation] // CHteniya, posvyashchennye Dnyam slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury: materialy region. konf. – Readings devoted to the Days of Slavic writing and culture: materials of the region. conf. Cheboksary. 2000. Pp. 8-18. Available at: http://old.kpfu.ru/f10/publications/2000/nikolaev/slav_slov.pdf (accessed 15.07.2014).
7. Markov V. M. Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. Kazan. 2001. P. 92.
8. Popova T. N. O substantivah so znacheniem nomina agentis v russkih govoraх [About substantives with the meaning *nomina agentis* in the Russian dialects] // II Mezhdunarodnye Boduehnovskie chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: tradicii i sovremennost' (Kazan', 11–13 dekabrya 2003 g.): trudy i materialy: v 2 t. T. 1 / pod obshch. red. K. R. Galiullina, G. A. Nikolaeva – II International Bodunovsky readings: Kazan linguistic school: tradition and modernity (Kazan, 11-13 December 2003): studies and materials: in 2 vols. Vol. 1 / under the general editorship of K. R. Galiullina, G. A. Nikolaeva. Kazan: publishing house of Kazan University. 2003. P. 98.
9. Nikolaev G. A. Op. cit.

Экзистенциальная антропология в драмах А. П. Чехова и Леонида Андреева

В статье обсуждается экзистенциальная антропология Чехова и Андреева, проявленная в единстве художественных образов и философских идей, исследуется отчуждение личности в условиях неподлинного бытия, двойственность человеческого измерения и неизбежность экзистенциального выбора в поисках путей к преодолению объективации. Трагизм земного существования рассматривается драматургами как разрушение цельности личности. Трагедия – в разрыве между двумя планами бытия, между феноменальным и ноуменальным мирами, к которым причастна человеческая личность. Статья содержит анализ системы символических мотивов как воплощения авторской концепции подлинного существования. Прорывом к истинному бытию становится надежда на преображение, не только личное, но и бытийное. Напряжённая работа духа в условиях «болезни бытия» (Бердяев) связана у чеховских и андреевских героев с ситуацией экзистенциального выбора, приводящего к неоднозначным результатам.

The article deals with the ethical and philosophical position of the writer in dramas of Chekhov and Andreyev. The aspects of the existential anthropology are investigated in this work: the depth of alienation in the situation of untrue existence, the double-natured human personality and necessity of the existential decision to overcome the barriers of the objectivization. The tragedy of the human being is concluded in breaking of the person's wholeness, in the barrier between phenomenal and noumenal existence. The analysis of the symbolic motifs as the embodiment of authors' concept of true being is suggested in this paper. The hard working of pneuma in the conditions of "sick existence" (N. Berdyaev) is connected with the situation of existential choice, the results of which are ambiguous.

Ключевые слова: Чехов, Андреев, отчуждение, двуприродность человека, экзистенциальный выбор, символические мотивы.

Keywords: Chekhov, Andreyev, alienation, double nature of the human being, existential choice, symbolic motifs.

Леонид Андреев постоянно размышлял над театральным опытом Чехова. Особенно плодотворным было обращение к Чехову в 1910-е гг., в период осмысления «новой драмы» и создания теории театра «панпсихэ». В «Письмах о театре» Л. Андреева (1912–1913) чеховская нота становится лейтмотивной.

Настоящая статья преследует цель рассмотреть экзистенциальные параллели пьес Андреева и Чехова как выражение особой остроты постановки смысложизненных вопросов, особого жизненного драматизма, который трактован авторами не только как принадлежность исторического времени и эпохи, но как вечная проблема трагизма человеческого существования.

Чехова и Андреева сближают в области драматургии поиски решения проблемы человека в его целостной неповторимой ипостаси, чем обусловлена возможность говорить об особой экзистенциальной антропологии авторов, под которой понимается единство художественных образов и философских идей.

Чеховский канон новаторской структуры драмы точнее и последовательнее всего описан А. П. Скафтымовым в работах «Драмы Чехова» (1927) и «К вопросу о построении пьес Чехова» (1948): «Будни жизни с их пёстрыми, обычными и внешне-спокойными формами в пьесах Чехова выступили как главная сфера скрытых и наиболее распространенных конфликтно-драматических состояний» [1].

На экзистенциальном аспекте жизненного драматизма, переданного в прозе и драмах Чехова, сосредоточил внимание и Лев Шестов. И. Бунин и Г. Адамович считали философское эссе Шестова «Творчество из ничего» (1905), вошедшее в сборник статей «Начала и концы» (1908) [2], лучшим из всего, что написано о Чехове. В этой работе предстаёт «шестовизированный» Чехов, философствующий на манер древних пророков – биением головой о стену. Современный исследователь замечает, что «Шестов его описал как экзистенциального предтечу собственной философии», как художника, восстающего против любых мировоззрений и систем, то есть как истинного экзистенциалиста. Чехову свойственна «уравновешенность как честная и чистая художественность, не порывающаяся, как он не раз объяснял в письмах, разрешать вопросы и учить, но

сама тяготеющая при этом, как заметил Шестов, к неразрешимым, по существу, вопросам (сам Шестов-мыслитель к ним тяготел)» [3].

К подобным же вопросам тяготел и Леонид Андреев в пьесах 1910-х гг. Панпсихический театр Леонида Андреева ориентирован не на масштабные мистериальные конфликты, а на столкновения в рамках одной семьи, на воплощение каждодневного существования, обычного бытового поведения, как это было практически во всех пьесах Чехова. Таковы драмы Андреева «Анфиса» (1909), «Екатерина Ивановна», «Профессор Сторицын» (1912).

Сюжетные параллели чеховских «Трёх сестёр» и драмы «Анфиса» Л. Андреева замечены критикой начала XX в. И. Анненский писал: «"Три сестры" Чехова были в свое время таким открытием для сцены, что нет ничего мудрёного, если и, помимо сходства в основном рисунке, новая пьеса Леонида Андреева не могла уйти от обаяния драмы трёх чеховских сестёр. И точно: перед нами та же бестолковщина праздной жизни, те же ораторы и те же остряки. Так же, когда автор боится за свои ресурсы, за сценой начинает играть музыка, а на сцене и к стати и некстати, но так же охотно – жуют, язвят и балаганят» [4].

Для андреевских панпсихических драм характерна каноническая чеховская «бессобытийность». Жизнь, изображенная драматургами, оставляет чувство тягостного недоумения, она постоянно «обманывает» ожидания, каждодневно и незаметно «сорится» (Скафтымов), обнаруживая все признаки «неподлинного существования». «Вы говорите: прекрасна жизнь, – говорит Ирина барону Тузенбаху («Три сестры»). – Да, но если она только кажется такой! У нас, трёх сестёр, жизнь не была ещё прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава...» [5].

На первый план у Чехова и Андреева выдвигаются тоска, скука, грубость и неблагородство русской жизни – мотивы, лишённые социальной детерминации, вырастающие до утверждения экзистенциальной неискоренимости страдания. Астров безнадежно констатирует: «...Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна...» [6]. Андреевский Сторицын на вопрос профессора Телемахова, не случилось ли с ним чего-то дурного, отвечает: «Дурного? Оно случается каждый день, и ты сам его знаешь не хуже меня. Сам ли я становлюсь зол и нетерпелив, но меня поражает ужасающее неблагородство русской нашей жизни. Столько грубости и хамства...» [7]

Воплощение экзистенциального трагизма бытия – вот основа параллелей между драмами Андреева и Чехова. Скафтымов очень точно обозначил именно экзистенциальную проблематику чеховских драм, не употребляя пока еще самого термина. Примечательно, что мотивный, тематический и проблемный анализ пьес Чехова, данный Скафтымовым, обнаруживает несомненные переключки с шестовскими характеристиками. Само отсутствие ссылок на Шестова в работах Скафтымова о Чехове может служить косвенным свидетельством в целом положительного восприятия шестовских оценок. Ибо несогласие с позицией Шестова в интерпретации, скажем, «Записок из подполья» Достоевского выражено исследователем открыто и полемически остро [8]. Этот факт позволяет нам предположить, что все работы Шестова были Скафтымову хорошо известны.

Тема отчуждения пронизывает все зрелые пьесы Чехова и практически весь театр Леонида Андреева. «Развёртываются картины бытового общения, <...> а под этим слоем непрерывное ощущение внутренней трагедии, какую носит в себе каждый персонаж», – писал о чеховских пьесах А. П. Скафтымов, отмечая в них «диссонансную напряжённую тональность глухой сдвленной тоски» [9].

В терминах экзистенциальной философии это вопрос о том, насколько изображаемая автором жизнь подлинна, «аутентична». И Чехов, и Андреев склонны видеть жизнь своих героев объективированной, отмеченной признаками тотального отчуждения. Эту тему по-своему реализуют оба художника. Чувство неподлинности жизни приводит героев к отчаянию, бессилию, разладу внутри себя самих. Это чувство знакомо каждой из трёх сестер, но особенно ярко его несут в себе Маша и Ирина.

Ирина: (Нервно.) О, ужасно, ужасно, ужасно! (Плачет.) Я не могу, не могу переносить больше!.. Не могу, не могу!.. <...> (Громко рыдает.) <...> Куда? Куда все ушло? Где оно? О, боже мой, боже мой! Я всё забыла, забыла... у меня перепуталось в голове... Я не помню, как по-итальянски окно или вот потолок... Всё забываю, каждый день забываю, а жизнь уходит и никогда не вернётся, никогда, никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не уедем...<...> Мне уже двадцать четвертый год, работаю уже давно, и мозг высох, похудела, подурнела, постарела, и ничего, ничего, никакого удовлетворения, а время идёт, и все кажется, что уходишь от настоящей прекрасной жизни, уходишь всё дальше и дальше, в какую-то пропасть. Я в отчаянии, я в отчаянии! И как я жива, как не убила себя до сих пор, не понимаю... [10].

Сёстры Прозоровы фиксируют разрушение связей даже внутри собственной семьи. Впрямую это касается судьбы их брата Андрея. Сначала в нем видят талантливую человека, на него

возлагают честолюбивые надежды, да и сам переезд в Москву для сестёр, казалось бы, зависит от его карьеры. Но женитьба (событие, происходящее за сценой) меняет и настроение, и жизненные планы Андрея. Он постепенно привыкает довольствоваться малым и жалким (служит в земской управе вместо профессорской карьеры, начинает играть в карты и закладывать имущество семьи), а главное, сам с горечью осознает, что жизнь идет «не так»: «Милый дед, как странно меняется, как обманывает жизнь! Сегодня от скуки, от нечего делать, я взял в руки вот эту книгу – старые университетские лекции, и мне стало смешно... <...> Мне быть членом здешней земской управы, мне, которому снится каждую ночь, что я профессор московского университета, знаменитый учёный, которым гордится русская земля!» [11].

Утрата истинного себя, тоска о несбывшихся ожиданиях, неосуществлённых возможностях – источник мучительных переживаний доктора Астрова, Ивана Петровича Войницкого («Дядя Ваня»). Чувство необъяснимой, неоправданной тоски владеет андреевским адвокатом Фёдором Костомаровым («Анфиса»): «Откуда моя тоска? Я как будто счастлив, я сам делаю свою жизнь – но откуда эта жестокая, неотступная тоска?» [12]

И Чехов, и Андреев изображают человека как существо двуприродное, принадлежащее одновременно и здешнему, «феноменальному» миру (наличному бытию, «миру наружному» у Андреева), и миру «иному», сверхприродному. Метафизика нравственной природы человека, связывающая его с нездешним, ноуменальным миром, не прощает скатывания в обывательское бездуховное существование. Человек платит раздвоением, ощущением неподлинности бытия, одиночеством, тоской и страхом. Андрей Прозоров («Три сестры») в таком состоянии собственную рефлексию доверяет только глуховатому сторожу Ферапонту: «Если бы ты слышал как следует, то я, быть может, и не говорил бы с тобой. Мне нужно говорить с кем-нибудь, а жена меня не понимает, сестёр я боюсь почему-то, боюсь, что они засмеют меня, застыдят... Я не пью, трактиров не люблю, но с каким удовольствием я посидел бы теперь в Москве у Тестова или в Большом Московском, голубчик мой. <...> Сидишь в Москве, в громадной зале ресторана, никого не знаешь и тебя никто не знает, и в то же время не чувствуешь себя чужим. А здесь ты всех знаешь и тебя все знают, но чужой, чужой... Чужой и одинокий...» [13].

Внутрисемейные конфликты в «Анфисе», «Екатерине Ивановне», «Профессоре Сторицыне» Андреева обнажают это раздробление, расщепление личности в мире, отпавшем от божественного совершенства и цельности. Состояние экзистенциального отчуждения переживают глубоко униженные женщины (Анфиса, Екатерина Ивановна из одноимённых пьес). Каждый персонаж «теряет себя», ощущает себя иным, чем ему быть предназначено. «...Зло есть прежде всего потеря цельности, отрыв от духовного центра и образование автономных частей, которые начинают вести самостоятельное существование», – комментирует этот процесс Н. Бердяев [14].

Трагизм земного существования рассматривается драматургами как разрушение цельности личности. Как пронизательно замечает современный историк философии, «Бердяев (и ряд других русских философов) рассматривает трагедию и трагическое переживание как знак существования “другого” мира. Острое переживание расколотости мира, а не просто несовершенства, его несправедности, ощущение того, что всё происходящее не должно быть таким, каково оно есть, что наше добро не оправдывает своего названия, что оно не соответствует некоей высшей правде и т. п., все это говорит о том, что трагедия, по слову Бердяева, выводит нас “по ту сторону” нашего мира с его различием добра и зла» [15]. Трагедия, таким образом, – в разрыве между двумя планами бытия, между двумя разными мирами, к которым причастна человеческая личность.

Ключевым концептом обрисовки объективированного бытия становится у Андреева система сквозных мотивов – лжи и молчания. Любовь Костомарова к Анфисе и ее ответное чувство обрисованы как больная выморочная страсть, которая сопровождается надрывом, тоской, ложью. Сначала это попытки Фёдора Ивановича сломить сопротивление сильной, честной, справедливой, но несчастливой, одинокой женщины. Потом – бесконечное унижение её, подозрения и упреки во лжи. В 4-м действии этот мотив мистически заострён, гипертрофирован, символизирован в эпизоде объяснения Анфисы и Фёдора Ивановича, когда герои обмениваются репликами: «Кто ты, Анфиса?» – «Кто вы, Фёдор Иванович?» Они признаются, что абсолютно не знают друг друга, прозревают какие-то глубинные тайные смыслы в словах и поступках, которые только кажутся простыми и понятными...

В сочетании с молчанием Анфисы игра с перевёрнутыми понятиями правды и лжи приводит к финальной трагедии – убийству, совершенному сознательно и расчетливо.

Анфиса. Вчера ведь я кричала, да? Этот крик я слышу, он стоит в моих ушах. Но это кричал кто-то другой, а я – молчала [16].

Кричала – оскорблённая и униженная, живая Анфиса, которую «можно понять и пожалеть». А молчит – «сверх-Анфиса» (И. Анненский), мистическое существо, наделённое сверхволей и властью карать.

Анфиса «замолчала» после невыносимого унижения в момент, когда она умоляла Костомарова о внимании, участии, и с тех пор она, как та змея, о которой рассказывал Фёдор Иванович, живет «с перебитым хребтом».

Екатерина Ивановна из одноимённой пьесы Андреева «сломалась» после несправедливого обвинения в измене и выстрелов мужа, которые не достигли цели физически, но оскорбили в ней «женственное» и «человеческое», после чего она окончательно потеряла способность нравственной ориентации в чуждом, алогичном наружном мире. Художник Павел Коромыслов, друг семьи Стибелёвых, говорит о героине: «В Катерине Ивановне слишком много этого – как бы тебе выразиться, чтобы не соврать? – женского, женственного, ихнего, одним словом. Пойми её, чего ей надо? <...> Она и мне лжёт, хотя бы, кажется, и незачем. И мы с вами, Георгий Дмитриевич, думаем, что это ложь, а это значит только то, что она просто не верит в логику, как ты не веришь в домового, не верит в твой мир наружный, не верит в твои факты, потому что имеет свой собственный мир. Пойми её, если хочешь!» [17].

Иными словами, Андреев делает свою героиню причастной некоей тайне, которую она постигает интуитивно и не может рационализировать, а значит, передать другому в виде знания. Екатерина Ивановна выделена из всего окружения, как человек, грезящий об этой тайне, пришедший в мир, чтобы её постичь. «Вся значительность, смысл и ценность жизни определяются скрытой за ней тайной, бесконечностью, не подлежащей рационализации, о которой возможен лишь символ и миф» [18].

В комментариях к пьесе «Три сестры» Чехова находим ссылку на авторские черновые записи, содержащие «несколько заметок, существенно важных для понимания общей идейной направленности будущей пьесы, например: “Чтобы жить, надо иметь прицепку... В провинции работает только тело, но не дух”; “до тех пор человек будет сбиваться с направления, искать цель, быть недовольным, пока наконец не отыщет своего бога...” и т. д.» [19]

Упоминание о двойственности человеческого измерения (тело – дух), о неизбежном для русского человека экзистенциальном выборе, органической частью которого является потребность восхождения, преобразования в соответствии с идеалом позднее перейдет в реплику Маши Прозоровой:

Маша. Мне кажется, человек *должен быть верующим или должен искать веры* (выделено нами. – Н. Б.), иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети рождаются, для чего звёзды на небе... Или знать, для чего живёшь, или же все пустяки, трин-трава... [20].

Преодоление отчуждения, одиночества и томительной скуки каждодневного бытия связано с мечтой о перемене всего содержания жизни: «Всем им (персонажам чеховских драм. – Н. Б.) хочется совсем перевернуть, отбросить настоящее и выйти к каким-то новым и светлым просторам» [21].

Скафтымов обозначает здесь основную экзистенциальную тему Чехова: «Дальнейшее движение пьес состоит в перемежающемся мерцании иллюзорных надежд на счастье и в процессах крушения и разоблачения этих иллюзий» [22]. Эти наблюдения учёного перекликаются с характеристикой чеховского мира, данной Львом Шестовым: «Все чего-то ищут, к чему-то стремятся, но все делают не то, что нужно. Все живут врозь, каждый целиком поглощён своею жизнью и равнодушен к жизни других. И странная судьба чеховских героев: они напрягают до последней степени возможности свои внутренние силы, но внешних результатов не получают никаких» [23].

Чеховские герои рвутся куда-то ввысь, за пределы «наличного» существования, как и профессор Сторицын в одноимённой драме Л. Андреева. Даже Фёдору Костомарову («Анфиса») свойственна «тоска по трансцендентному» (Бердяев): «Когда всю эту дневную суету, наши нудные разговоры, дребезжанье извозчичьих колес, шарканье по полу сапог – прорезает аккорд или отрывок мелодии, даже взятый неумелыми детскими руками, он сразу и решительно отрывает меня от земли. Как бы тебе это сказать? Как будто *все остальное, и я сам, и вся моя жизнь – только нарочно, а правда и вечность, и я настоящий – здесь, в звуках*» [24] (выделено нами. – Н. Б.).

Но неподлинное бытие может быть только источником бесконечных страданий. Поэтому Заречная в «Чайке» в конце концов освобождается от иллюзорных надежд на успех и актёрскую славу. Ольга, Маша и Ирина постепенно, от действия к действию, «гаснут», теряют надежду на возвращение в Москву, примираются с тем существованием, которое можно назвать «кошмарным висением между жизнью и смертью» (Л. Шестов), и с тоской повторяют утешительные слова о будущей чистой, честной трудовой жизни, которая приведет к подлинному духовному возро-

дению через 200–300 лет. Духовное состояние трагического стоицизма формулируют и защищают Нина Заречная («надо терпеть и верить»), Соня в финале «Дяди Вани».

Шестов считает, что в драме «Чайка», наиболее характерном для Чехова произведении, «с наибольшей полнотой получило своё выражение истинное отношение художника к жизни. Здесь все действующие лица либо слепые, боящиеся сдвинуться с места, чтоб не потерять дорогу домой, либо полусумасшедшие, рвущиеся и мятущиеся неизвестно куда и зачем. <...> ...Все однообразны до одурения и все боятся нарушить это одуряющее однообразие... <...> Их дело им явно не нужно, но они, точно загипнотизированные, не могут вырваться из власти чуждой им силы. Однообразный, ровный, унылый ритм жизни усыпил их сознание и волю. Чехов повсюду подчеркивает эту странную и загадочную черту человеческой жизни...» [25].

Для этой «чуждой силы» Андреев пытается найти адекватную художественную форму. Поэтому люди в его пьесах предельно символизируются, выступают как бы в двух ипостасях: Анфиса, брошенная, обманутая, разуверившаяся, и «сверх-Анфиса» (И. Анненский) как гений возмездия, как воплощение Рока, Судьбы в тот момент, когда она дает Костомарову рюмку с отравленным ликером. Фёдор Иванович, возмутитель спокойствия в каждодневной жизни адвокатского сообщества, скандалист в профессиональной сфере и пошляк в сфере интимной, одновременно проецирует себя в такие предполагаемые обстоятельства, где сможет играть роль «сверхчеловека» и торжествовать над другими, мечтая «взять в руки человеческий слух, взять в руки его строптивую душу, его пугливую и недоверчивую совесть, взять его чувство красоты, великое чувство, которое одно является источником всех религий, всех революций и переворотов – и над всем этим утвердить своё я, свою волю и царственную мысль» [26].

Система символических мотивов предложена художниками в пьесах для реализации авторской концепции истинного бытия. В «Екатерине Ивановне» это мотив танца. Недаром Екатерина Ивановна раз за разом безуспешно пытается выразить себя в странных движениях. Она беспомощно взмахивает руками, как крыльями. Бессильно падающие руки передают какие-то непостижимые изломы её души. Именно в этом контексте следует понимать авторский комментарий к образу: «...самое начало драмы заключается именно <...> в том, что она пришла танцевать в ту жизнь, в которой никто не танцует, зато все толкаются и действуют локтями» [27].

Со стороны танец Екатерины Ивановны производит впечатление неуклюжего и беспомощного, но именно потому, что судят о нем люди, отягощённые «феноменальными, неморальными соображениями» [28]. Они не способны понять героиню и не имеют права её судить.

Символы у Чехова (чайка, Москва в «Трёх сестрах», вишневый сад в одноимённой пьесе) и Андреева (танец Екатерины Ивановны, песня без слов в «Анфисе»), «не являясь “объективным” знанием, всё же говорят о чём-то реальном, и не просто реальном, но о наиболее существенном, о главном. О рае и его потере, о цельности, полноте и гармонии, когда-то нарушенных и постоянно нарушаемых и потому чаемых, возможных...» [29]. Прорывом к истинному бытию становится надежда на преображение, не только личное, но и бытийное. Напряжённая работа духа в условиях «болезни бытия» (Бердяев) связана у чеховских и андреевских героев с ситуацией экзистенциального выбора, диктующего два варианта поведения: либо попытку преодоления этой «болезни» (в разных неповторимых формах у Чехова и Андреева – в финалах пьес «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Профессор Сторицын»), либо подчинение ей – ценой утраты «вертикали», отказа от нумерального измерения личности. Неизбежным следствием становится тогда состояние непреодолимой тяжести, тоски и ужаса (в «Анфисе») или такое расщепление сознания и такая деформация психики, которые равносильны духовной смерти, что и происходит с Екатериной Ивановной из одноимённой пьесы Андреева.

Таким образом, и Чехов, и Андреев воспринимают жизнь как «мучительно острую загадку бытия» (И. Анненский). И в решении этой экзистенциальной загадки прибегают к своеобразным приёмам художественной условности. В одном из писем к Д. И. Немировичу-Данченко Андреев упоминает о свойственной Чехову «беспокойной и тонкой символизации, которой бессознательно служил он, в которой всё очарование его прозрачного и нежного письма». А о себе, как о продолжателе Чехова, замечает: «Правда, я груб, резок, иногда просто криклив, как озябшая ворона; и у меня нет джентльменства языка и скорбной нежности чувства – и часто я сажаю читателя на кол, вместо того, чтобы тонким шприцем незаметно впрыснуть ему яду – и одним словом, это крупные недостатки, от которых никогда, должно быть, мне не отделаться. Но поскольку в реальном я ищу ирреального, поскольку я ненавистник голого символа и голой, бесстыжей действительности – я продолжатель Чехова и естественный союзник Художественного театра» [30].

Примечания

1. Скафтымов А. П. Собр. соч.: в 3 т. Самара: Изд-во «Век #21», 2008. Т. 3. С. 457–458.
2. Шестов Л. Творчество из ничего // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – нач. XX в.: антология / сост., предисл., общ. ред. И. Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002. С. 566–598.
3. Бочаров С. Г. Чехов и философия // Вестник истории, литературы, искусства. Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2005. С. 151–152.
4. Иннокентий Анненский. Театр Леонида Андреева. Серия «Литературные памятники» Иннокентий Ф. Анненский «Книги отражений», М.: Наука, 1979. URL: <http://annenskiy.lit-info.ru/annenskiy/articles/annenskij/teatr-leonida-andreeva.htm> (дата обращения 27.10.2014).
5. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1988; *Он же*. Сочинения: в 18 т. Т. 13. М., 1978. С. 136.
6. Там же. С. 63.
7. Андреев Л. Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1990–1996. С. 479.
8. Скафтымов А. П. Указ. соч. С. 286–311.
9. Там же. С. 333.
10. Чехов А. П. Указ. соч. С. 167.
11. Там же. С. 142.
12. Андреев Л. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 536.
13. Чехов А. П. Указ. соч. С. 142.
14. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж. YMCA-PRESS, 1952. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn005.htm> (дата обращения 07.10.2014).
15. Кузьмина Т. А. Экзистенциальная философия. М.: Канон+, 2014. С. 136–137.
16. Андреев Л. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 530.
17. Андреев Л. Н. Указ. соч. Т. 4. С. 458–459.
18. Цит по: Кузьмина Т. А. Экзистенциальная философия. М.: Канон+, 2014. С. 157.
19. Чехов А. П. Указ. соч. С. 446.
20. Там же. С. 148.
21. Скафтымов А. П. Указ. соч. С. 473.
22. Там же. С. 476.
23. Шестов Л. Указ. соч. С. 596.
24. Андреев Л. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 522.
25. Шестов Л. Указ. соч. С. 594.
26. Андреев Л. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 523–524.
27. Письма Л. Н. Андреева к Вл. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому // Вопросы театра: 1966. М.: ВТО, 1966. С. 275–301, 286–287.
28. Кузьмина Т. А. Указ. соч. С. 156.
29. Там же. С. 157.
30. Неизданные письма Леонида Андреева. (К творческой истории пьес периода первой русской революции). Публикация В. И. Беззубова // Учёные записки Тартуского ун-та. 1962. Вып. 119. С. 386–387.

Notes

1. Skaftymov A. P. *Sobr. soch.: v 3 t.* [Coll. works: in 3 vol.] Samara. Publishing house "Vek #21". 2008. Vol. 3. Pp. 457-458.
2. Shestov L. *Tvorchestvo iz nichego* [Art from nothing] // A. P. Chekhov: pro et contra. *Tvorchestvo A. P. Chekhova v russkoj mysli konca XIX – nach. XX v.: antologiya / sost., predisl., obshch. red. I. N. Suhikh – A. P. Chekhov: pro et contra. The A. P. Chekhov's creativity in the Russian thought of the late XIX – early XX century: the anthology / comp., pref., general editorship of I. N. Sukhikh.* SPb. RCSI. 2002. Pp. 566-598.
3. Bocharov S. G. *Chekhov i filosofiya* [Chekhov and philosophy] // *Vestnik istorii, literatury, iskusstva. Otd-nie ist.-filol. nauk RAN – Herald of history, literature, art. Dept. of hist.-filol. sciences of Russian Academy of Sciences.* M. Sobranie; Nauka. 2005. Pp. 151-152.
4. Innokentij Annenskij. *Teatr Leonida Andreeva. Seriya «Literaturnye pamyatniki» Innokentij F. Annenskij «Knigi otrazhenij» – Innokenty Annensky. Theater Of Leonid Andreev. A series of "Literary monuments" Innokenty F. Annensky "Book of reflections".* M. Nauka. 1979. Available at: <http://annenskiy.lit-info.ru/annenskiy/articles/annenskij/teatr-leonida-andreeva.htm> (accessed 27.10.2014).
5. A. Chekhov *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* [Full Coll. of works and letters: in 30 vol.] M. Nauka. 1974-1988. Also him. *Sochineniya: v 18 t. T. 13* [Works: in 18 vol. Vol. 13]. M. 1978. P.136.
6. *Ibid.* P. 63.
7. Andreev L. N. *Sobr. soch.: v 6 t. T. 4* [Coll. works: in 6 vol. Vol. 4.] M. Khudozh. lit. 1990-1996. P. 479.
8. Skaftymov A. P. *Op.cit.* Pp. 286-311.
9. *Ibid.* P. 333.
10. Chekhov A. P. *Op.cit.* P. 167.
11. *Ibid.* P. 142
12. Andreev L. N. *Op.cit.* Vol. 3. P. 536.
13. Chekhov A. P. *Op.cit.* P.142.

14. Berdyaev N. A. EHKzistencial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo [Existential dialectics of the divine and human]. Paris. YMCA-PRESS, 1952. Available at: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn005.htm> (accessed on 07.10.2014).
15. Kuzmina T. A. EHKzistencial'naya filosofiya [Existential philosophy]. M. Kanon+. 2014. Pp. 136-137.
16. Andreev L. N. Op.cit. Vol. 3. P. 530.
17. Andreev L. N. Op.cit. Vol. 4. Pp. 458-459.
18. Cited from: Kuzmina T. A. EHKzistencial'naya filosofiya [Existential philosophy]. M. Kanon+. 2014. P. 157.
19. Chekhov A. P. Op.cit. P. 446.
20. Ibid. S. 148.
21. Skaftymov A. P. Op.cit. P. 473.
22. Ibid. P. 476.
23. Shestov L. Op.cit. P. 596.
24. Andreev L. N. Op.cit. Vol. 3. P. 522.
25. Shestov L. Op.cit. P. 594.
26. Andreev L. N. Op.cit. Vol. 3. Pp. 523-524.
27. Pis'ma L. N. Andreeva k Vl. I. Nemirovichu-Danchenko i K. S. Stanislavskomu – Letters of L. N. Andreev to VL. I. Nemirovich-Danchenko and K. S. Stanislavsky // Voprosy teatra: 1966 – Questions of theatre. 1966. M. WTO. 1966. Pp. 275-301, 286-287.
28. Kuzmina T. A. Op.cit. P. 156.
29. Ibid. P. 157.
30. Neizdannye pis'ma Leonida Andreeva. (K tvorcheskoy istorii p'es perioda pervoj russkoj revolyucii). Publikaciya V. I. Bezzubova – Unpublished letters by Leonid Andreyev. (To the creative history of plays of the first period of the Russian revolution). The publication of V. I. Bezzubov // Scientific notes of Tartu University. 1962. Is. 119. Pp. 386-387.

УДК 821(4/9)09

Н. Р. Гумерова

Образ гомункулуса в романе П. Акройда «Дом доктора Ди»

Питер Акройд в романе «Дом доктора Ди» (1993) разрабатывает свою версию традиционного фаустовского сюжета, переосмысливая его составляющие и выстраивая собственную концепцию образов главных и второстепенных героев. Статья посвящена анализу сложного, неоднозначного и во многом противоречивого образа гомункулуса в романе. Первое значительное художественное осмысление этого образа было дано И. В. Гёте в трагедии «Фауст». Сравнение гомункулуса Акройда с классическим Гомункулом Гете позволило выяснить, как современный английский писатель переосмыслил традиционную матрицу: его гомункулус, который теперь имеет телесную форму и имя (Мэтью Палмер), в финале произведения самоидентифицируется, разрывая дурную бесконечность. Акройдовская рецепция образа гомункулуса раскрывает механизмы создания произведения фаустианского типа, которое начинает жить по собственным законам.

Peter Ackroyd in the novel "The House of Doctor Dee" (1993) is developing his version of the traditional Faustian story, reinterpreting its components and building his own concept images of the main and secondary characters. This article analyzes the complicated, controversial and largely contradictory figure of homunculus in the novel. The first major art interpretation of this figure was given J.W. Goethe in the tragedy "Faust". Comparison of Ackroyd's homunculus and Goethe's homunculus has allowed find out how the English writer reinterpreted traditional matrix: his homunculus, which has a bodily form and a name (Matthew Palmer) in the finale of the novel self-identified and destroyed the bad infinity. Ackroyd's reception of homunculus discloses the mechanisms of creation of Faustian type novel, which begins to live according to their own principles.

Ключевые слова: гомункулус, Акройд, Гёте, Фауст, фаустианский сюжет.

Keywords: homunculus, Ackroyd, Goethe, Faust, Faustian story.

Питер Акройд в романе «Дом доктора Ди» (1993) разрабатывает свою версию традиционного фаустовского сюжета, переосмысливая его составляющие и выстраивая собственную концепцию образов главных и второстепенных героев.

Проблема причастности «Дома доктора Ди» к мировой фаустиане не исследована в акройдоведении, хотя к анализу романа обращались многие ученые, в частности С. Онега [1], М. Дж. Мартинес [2], В. Струков [3], О. Ахманов [4], И. Липчанская [5]. Это обстоятельство обуславливает научную новизну и актуальность предпринятой нами попытки рассмотреть роман

как фаустианский (термин был предложен Г. Ишимбаевой, которая разграничивает понятия фаустовского и фаустианского романов: под фаустовским понимаются «литературные и культурные явления, непосредственно посвящённые Фаусту, связанные с Фаустом», «те произведения, в которых действует Фауст, не являющийся титульным героем», а под фаустианскими – «литературно-культурные явления, близкие фаустовской теме, но не тождественные ей и выходящие за пределы сюжета об историческом и легендарном докторе Фаусте» [6]).

Настоящая статья посвящена одному частному вопросу, ответ на который, однако, позволяет судить о том, как П. Акرويد пересматривает исходную матрицу, – вопрос этот касается образа гомункулуса. Сложность и неоднозначность этого персонажа привели к тому, что исследователи романа предпочитают не рассматривать его специально в системе романских образов. Пожалуй, единственным исключением является С. Онега, которая в книге «Metafiction and Myth in the Novels of Peter Ackroyd» анализирует гомункулуса в категориях алхимии, что, безусловно, интересно, но не приближает к постижению особенностей акرويدовского варианта сюжета о Фаусте.

Сама идея гомункулуса (от лат. homunculus – человечек), искусственного человека, созданного лабораторным способом, является порождением древних и средних веков: остались полужендарные сведения о его разработке Симоном-магом (II век) и А. де Виллановой (XIII век). Следующий этап освоения человечеством тайного знания связан с эпохой Реформации, когда Парацельс (XVI век) описал создание искусственного человека в своем знаменитом сочинении «О природе вещей» и ввел в лексикон сам термин «гомункулус». С этого времени гомункулус стал необходимой частью алхимии, Великого Деяния, и занял такое же место в теориях и практиках алхимиков, как философский камень и трансмутация металлов.

Первым художественно осмыслил этот образ в своей трагедии «Фауст» Гёте (1831), который с юности был увлечен алхимией и сам ставил алхимические опыты.

Примечательно, что его создателем, согласно Гете, оказывается ученик доктора Фауста Вагнер, в реторте которого процесс начинается только с появления Мефистофеля.

Вагнер составляет смесь из «тысячи веществ», подвергая её различным алхимическим реакциям, и создаёт живое существо:

В стекле стал слышен нежной силы звон,
Светлеет муть, сейчас все завершится.
Я видом человечка восхищен,
Который в этой колбе шевелится [7].

Но произошло это только благодаря Мефистофелю, которого искусственный человек называет кумом и благодарит за столь удачный по времени приход. «Это двойное родство имеет определённый смысл. От Вагнера Гомункул наделён чистотой нрава – ведь он человечек, созданный посредством кристаллизации <...>. Но кое-чем наделил его и Мефистофель – остротой ума и демонизмом» [8].

Гомункул – очень важный персонаж трагедии Гёте. Он обладает большой прозорливостью, может читать и видеть мысли и желания Фауста, помогает Фаусту приблизиться к Елене Прекрасной; будучи сознанием, заключённым в колбу, он мечтает обрести телесную оболочку и жаждет активной действительной жизни. Гомункул «может обозревать <...> стадии метаморфоз природы», «праисторию человечества и мира» [9].

Гётевский Гомункул как символический образ предполагает большое количество самых разных истолкований. В нем видели карикатуру на лжеученых, воплощение средневекового духа Фауста и антитезу Фауста, представителя культуры эпохи Просвещения и аллегория философии Шеллинга и Фихте. Сам Гете, по словам его секретаря И. П. Эккермана, утверждал, что в образе Гомункула он хотел представить чистую «энтелехию, разум, человеческий дух, каким он входит в жизнь до всякого опыта» [10].

С нашей точки зрения, гомункулус Акроида – это тоже «чистая энтелехия», но на свой лад и в контексте иного времени.

В романе «Дом доктора Ди» осуществленность (именно так переводится с греческого языка «энтелехия», термин философии Аристотеля), «душа человека, распоряжающаяся формированием, изменениями и деятельностью его тела» [11], является основополагающей и связана с главными героями, которые ищут цели в замысле творения.

Двухуровневое повествование посвящено поискам истины Мэтью Палмером в конце XX в. и Джоном Ди в елизаветинскую эпоху и строится как два тесно переплетенных рассказа, внутреннюю связь между которыми обеспечивает гомункулус. Уже первая часть первой главы романа насыщена многочисленными намеками на странного искусственного человечка, обитающего в

доме на Клоук-лейн, в котором некогда жил доктор Ди и который унаследовал от своего отца Мэтью Палмер.

На стыке современной и исторической частей первой главы, в которых выступают два нарратора, образ этого существа, обладающего способностью «растивать в воздухе» [12], выполняет связующую роль. Последнее предложение первой части передает зрительное наблюдение современного автора-повествователя Мэтью Палмера: «И вдруг я заметил какое-то движение: это могла быть летучая мышь, но мне на мгновение померещилось, что над Клоук-лейн взмыл в небо тёмный человеческий силуэт» [13]. Первое предложение второй части главы, автором-повествователем в которой выступает Джон Ди, содержит вопрос, прозвучавший в толпе елизаветинской эпохи: «А куда делся летающий человек?» [14]. Примечательно, что Джон Ди тут же раскрывает тайну: это всего лишь мастерски изготовленная кукла, механизм, который призван увеселять зрителей.

Так, уже с самого начала в романа появляются некий искусственный человек, который на равных существует в мире людей, и его подобие, механическая кукла, предназначенное для «зрелища» (название второй части главы).

Алхимик и маг, доктор Ди – человек безусловно фаустианского типа, погруженный в исследование запретного, создатель рецепта изготовления искусственного человека. В этой связи очень важно то, что Акройд подчеркивает его стремление попасть на родину Парацельса: «Было одно место, долженствующее стать главной целью моих странствований, ибо я хотел увидеть селение, где родился величайший мудрец Филипп Авреол Теофраст Бомбаст, известный под именем Парацельс» [15]. И герой Акройда добирается до искомой цели, приходит в дом своего кумира, видит его портрет и читает изречение мудреца: «То, что над нами, совпадает с тем, что под нами, и се есть источник чудес» [16].

Доктор Ди в своих поисках запредельного знания наполнил реальным содержанием формулу об «источнике чудес» и стал последователем автора трактата «О природе вещей». Ему, как и Парацельсу, удалось теоретически разработать и описать последовательность операции по созданию искусственного человека.

Это исходный момент сюжета о гомункулусе в романе Акройда, имеющего явные точки пересечения с трагедией Гете. В роли Вагнера выступает Эдвард Келли, медиум и посредник между доктором Ди и духами, укравший у Джона Ди его алхимический рецепт и претворивший в жизнь его теоретические разработки, ведомый прежде всего жадной золотом. Ученый и одновременно мошенник, оккультист и шарлатан, он, согласно Акройду, несет в себе частицу мефистофельского начала, искушая доктора Ди тайной великого познания с помощью прозрачного как хрусталь камня, в котором «можно было увидеть то, что сокрыто от всех ныне живущих. <...> камень этот – память о древнем граде Лондоне, давно уже стёртом с лица земли» [17].

Вагнеро-мефистофельский Келли создает гомункулуса, однако одухотворил это создание доктор Ди, типологически близкий доктору Фаусту. Герой Акройда следует в своей жизни заветам великих мудрецов Пико делла Мирандола и Гермеса Трисмегиста: «...быть собой – значит быть миром, вглядываться в себя – значит вглядываться в мир, познать себя – значит познать мир» [18]. Истинный ученый, гений эпохи Возрождения, познавший себя и мир, Джон Ди поет хвалу человеку: «Человек могущественнее солнца, ибо он заключает в себе солнце, прекраснее рая, ибо он заключает в себе рай, и тот, кто видит это ясно, богаче любого царя, потому что он постиг все искусства и овладел всей земной мудростью» [19]. Поэтому он, как и Фауст с Гомункулом у Гете, оказывается связан глубокой внутренней связью с гомункулусом, который – и в этом его отличие от гетевского – получил возможность выйти из своей колбы и самореализоваться. Более того, гомункулус, по пророчеству духов, уведет Джона Ди «далеко за пределы сосуда, в котором он обитает» [20].

Доктор Ди формулирует: гомункулус – «это побег природной жизни. У него есть должное время и цель...» [21]. Таинственный постулат раскрывается на современном уровне романа, где в качестве человека, созданного в ходе алхимического опыта, изображен Мэтью Палмер. Все, что он помнит о своем детстве, это «лиловый цвет. Пыль в воздухе, когда луч солнца проник сквозь стекло» [22]. Последняя деталь – маркер восприятия мира созданным в стеклянной колбе искусственным человеком. Таким же маркером служат временные провалы памяти, звуковые и визуальные галлюцинации, а также то, что он часто видит себя со стороны маленьким мальчиком и даже ощущает себя в стеклянной колбе: «Я решил не мешкая принять ванну <...> затем улёгся в воду, как в постель, но вокруг было столько тумана и пара, что мне почудилось, будто я лежу в трубке из матового стекла, а вода омывает мне лицо и тело. Да, это был сон, ибо я протянул руку и коснулся стекла только что сформировавшимися пальцами» [23].

Образ разбитой стеклянной трубки, украденной стеклянной трубки, блестящей на солнце стеклянной трубки лейтмотивно повторяется в современных главах и соотносится с Мэтью, который в доме на Клоук-лейн находит рукопись, озаглавленную «РЕЦЕПТ ДОКТОРА ДИ». Новый хозяин дома знакомится с тем, как должен «возрасти» гомункулус «помимо всяческой утробы» [24], как следует за ним ухаживать, что его ожидает в возрасте 30 лет, когда «он уснет и вернется в свое прежнее бесформенное состояние»: «Тогда один из Посвященных должен принять на себя заботу о нем и вновь поселить его под стекло, дабы сие загадочное и прекрасное существо могло опять возрасти и выйти в мир» [25].

Только после этого Акройд раскрывает тайну происхождения своего героя: он – приемный ребенок, которому мать признается: «Ты не мой сын, Мэтью. Он нашёл тебя. Усыновил. Он говорил, ты какой-то особенный. Уникальный» [26]; которому отец говорит на смертном одре, что он «необыкновенный человек», «Таких, как ты, больше нет» [27]; которому Дэниэл Мур прямо заявляет: «...ты и есть он. Гомункулус» [28]. Эти признания потрясают Мэтью, который пытается с точки зрения обретенного знания о своем происхождении объяснить себе собственную мечту о том, чтобы «укрыться под стеклом, в покое и отчуждении», и причину, по которой его так интересуют «миф о гомункулусе». Это, как он формулирует себе, было «всего-навсего одной из сторон лишенного любви отцовского существования», «этот образ стерильности и ложной невинности не мог родиться ни из какого иного источника» [29].

Однако попытки Мэтью убедить себя в рациональности всего с ним происходящего не убедительны. Он подходит к рубежу своего тридцатилетия и вслед за умирающим от рака приемным отцом, обращаясь к Джону Ди, мог бы повторить: «...я готовлюсь преобразиться и пройти обновление. Это ваша заслуга, мой добрый доктор» [30]. То есть связь Джона Ди с Палмерами неслучайная, обусловленная не столько тем, что их объединяет дом на Клоук-лейн, сколько то, что Палмеры являются порождением алхимических опытов по рецепту доктора Ди, который завершает свой РЕЦЕПТ таким посылом: «Если ты обратишься к нему (гомункулусу. – Н. Г.) со священными словами, он будет весьма мудро пророчествовать о будущем, однако главное его достоинство состоит в том, что при надлежащем уходе и внимании он сможет постоянно возрождаться и сим способом обретет вечную жизнь» [31]. В этом эпизоде ощутим намек на героя иудейской мифологии голема, который был осмыслен Акройдом в романах «Процесс Элизабет Кри» (1995) и «Журнал Виктора Франкенштейна» (2008).

Големический Мэтью Палмер, историк и искатель старины, отличается от традиционного голема, оживляемого каббалистами с помощью тайных знаний, тем, что он, по словам Дэниэла Мура, «сам того не понимая, как бы создаёт себя заново», пытаясь «построить новую семью», «обрести новое наследие», «забывая своё собственное прошлое» [32]. То есть он достигает высшей степени развития, поэтому и помогает своему духовному отцу Джону Ди обрести вечную тайну исчезнувшего града Лондона.

В финале романа сходятся воедино все темы, связанные с гомункулусом из фаустовского сюжета. Мэтью Палмер встречается с искусственным человеком, созданным Келли-Вагнером, но не испытавшим благодетельного одухотворяющего влияния доктора Ди. Он видит бесформенное существо, сидящее на воротах: «И несколько мгновений мы смотрели друг на друга: человек разглядывал гомункулуса, думая о его долгой жизни и о его видении мира, а гомункулус разглядывал человека» [33]. Мэтью Палмер самоидентифицируется, в духе энтелехии пробуждаясь в активном начале, которое превращает возможное в действительное. Отныне он только homo sapiens, поэтому он прощается с гомункулусом, который в ответ визжит.

Аллегорический смысл этой странной сцены, на наш взгляд, заключается в том, что алхимический догматизм Келли был побежден одухотворяющей, фаустианской силой доктора Ди, которому открывается прошлое и будущее и который вместе с Мэтью видит светозарный мост, соединяющий эпохи, эликсир жизни и «свет, что пребудет целое тысячелетие» [34]. Доктор Ди становится свидетелем совпадения времен и пространств, того, что над ним и под ним, то есть постигает чудесное, о котором некогда писал Парацельс.

Джон Ди, таким образом, находит цель в замысле творения, форму, осуществляемую в материи, смысл бытия, как и Фауст Гете, обретший себя в строительстве небесного Иерусалима на земле. Высота его помыслов и стремлений обеспечивают ему бессмертие. И он слышит слова беременной им матери о Лондоне будущего: «Другой займет там твое место. И хотя ты опять будешь жить в нем, он сведет с тобою знакомство только по книгам, однако, может статься, что он вновь отыщет тебя, пытаясь найти самого себя» [35]. И его, действительно, «отыскивают» Палмеры, пытающиеся «найти самих себя», и Питер Акройд.

На последних страницах романа появляется образ самого Акройда, который беседует с доктором Ди о книге «Дом доктора Ди». Прием романа в романе позволяет писателю, во-первых, рас-

крыть свою творческую кухню («...я взял несколько малоизвестных текстов, перетасовал их...» [36]), во-вторых, задаться вопросом, кто же его герой – «проекция» его «личных идей и пристрастий или историческая фигура, образ которой я честно старался воссоздать» [37]. Доктор Ди отвечает на этот вопрос категорически однозначно: «Я не твой человек. Я не твой гомункулус» [38].

Так начавшийся с образа искусственного человека завершается фаустианский роман о докторе Джоне Ди, негомункулусе.

Примечания

1. *Onega S.* Metafiction and Myth in the Novels of Peter Ackroyd. Columbia: Camden House, 1999.
2. *Martinez M. J.* Postmodernism and the Ontological Dominant: the Poetics of Integration in Peter Ackroyd's *The House of Doctor Dee* // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. 1999. № 12.
3. *Струков В. В.* Художественное своеобразие романов Питера Акройда: (к проблеме британского постмодернизма). Воронеж: Полиграф, 2000.
4. *Ахманов О. Ю.* Жанровая стратегия детектива в творчестве Питера Акройда: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011.
5. *Липчанская И. В.* Образ Лондона в творчестве Питера Акройда: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014.
6. *Ишимбаева Г. Г.* Русская фаустиана XX века. М., 2002. С. 7.
7. *Гёте И. В.* Фауст // Гёте В. Собрание соч.: в 10 т. Т. 2. М., 1976. С. 259.
8. *Аникст А. А.* Творческий путь Гете. М., 1986. С. 510.
9. *Аствацатуров А. Г.* Поэзия. Философия. Игра. Герменевтическое исследование творчества И. В. Гете, Ф. Шиллера, В. А. Моцарта, Ф. Ницше. СПб.: Геликон Плюс, 2010. С. 176.
10. *Эккерман И.-П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.: Худож. лит., 1981. С. 336.
11. *Энтелехия* // *Философия: энциклопедический словарь* / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy. Дата обращения: 30.11.2015.
12. *Акройд П.* Дом доктора Ди. М., 2009. С. 24.
13. *Ibid.* С. 37.
14. *Ibid.* С. 38.
15. *Ibid.* С. 88.
16. *Ibid.* С. 97.
17. *Ibid.* С. 250.
18. *Ibid.* С. 115.
19. *Ibid.*
20. *Ibid.* С. 307.
21. *Ibid.* С. 245.
22. *Ibid.* С. 134.
23. *Ibid.* С. 148.
24. *Ibid.* С. 203.
25. *Ibid.* С. 204.
26. *Ibid.* С. 288.
27. *Ibid.* С. 233.
28. *Ibid.* С. 430.
29. *Ibid.* С. 289.
30. *Ibid.* С. 17.
31. *Ibid.* С. 204.
32. *Ibid.* С. 136.
33. *Ibid.* С. 432.
34. *Ibid.* С. 442.
35. *Ibid.*
36. *Ibid.* С. 443.
37. *Ibid.*
38. *Ibid.* С. 444.

Notes

1. *Onega S.* Metafiction and Myth in the Novels of Peter Ackroyd. Columbia: Camden House, 1999.
2. *Martinez M. J.* Postmodernism and the Ontological Dominant: the Poetics of Integration in Peter Ackroyd's *The House of Doctor Dee* // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. 1999. № 12.
3. *Strukov V. V.* Hudozhestvennoe svoebrazie romanov Pitera Akrojda : (k probleme britanskogo postmodernizma) [Art originality of novels by Peter Ackroyd (to the problem of British postmodernism)]. Voronezh : Poligraf, 2000.
4. *Ahmanov O. YU.* Zhanrovaya strategiya detektiva v tvorchestve Pitera Akrojda: dis. ... kand. filol. nauk [Genre detective Strategy in creativity of Peter Ackroyd]. Kazan, 2011.

5. *Lipchanskaya I. V.* *Obraz Londona v tvorchestve Pitera Akrojda: dis. kand. filol. nauk* [The image of London in creativity Peter Ackroyd]. Ivanovo, 2014.
6. *Ishimbaeva G. G.* *Russkaya faustiana XX veka* [Russian Faustian Story in the 20 century]. M., 2002. P. 7.
7. *Gyote I. V.* *Faust* [Faust] // *Gyote V. Sobranie soch. : v 10 t.* M., 1976. T. 2. P. 259.
8. *Anikst A. A.* *Tvorcheskij put' Gete* [Creative way of Goethe]. M, 1986. P. 510.
9. *Astvacaturov A. G.* *Poehziya. Filosofiya. Igra. Hermenevticheskoe issledovanie tvorchestva I.V. Gete, F. SHillera, V.A. Mocarta, F. Nicshe* [Poetry. Philosophy. A game. Hermeneutical study of creativity of I.V. Goethe, F. Schiller, V.A. Mozart, F. Nietzsche]. S.-Pb.: Gelikon Plyus. 2010. P. 176.
10. *EHkerman I.-P.* *Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni* [Conversations with Goethe in the last years of his life]. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1981. P. 336.
11. *EHntelekhiya* [Entelechy] // *Filosofiya: EHnciklopedicheskij slovar'*. M.: Gardariki. Pod redakciej A. A. Ivina. 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/. Data obrashcheniya: 30.11.2015.
12. *Akrojd P.* *Dom doktora Di* [The House of Doctor Dee]. M., 2009. P. 24.
13. *Ibid.* P. 37.
14. *Ibid.* P. 38.
15. *Ibid.* P. 88.
16. *Ibid.* P. 97.
17. *Ibid.* P. 250.
18. *Ibid.* P. 115.
19. *Ibid.*
20. *Ibid.* P. 307.
21. *Ibid.* P. 245.
22. *Ibid.* P. 134.
23. *Ibid.* P. 148.
24. *Ibid.* P. 203.
25. *Ibid.* P. 204.
26. *Ibid.* P. 288.
27. *Ibid.* P. 233.
28. *Ibid.* P. 430.
29. *Ibid.* P. 289.
30. *Ibid.* P. 17.
31. *Ibid.* P. 204.
32. *Ibid.* P. 136.
33. *Ibid.* P. 432.
34. *Ibid.* P. 442.
35. *Ibid.*
36. *Ibid.* P. 443.
37. *Ibid.*
38. *Ibid.* P. 444.

УДК 811.112.2

С. В. Постникова

Прагматический потенциал сравнения и способы его реализации в речемыслительной деятельности

Определяются семантико-функциональные характеристики сравнения сходства в сопоставлении со сравнением тождества и неравенства. Для последних данный вид отношений играет вспомогательную роль при определении параметров и степени интенсивности проявления признака. Сравнение сходства как языковая репрезентация синтаксического фрейма с данной семантикой отношений используется эмитентом для создания образной характеристики сравниваемого на базе ассоциативного сходства сопоставляемых объектов. В зависимости от прагматической установки высказывания наблюдается структурно-семантическая модификация ассоциативного фрейма сравнения и его языковой репрезентации, например усложнение содержания предметного концепта – эталона сравнения за счет включения признакового концепта – потенциального tertium comparationis, что влечет элиминацию соответствующего слота в структуре как синтаксического фрейма, так и его языковой репрезентации и способствует созданию метафорически окрашенного образа характеризуемого объекта.

Semantic-functional characteristics of comparison of similarities are identified versus a comparison of identity and inequality, for those the given type of relations plays a supporting role in the definition of parameters and

the degree of intensity of demonstration of the characteristics. The comparison of the similarity as a linguistic representation of a syntactic framework with the semantics of the relations is used by the issuer to create objects in the form of comparisons on the basis of associative similarity of the corresponding objects. Depending on the pragmatic goal of utterances the structural-semantic modification of the associative framework of comparison and its linguistic representation are observed, for example, the complication of the content of the subject concept – the standard of comparison through the inclusion of a feature concept – the potential tertium comparationis, what leads to the elimination in the appropriate slot in the structure, as in a syntactic framework, so in its linguistic representation and helps to create a metaphorically tinted image of the characterized object.

Ключевые слова: сравнение, концепт, фрейм, конвенциональность, когнитивный тезаурус, вербализация, эталон сравнения, основа сравнения – tertium comparationis.

Keywords: comparison, concept, frame, conventionality, cognitive thesaurus, verbalization, comparison standard, basis of comparison – tertium comparationis.

Сравнение как один из широко распространенных способов познания объектов внеязыковой действительности, их специфических сторон занимает особое место в когнитивной деятельности человека. Это, в частности, подтверждается наличием универсальной логической категории сравнения и его подвидов – сравнения тождества/неравенства и сравнения по аналогии, которые зафиксированы также в соответствующих моделях пропозитивных отношений (под пропозицией мы понимаем вслед за авторами Лингвистического энциклопедического словаря «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложений конструкций (номинализаций)» [1]). В то же время данные подвиды сравнительных отношений, являясь базой формирования полученной в результате познавательной деятельности информации и её языковой репрезентации, фокусируются на ментальном уровне в так называемом синтаксическом фрейме.

Определение концепта как «глобальной (выделено нами. – С. П.) единицы мыслительной деятельности» [2], как «оперативной (выделено нами. – С. П.) содержательной единицы, или кванта структурированного знания» [3], позволяет, во-вторых, рассматривать его как часть концептуальной картины мира, в которой сосредоточены ментальные единицы различной степени сложности, в том числе соотносимые с прототипической ситуацией [4], а во-вторых, делает возможным выделение из его структуры более частного вида – синтаксического фрейма, который предстаёт как «опосредованная структура, соединяющая область когнитивного тезауруса с языковым» [5], как «смысловой каркас будущего высказывания» [6], причём «процесс образования фреймовых структур носит чисто индивидуальный характер» [7].

Последний момент, как мы постараемся показать ниже, играет в нашем случае особую роль.

Заполнение слотов особым образом организованными предметными и признаковыми концептами, при стабильности самой структуры синтаксического фрейма с семантикой сравнительных отношений, предопределяет когнитивную и коммуникативную цель последних.

Можно предположить, что от характера входящих в эти концепты смысловых признаков, их иерархической упорядоченности и референциальных особенностей концептов зависит семантика сравнения – тождества/неравенства или сходства признаков и самих сопоставляемых объектов. Речь идёт о предметных концептах (соотносимых со сравниваемым и эталоном сравнения), признаковом концепте (соотносимым с основой сравнения – tertium comparationis – т. с.) и функторе сравнения.

Важно также отметить, что любое сравнение как способ передачи информации о познаваемых объекте или ситуации представляет собой акт речемыслительной деятельности, а следовательно, существенно зависит от интенции эмитента и его стремления донести до реципиента смысл высказывания и таким образом достичь успешности коммуникации.

Как правило, сравнение тождества/неравенства обычно фокусируется на установлении параметров признака у сравниваемого в сопоставлении с признаком эталона сравнения. В соответствии с поставленной целью семантический объём предметных концептов – носителей признаков ограничен набором смысловых компонентов, фиксирующих их конкретно-денотативную соотносённость с объектами, известными коммуникантам из предыдущего опыта.

В определённом плане в когнитивном тезаурусе коммуникантов такие концепты конвенционально закреплены за соответствующими представлениями о лицах или объектах и в акте сравнения играют роль фона, на котором разворачивается сопоставление присущих им признаков. Наличие последних также конвенционально закреплено за предметами/лицами – участниками высказывания и принимается коммуникантами как данность. И поскольку преследуется цель установление тождества/различия присущих сопоставляемым объектам признаков, в объё-

ме признакового концепта доминантными в условиях данной ситуации оказываются практически два смысловых компонента – признака как такового и степени проявления его интенсивности по отношению к сравниваемому объекту.

Так, если мы говорим, что Петя старше Ивана, Dieses Mädchen ist so klug wie der Sohn meiner Freundin, то оба участника ситуации предстают как уже известные собеседникам и выполняют второстепенную роль «данного», представляющие интерес лишь как носители определённого признака, тогда как основное внимание уделяется степени интенсивности его проявления. Наиболее чётко это прослеживается при установлении неравенства признаков (т. е. большей или меньшей степени его проявления), тогда как синтаксический фрейм с семантикой сравнения тождества нередко требует введения дополнительного концепта с функцией установления данного тождества (типа так же, so, ebenso и т. п.). В связи с этим можно предположить, что сами отношения сравнения данного вида играют скорее вспомогательную роль, позволяя установить параметры и степень интенсивности проявления выделенного (но не приписываемого!) признака у объекта. Как правило, такой фрейм находит одно-однозначное соответствие в синтаксической структуре, которая входит в область языковых и речевых конвенций. В данном случае речь идёт о структуре типа $N_1 + t. c. (komp.) + wie/als + N_2$, где имена объектов N_1 и N_2 имеют конкретно-денотативную референцию, которая фиксируется соответствующими языковыми средствами (определёнными артиклями, притяжательными и указательными местоимениями). Как отмечалось, указание на тождество признаков требует введения, помимо союза *wie* (вследствие его многозначности), коррелята тождества *so, ebenso* и т. п., тогда как значение неравенства заложено в самой компаративной форме *t. c.*, где оно репрезентировано компаративным формантом и соответственно наличием в плане его содержания категориальной семы интенсификации (со знаком +/-).

Вместе с тем, как и в случае любого другого высказывания, прагматика сравнения обоих видов может влиять в дискурсивном континууме на смысловую структуру слотов и, соответственно, находить отражение в структурно-семантическом и функциональном варьировании языковых средств их выражения. Так, стремление подчеркнуть большую или меньшую степень интенсивности проявления признака у сравниваемого объекта достигается, если в качестве эталона сравнения привлекается объект, концепт которого либо не содержится в когнитивном тезаурусе реципиента, либо соотносится с общим представлением о нём. В этом случае имеет место его интенциональная референция, предметный концепт ограничен скорее родовыми смысловыми признаками, выделение одного из которых предопределено интенцией эмитента. Соответствующая номинативная единица характеризуется обобщённым планом содержания, употребляется с неопределённым артиклем, а само отношение сравнения приобретает несвойственную данной структуре эмоционально-оценочную тональность и выполняет семантическую функцию характеристики как признака, так и сравниваемого. Подобная прагматически обусловленная семантико-функциональная перестройка – крайне редкое, маргинальное явление для сравнения неравенства, что связано в первую очередь с моделирующим характером данной синтаксической структуры [8]. В частности, она достигается с помощью переформулировки устойчивых просторечных выражений в устном дискурсе. Ср.: *treu sein wie ein Hund (umg.) – treuer sein als ein Hund = jmdm sehr treu, ergeben sein*; или: *müde sein wie ein Hund [9] – müder sein als ein Hund = sehr müde sein*.

В целом же сравнение неравенства – это скорее способ репрезентации рациональной параметрической оценки в терминах «больше-меньше», тогда как сравнение тождества по своим функционально-семантическим характеристикам – более сложное явление когнитивного процесса. Действительно, установление равновеликости признаков объектов по сути сопряжено с субъективной оценкой эмитента, который старается облечь в языковую форму восприятие идентичности признаков. Но поскольку субъективный фактор сопровождает весь ход познания окружающего мира, то он в той же, если не в большей степени органически присущ и сравнению сходства, и в этом плане оба типа сравнительных отношений разделены очень тонкой гранью. И если для выражения сравнения неравенства имеется стабильная синтаксическая структура (модель), то в данном случае выражение тождества признаков требует особым образом структурированного фрейма и его языковой репрезентации, о чём упоминалось выше. Как только такие условия эмитентом не соблюдаются, меняется коммуникативная установка и сравнение выступает скорее как средство вербализации отношений подобия, сходства между объектами, причём не столько признаков, сколько самих сопоставляемых объектов на базе данного признака в роли *t. c.* Это и неудивительно, если исходить из природы самого сравнения, прагматическая ценность которого, как отмечалось, состоит не в чётком определении познаваемого объекта и его признака, а скорее в субъективно-оценочной характеристике последних. Речь в данном случае идёт о сравнении сходства – языковой репрезентации ассоциативного фрейма, иллюстрирующего «отноше-

ние подобия, которое основано <...> на сближении концептов в мышлении самого человека» [10]. На ментальном уровне такой вид сравнительных отношений связан с особенностями концептуализации вершинных узлов фрейма и, как следствие, его структурной организации. Следует, прежде всего, отметить, что интенция эмитента направлена не на установление тождества/неравенства признаков, а на их сходство и опосредованно – на ассоциативное сходство сопоставляемых объектов, что подтверждает динамический характер данного вида фреймов «как один из возможных конвенциональных вариантов выражения иллокутивной цели» [11]. Так, признак не выделяется из предметного концепта сравниваемого как одна из его уже познанных сторон, а приписывается ему как познаваемый в ходе когнитивной деятельности. При этом признаковый концепт как *t. c.* может быть репрезентирован не только прилагательными (хотя это довольно распространённое явление), но и глаголами, совмещающими в своём содержании семы глагольного и качественного признаков действия [12], а также достаточно широким контекстом, роль которого в рамках сравнения сходства заключается в создании смыслового фона – обобщённого признака как *t. c.*, позволяющего, по мнению эмитента, сопоставление объектов.

Например:

Der Rücken seiner Nase war dünn wie Messerschneide [13].

Der Himmel bauscht sich wie ein riesiges Seidenzelt über der Stadt [14].

Gewöhnlich begleitete ihn Frieda, die etwas rundlichere Formen bekommen hatte, im Gesicht aber immer noch glatt und frisch aussah wie ein junges Mädchen [15].

Der Deckel war weggerissen, und die Tasten schimmerten wie ein riesiger Mund voller Zähne, als drohe ein vorweltliches, schweres Tier wütend herunter... [16]

Отсюда смысловая структура признакового концепта содержит практически полный набор конституирующих его компонентов, а выделение доминирующего/доминирующих, необходимого/необходимых для адекватной передачи информации о познанном возможно лишь за счёт предметного концепта эталона сравнения, по отношению к которому данный признак в когнитивном тезаурусе участников коммуникации предстаёт как типичный, конвенционально закреплённый в результате предыдущего опыта, что фиксируется вполне определённым набором смысловых компонентов признакового концепта.

Ср.: Der Himmel war grün, где признак не конкретизирован и: Der Himmel war grün wie ein unreifer Apfel [17], где признак конкретизирован со стороны эталона сравнения (ein unreifer Apfel).

Что касается эталона сравнения, то он, как правило, является номинантом объекта, соотносимого с обобщённым (социально сформированным) понятием, в интенционал которого входят признаки, конституирующие данный объект как представителя определённого предметного класса, в том числе и признак, который в данном речевом акте используется эмитентом в функции *t. c.* (Примеры см. выше.) Нередко в содержании предметного концепта – эталона сравнения такой признак занимает настолько доминантную позицию, что его специальное выделение в качестве *t. c.* становится излишним.

Соответственно на ментальном уровне он не представлен отдельным слотом фрейма, а при языковой репрезентации последнего основная цель сводится к установлению ассоциативного сходства сопоставляемых. В результате содержание сравниваемого обогащается за счёт привнесения субъективно-оценочной коннотации, которая способствует созданию метафорического образа характеризуемого объекта. Например: Sie hatte ein Tuch wie einen Turban um den Kopf gewickelt... [18]

Как видно, сравнение выполняет в речемыслительной деятельности различные функции, отражая цель познания окружающего мира, что, как следствие, влияет на особенности концептуализации данного вида отношений на ментальном уровне и способы их языковой репрезентации.

Примечания

1. Лингвистический энциклопедический словарь: М.: Сов. энцикл., 1990. С. 401.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. С. 14.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. С. 24.
4. Кузьмина С. В. Простое предложение как средство репрезентации концептуального содержания: монография. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. С. 18.
5. Никонова Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка). Н. Новгород: Изд-во ГОУ ВПО НГЛУ, 2007. С. 131.
6. Там же. С. 126.
7. Там же.

8. О категориальности данной синтаксической структуры см.: *Постникова С. В.* К вопросу о центре функционально-семантического поля сравнения (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 274.
9. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache.* Hrsg. R. Klappenbch, W. Steinitz. Bd. 3. Berlin: Akademie-Verlag, 1970. S. 1912.
10. *Никонова Ж. В.* Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка). С. 143.
11. *Никонова Ж. В.* Иллокутивная семантика речевого акта в когнитивном аспекте // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы: материалы Чтений памяти профессора А. Т. Кукушкиной. Ч. I. Н. Новгород: НГЛУ, 2014. С. 111.
12. Ср.: *Уфимцева А. А.* Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. С. 146.
13. *Mann Th.* Gesammelte Werke in 12 Bänden. Bd IX. Erzählungen. Berlin, 1955. S. 768.
14. *Remarque E.-M.* Der schwarze Obelisk. Berlin, 1957. S. 117.
15. *Bredel W.* Die Väter. Berlin, 1955. S. 374.
16. Ibid.
17. *Remarque E.-M.* Zeit zu leben und Zeit zu sterben. M., 2007. S. 7.
18. *Bredel W.* Указ. соч. С. 374.

Notes

1. *Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovar'* – Linguistic encyclopedic dictionary. M. Sov. Encyclopaedia. 1990. P. 401.
2. *Popova Z. D., Sternin I. A.* Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh. Publishing house "Istoki". 2006. P.14.
3. *Boldyrev N. N.* Kognitivnaya semantika: kurs lekcij [Cognitive semantics: course of lectures]. Tambov. Publishing house of Tamb. University. 2001. P.24.
4. *Kuzmina S. V.* Prostoe predlozhenie kak sredstvo reprezentacii konceptual'nogo sodержaniya: monografiya [Simple statement as a means of representation of conceptual content: the monograph]. N. Novgorod. FSBEI HPE "Nizhny Novgorod State Linguistic University". 2014. P. 18.
5. *Nikonova J. V.* Frejmovyj analiz rechevyh aktov (na materiale sovremennogo nemeckogo yazyka) [Frame analysis of speech acts (on the material of modern German language)]. N. Novgorod. Publishing house of SEE HPE NSLU. 2007. P. 131.
6. Ibid. P.126.
7. Ibid.
8. On categoriality of this syntactic structure, see: *Postnikova S. V.* K voprosu o centre funkcional'no-semanticheskogo polya sravneniya (na materiale nemeckogo yazyka) [To the question about the center of the functional-semantic field of comparison (on a material of German language)] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Herald of Nizhnoy Novgorod University n.a. N. Lobachevsky. 2009, No. 5, p. 274.
9. *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache.* Hrsg. R. Klappenbch, W. Steinitz. Bd. 3. Berlin: Akademie-Verlag, 1970. S. 1912.
10. *Nikonova J. V.* Frejmovyj analiz rechevyh aktov (na materiale sovremennogo nemeckogo yazyka) [Frame analysis of speech acts (on the material of modern German language)]. P. 143.
11. *Nikonova J. V.* Illokutivnaya semantika rechevogo akta v kognitivnom aspekte [Illocutionary semantics of the speech act in the cognitive aspect] // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы: материалы Чтений памяти профессора А. Т. Кукушкиной. Ч. I – Functional aspects of language: traditions and prospects: materials of Readings in memory of Professor A.T. Kukushkina. Pt. I. N. Novgorod. NSLU. 2014. P. 111.
12. *Comp.: Ufimtseva A. A.* Leksicheskoe znachenie. Princip semiologicheskogo opisaniya leksiki [Lexical meaning. The principle of semiological description of the vocabulary]. M. Nauka. 1986. P.146.
13. *Mann Th.* Gesammelte Werke in 12 Bänden. Bd. IX. Erzählungen. Berlin. 1955. S. 768.
14. *Remarque E.-M.* Der schwarze Obelisk. Berlin. 1957. S. 117.
15. *W. Bredel.* Die Väter. Berlin. 1955. S. 374.
16. Ibid.
17. *Remarque E.-M.* Zeit zu leben und Zeit zu sterben. M. 2007. S. 7.
18. *W. Bredel Op.cit.* P. 374.

Об имплицитной предикативности предложений-номинативов в русском и татарском языках

Статья представляет исследование в области когнитивной лингвистики и рассматривает предложения-номинативы, которые в настоящее время некоторыми исследователями считаются на семантическом уровне двусоставными предложениями. Одной из важнейших характеристик таких предложений является наличие в них скрытой предикативности. Приводится подкрепленная примерами классификация номинативов, согласно которой они делятся на именительный характеризующий, именительный этапно-событийный, именительный аргументативно-иллюстративный и именительный возражения. Отмечается высокая имплицитная предикативность номинативов, содержащих отглагольные существительные (в русском языке), в татарском языке имя действия (исем фигыль), имена событийного типа и имена собственные, с которыми закреплены устойчивые ассоциации. Исследуются условия, при которых предметные имена способны передавать событийные значения, а также факторы, за счет которых происходит восстановление невербализованных компонентов. Языковые примеры для статьи взяты из русской и татарской художественной прозы.

The article presents a research in the field of cognitive linguistics and deals with nominative sentences. Traditionally they are considered to be one-member sentences, but nowadays there are some linguists who suppose that at the semantic level they are two-member ones. The most important feature of such sentences is their implicit predicativeness. The article gives the classification of nominative sentences with language examples in Russian and Tatar; lays emphasis on the kinds of nominative sentences with highest predicativeness, namely: the ones with verbal nouns, with event-related nouns and proper names providing stable associations; analyzes the conditions under which object nouns can deliver event-related meanings, and also the factors that help to restore non-verbalized components.

Ключевые слова: номинативные предложения, предметные имена, событийные имена, имплицитная предикативность.

Keywords: nominative sentences, object nouns, event-related nouns, implicit predicativeness.

Номинативными предложениями традиционно считаются именные односоставные предложения, главный член которых выражен именем существительным, личным местоимением, субстантивированной частью речи, а также количественным именным сочетанием, при этом главное слово стоит в именительном падеже [1]. Вероятно, самым ярким примером такого предложения может служить строчка из известного стихотворения А. А. Блока: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.*

В номинативных предложениях могут употребляться имена разного характера – событийные (*Щелчок; Удар; Смех; Шаги*), предметные (*Парк. Скамейка у пруда*), а также потенциально-признакового значения (*Мокрый снег. Грязь под ногами*).

В настоящее время некоторые исследователи придерживаются мнения, что номинативные предложения являются односоставными только на грамматическом уровне. На глубинном, семантическом уровне такие предложения можно считать двусоставными [2].

Говоря другими словами, в предложениях-номинативах присутствует имплицитная предикативность, то есть при определенной поддержке контекста такие предложения способны неявно передавать действия, особенно если в них используются существительные событийного характера. Проиллюстрируем это утверждение примером из русской литературы: *Ох это вечернее образование, будь оно трижды проклято! Шесть лет на износ, шесть лет непрерывной каторги! Восемь часов у станка, четыре часа лекций и семинаров в институте. А подготовка к занятиям дома? А экзамены, зачеты? А сколько времени уходит на всякие разъезды, мотания по библиотекам, читальням?* [3]

Аналогичные примеры часто встречаются и в текстах татарской прозы:

Озатулар кон саен кабатланды. ...Шул ук куренеш, шул ук геройлар, шул ук сузлар. Төн. Суык. Икәү «шыгыр» көенә ыңгырашкан саләмә троллейбуста кайталар [4]. *Провожания повторялись каждый день. Та же сцена действия, те же герои, те же слова. Ночь. Холод. Двое едут в троллейбусе под дребезжание колес.* (Пер. наш. – Ф. С.)

Кырык беренче елның көзе. Москәу янындагы хәлиткеч киереике көннәр. Кар, салкын землянкалар, панфиловчылар, Зоя (ул чакта эле Таня), генерал Доватор... [5]. Осень сорок первого года. Напряженные, решающие дни под Москвой. Снег, холодные землянки, панфиловцы, Зоя (тогда еще Таня), генерал Доватор... (Пер. наш. – Ф. С.)

Мы разделяем мнение о предикативности номинативов, отмечая при этом, что существуют разные типы номинативов и степень имплицитной предикативности у них разная.

Свойство предложений-номинативов передавать предикативность свойственна всем языкам номинативного строя, каковыми являются татарский и русский языки. Авторы издания «Современный русский язык» отмечают, что в односоставных бытийных предложениях, в которых главный член выражен отглагольным существительным, семантика бытийности может совмещаться с семантикой акциональности, например: *Хруст яблок. Обернулись – лошадь стоит. Чуть позвякивает уздечка. И сочно хрустят недозревшие яблоки (В. Песков) [6].* В выделенном номинативном предложении присутствует свернутая предикация, передаваемая отглагольным существительным.

В татарском языке имеется неличная форма глагола, близкая к отглагольному существительному – *исем фигыль* (имя действия). Мы считаем, что, вне всякого сомнения, предложения-номинативы, в которых главный член выражен именами действия, обладают имплицитной предикативностью: *Салкын гына, хиссез генә дежур үбешү... Мәжбури эш эшләгән кебек кенә кул бирешү... Дежур елмаю, дежур кул богау. Егетләр моны сизми калмадылар [7].*

Холодный, без особых чувств дежурный поцелуй... Рукопожатие, как будто выполнение обязательной работы... Дежурная улыбка, дежурный прощальный взмах рукой. Парни не могли этого не почувствовать. (Пер. наш. – Ф. С.)

Существует точка зрения, согласно которой номинативные предложения образовались из бытийных предложений вследствие элиминации локализатора: «Номинативные предложения – это стилистически маркированные и ограниченные в своем употреблении разновидности бытийных предложений (за исключением собственно номинативных предложений, вообще не имеющих отношения к выражению бытия)» [8]. Мы разделяем эту точку зрения. Сравним, например, два предложения: *Бушлык, салкынлык, мәгнәсезлек... [9] – Аның куңелендә бушлык, салкынлык, мәгнәсезлек. В его душе пустота, холод, бессмысленность. (Пер. наш. – Ф. С.)*

Второе предложение, трансформированное из первого, имеет тот же смысл, но является бытийным предложением, локализатор которого взят из контекста.

Исследованием имплицитных и эксплицитных компонентов высказываний-номинативов в русском и татарском языках занимается Г. К. Хамзина (КФУ, Казань). Она считает такие высказывания структурно не изоморфными обозначаемой ими денотативной ситуации, а следовательно, имплицитными.

Существует целый ряд классификаций предложений-номинативов. Мы будем придерживаться классификации Г. К. Хамзиной, которая выделяет следующие разновидности таких высказываний: именительный характеризующий, именительный этапно-событийный, именительный аргументативно-иллюстративный, именительный возражения. При этом ею отмечается, что степень имплицитности семантики высказываний первого типа, по-видимому, наименьшая. Рассмотрение этого типа высказываний в сопоставительном плане позволяет установить общность семантики по крайней мере для языков номинативного строя [10].

Сохраняя терминологию, используемую Г. К. Хамзиной, приведем собственные примеры таких предложений. **Именительный характеризующий:** *Рушад директорның тышкы кыяфәтенән әйрәнде. Йомры гына баш. Сирәкләнә башлаган, анда-санда ак йегергән шома чәч [11].* Рушад изучал глазами внешность директора. *Круглая голова. Редящие, с проседью, гладкие волосы. (Пер. наш. – Ф. С.)*

Энә теге якты аланга күчерик. Жылы, кояшлы урын... [12] Давай пересадим их на эту светлую поляну. Теплое, солнечное место... (Пер. наш. – Ф. С.)

Предложение с **именительным этапно-событийным:** *Казанның иң кыйммәтле ресторанында ашадык без бер кичне. Затлы шәраб, затлы ризык [13].* Однажды вечером мы ужинали в самом дорогом ресторане Казани. *Дорогое вино, изысканные блюда. (Пер. наш. – Ф. С.)*

Пример высказывания с **именительным аргументативно-иллюстративным:** *Гафу итегез, апа, без тикшерергә тиеш, – диде олырагы. – Иптәш начальник өмере [14].* Извините, апа, мы должны проверить, сказал тот, что постарше. – *Приказ товарища начальника. (Пер. наш. – Ф. С.)*

Именительный возражения:

– *...Ярый, сезнән авыл сугыш вакытында да арыш оныннан озелмәгән. Ә башка колхозлар? Э колхозчыга түләү мәсьәләсе? О колхозларның ссудалары? [15] Ладно, в вашем колхозе даже во вре-*

мя войны муки ржаной муки было вволю. А другие колхозы? А оплата труда колхозникам? А ссуды колхозам? (Пер. наш. – Ф. С.)

Мы усматриваем в трех последних типах предложений-номинативов скрытую предикативность, причем неназванные компоненты высказывания могут быть восстановлены за счет контекста, ситуации, лексических валентностей и фоновых знаний участников речевого акта.

Если говорить о предметных именах, то исследователи, занимающиеся разработкой данной проблемы в русском языке, отмечают, что предметная лексика в номинативных предложениях также способна при определенных условиях передавать предикативные значения. Выделены основные группы предметной лексики, выступающей эквивалентом событийных существительных. Имплицитные предикаты легко восстанавливаются, если номинативами выступают:

- названия одежды: **Пиджачок... теперь беретка... Он готов!** (В. Маканин);
- названия пищи, напитков, лекарств: **Джуреки из желудей, пареная свекла, пустые щи, тыква... И работа, работа, работа... Вот и вся жизнь** (Б. Екимов);
- названия транспортных средств как маркеры передвижения, осуществляемого с их помощью: **Вот самолет трахнулся, затрясся, покатился... Троллейбус. И вдруг уже все другое...** (В. Попов);
- названия материальных результатов ментальной деятельности человека (роман, книга, труд и пр.), имплицитно предикаты «публиковать», «писать»: **Зарядка, прогулка и – научные труды! Я бы так жил, если было б возможно** (В. Попов);
- названия некоторых органов человеческого тела часто используются для обозначения болезней, с ними связанных: – **Что с ним? – Сердце;**
- значения звуковых эффектов могут принимать на себя некоторые предметные имена, которые являются источником звука: **телефон, радио, телевизор, пишущая машинка.**

В целом можно утверждать, что регулярно употребляются в пропозитивном значении имена тех предметов, которые включены в обыденный, ежедневный ритуал жизни человека. Это две основные группы объектов: 1) те, за которыми закреплено определенное, типичное функциональное предназначение, напр.: **Была дисциплина, но было весело. Кино, баня, патефон** (А. Найман); 2) те, которые требуют от людей регулярного внимания и заботы, напр. о домашних заботах учительницы: **Каждый день одно и то же: посуда, грязное белье, ребенок и тетрадки, тетрадки, тетрадки...** [16]

Совершенно особое место среди предметных имен занимают существительные **потенциально признакового значения**: **солнце, снег, дождь, пот, грязь, слезы.** Выступая как номинативные предложения, они чаще обозначают не предметы, а ситуации: **Был теплый апрельский день. Солнце. Весна. Мы сидели с Верой на Тверском бульваре, на скамейке** (Г. Бакланов). По-видимому, это единственная группа предметных имен, способная употребляться событийно вне поддержки контекста [17].

Имена собственные способны служить маркером целой ситуации в том случае, если они связаны с устойчивым комплексом ассоциаций. Здесь наиболее употребительны названия географических объектов, где происходили или происходят общеизвестные события: **Так точно! Кенигсбергта Жиңу көнен бэйрэм иттек. Ленинград – Таллин – Клайпеда – Кенигсберг** [18]. **Так точно! День Победы отмечали в Кенигсберге. Ленинград – Таллин – Клайпеда – Кенигсберг.** (Пер. наш. – Ф. С.) Для наших современников такими словами, связанными с военными событиями, могут явиться, например, **Афганистан** или **Чечня.**

Событийные коннотации могут получать и имена знаменитых людей и литературных персонажей: **Монда куңелең саф булса гына аягыңны атла. Бу йорт – тарих. Лобачевский. Толстой. Аксаков...** [19] **Сюда может ступить только тот, у кого душа чиста. Это здание – история. Лобачевский. Толстой. Аксаков...** (Пер. наш. – Ф. С.)

Спектакльлар куйганда беренче, теп рольларне кешегә бирмәде. Галиябану. Фархиназ. Сарвар... [20] **Когда ставились спектакли, она никому не уступала главных ролей. Галиябану. Фархиназ. Сарвар...** (Пер. наш. – Ф. С.)

Как уже отмечалось выше, предметные имена, используемые в номинативах, также могут получать событийную коннотацию при поддержке особого контекста.

Легче всего предметное имя приобретает событийные коннотации, когда включается в **событийную цепочку.** Если это цепочка предметных имен, то ее событийный смысл задается в предшествующем предложении через некоторый общий динамический компонент. Событийность предметного имени может быть обеспечена и его близостью с именами действия или глагольными сказуемыми (далее выделено жирным шрифтом):

Менә шушы куллары белән колхозны беренче бүрәләрен мин кутардем. Әнә амбар, бәрәңге базы, ат абзары, сушилгалар. Барысын да мин төзедем утызынчы елны [21]. **Вот эти-**

ми вот руками я начинал строительство колхоза. Вон амбар, овощехранилище, конюшня, сушилки. Все это строил я в тридцатом году. (Пер. наш. – Ф. С.)

Отметим, что в силу большого объема невербализованных компонентов их семантики кон- ситуативная обусловленность большинства высказываний-номинативов особенно велика, на- пример, по сравнению с эллиптическими предложениями. Восстановление невербализованных компонентов происходит в большинстве случаев за счет ситуации, знаний о мире и ассоциатив- ной базы участников речевого акта.

Предложения-номинативы получили большое распространение во всех сферах литератур- ного языка. Этому содействуют их лаконичность и экспрессивность, разнообразие их наполнения различными ассоциациями.

Выводы

1. Многие разновидности предложений-номинативов, считавшихся односоставными, на глубинном семантическом уровне являются двусоставными, поскольку содержат имплицитную предикативность. Свойство предложений-номинативов передавать предикативность свойствен- но всем языкам номинативного строя, каковыми являются татарский и русский языки.

2. Особенно высокой имплицитной предикативностью обладают номинативы с существи- тельными событийного типа, существительными потенциально признакового значения, обозна- чающие ситуации, а также именами собственными, связанными с устойчивыми ассоциациями.

3. Предметные имена также способны приобретать событийные коннотации, когда вклю- чаются в **событийную цепочку**.

4. В татарском языке предложения-номинативы, в которых главный член выражен **име- нем действия (исем-фигыль)**, несомненно, обладают имплицитной предикативностью. В рус- ском языке данной части речи соответствует **отглагольное существительное**, которое также передает скрытую предикативность.

5. Восстановление невербализованных компонентов в номинативных предложениях про- исходит в большинстве случаев за счет ситуации, знаний о мире и ассоциативной базы участни- ков речевого акта.

Примечания

1. Словарь лингвистических терминов. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/882>
2. Калинин А. Ф., Иглина Н. М. Проблема типологии номинативных предложений в современном рус- ском языке URL: http://www.rusnauka.com/14_NPRT_2010/Philologia/67059.doc.htm
3. Хамзина Г. К. Функции служебного компонента в высказываниях, построенных по формуле «А N 1». URL: <http://old.kpfu.ru/f10/bibl/resource/articles.php?id=6&num=61000000>
4. Гыйматдинова Н. Парлы ялгыз. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. С. 149.
5. Мәһдиев М. Фронтвиклар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1996. С. 172.
6. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых явлений: в 2 ч.: учеб. для студ. вузов / под ред. Е. И. Дибровой. М.: Academia, 2001. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. С. 437.
7. Мәһдиев М. Указ. соч. С. 82.
8. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М.: Рус. яз., 1983. С. 50–51.
9. Мәһдиев М. Указ. соч. С. 203.
10. Хамзина Г. К. Высказывания-номинативы с денотативно неизоморфной структурой в русском и татарском языках // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания: материалы науч.-практ. конф. Уфа, 1998. С. 161–171.
11. Мәһдиев М. Указ. соч. С. 22.
12. Гыйматдинова Н. Указ. соч. С. 95.
13. Гыйматдинова Н. Указ. соч. С. 138.
14. Гыйматдинова Н. Указ. соч. С. 143.
15. Мәһдиев М. Указ. соч. С. 185.
16. Иванова Е. Ю. Предметные имена как знаки ситуаций // Болгарская русистика. 2005. № 3–4. С. 18–25. URL: [file:///C:/Documents Downloads/42-131-1-PB.pdf](file:///C:/Documents%20Downloads/42-131-1-PB.pdf)
17. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. С. 144.
18. Мәһдиев М. Указ. соч. С. 184.
19. Там же. Указ. соч. С. 75.
20. Там же. Указ. соч. С. 220.
21. Там же. Указ. соч. – С. 136.

Notes

1. Slovar' lingvisticheskikh terminov – Dictionary of linguistic terms. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/882>
2. Kalinin A. F., Iglina N. M. Problema tipologii nominativnykh predlozhenij v sovremennom russkom yazyke [Problem of the typology of nominative sentences in the modern Russian language] Available at: http://www.rusnauka.com/14_NPRT_2010/Philologia/67059.doc.htm
3. Khamzina G. K. Funkcii sluzhebного компонента v vyskazyvaniyah, postroennykh po formule «A N 1» [Functions of a service component in the statements constructed according to the formula "A N 1"]. Available at: <http://old.kpfu.ru/f10/bibl/resource/articles.php?id=6&num=6100000>
4. Gyimatdinova N. арлы ялгыз. Казан: Татар. кит. нәшр. 2003. P.149.
5. Мәһдиев М. Фронтвиклар. Казан: Татарстан китап нәшрияты.1996. P. 172.
6. Sovremennyy russkij yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh yavlenij: v 2 ch.: ucheb. dlya stud. vuzov / pod red. E. I. Dibrovoj – Modern Russian language. Theory. The analysis of linguistic phenomena: in 2 pts: textbook for stud. high schools / under the editorship of E. I. Dibrova. M. Academia. 2001. Part 2: Morphology. Syntax. P. 437.
7. Мәһдиев М. Op.cit. P. 82.
8. Arutyunova N. D., Shiryayev E. N. Russkoe predlozhenie. Bytijnij tip (struktura i znachenie) [The Russian statement. Existential type (structure and value)]. M. Rus. yaz. 1983. Pp. 50-51.
9. Мәһдиев М. Op.cit. P. 203.
10. Khamzina G. K. Vyskazyvaniya-nominativy s denotativno neizomorfnoj strukturoj v russkom i tatarskom yazykah [Remarks-nominatives with denotative non-isomorphic structure in Russian and Tatar languages] // Aktual'nye problemy sopostavitel'nogo yazykoznanija: materialy nauch.-prakt. konf. -Actual problems of comparative linguistics: materials of scient.-pract. conf. Ufa. 1998. Pp. 161-171.
11. Мәһдиев М. Op.cit. P. 22.
12. Gyimatdinova N. Op.cit. P. 95.
13. Gyimatdinova N. Op.cit. P. 138.
14. Gyimatdinova N. Op.cit. P. 143.
15. Мәһдиев М. Op.cit. P. 185.
16. Ivanova E. Yu. Predmetnye imena kak znaki situacij [Subject names as the signs of situations] // Bolgarskaya rusistika – Bulgarian Russian studies. 2005, No. 3-4, pp. 18-25. Available at: [file:///C:/Documents Downloads/42-131-1-PB.pdf](file:///C:/Documents%20Downloads/42-131-1-PB.pdf)
17. Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy [Sentence and its meaning. Logical-semantic problems]. M. Nauka. 1976. P. 144.
18. Мәһдиев М. Op.cit. P. 184.
19. Idid. P. 75.
20. Idid P. 220.
21. Idid P. 136.

УДК 811.161.1'1: 811.112.2'1

Т. Н. Скокова, Г. Г. Мирошниченко

Генетическая связь концепта ГАРМОНИЯ (нем. HARMONIE) в мифологии и философии с дискурсом волшебных сказок

Основной целью данной статьи является изучение лингвистических особенностей психологического дискурса волшебных сказок. Сказочная семантика может быть осмыслена только исходя из ее мифологических и философских прообразов. Волшебные сказки – это источник сведений о категориальных концептах, являющихся основополагающими в процессе познания мира. В работе рассматривается концепт ГАРМОНИЯ (нем. HARMONIE) – один из универсальных и многоконтинуумных концептов, присущий всем культурам и обществам. Изучение категориальных концептов как особого формата знаний позволяет сделать выводы об опыте, который может быть обобщен в процессе его концептуализации и категоризации с помощью языка. Предпочтение при анализе отдается непрямым способам номинации, а именно: именам-мифологическим образам, транслирующим разнообразные когнитивно-ментальные смыслы. Примеры приводятся из первой части произведения Э. Т. А. Гофмана «Meister Floh».

The main purpose of this article is to study the linguistic features of a psychological discourse of fairy tales. Fabulous semantics can be understood only on the basis of its mythological and philosophical types. Fairy tales is a source of information about categorical concepts which are fundamental in the process of understanding the world. This paper examines the concept of multycontinuum concepts HARMONY (Germ. HARMONIE) which is one of the

universal and inherent for all cultures and societies. The study of categorical concepts as a special format of knowledge allows to draw conclusions about the experience which can be summarized in the process of conceptualization and categorization through the language. Preference in the analysis is given to indirect methods of the nomination, namely: the mythological image names rendering various cognitive-mental meanings. Examples are given from the first part of the book by E. T. A. Hoffmann "Meister Floh".

Ключевые слова: дискурс волшебной сказки, многоконтинуумные категориальные концепты, имена-мифологические образы.

Keywords: discourse fairy tales, multycontinuum categorical concepts, names-mythological images.

В последнее время лингвистика обнаруживает интерес к рассмотрению специфики вербализации психического мира индивидуума с позиции *теории дискурса*. Нами особое внимание уделяется изучению лингвистических особенностей психологического дискурса волшебных сказок. Анализ вербализации концептов волшебной сказки, как и иных символических текстов, неизбежно приводит к выявлению множества смыслов, объединение которых позволяет толковать те или иные отдельные события в совокупности, воссоздавая картину мира автора, осознать в хаосе образов целостные пласты этноязыковой картины мира, понимаемый как культурно обусловленный её инвариантный образ. Познание разномодальных образов как разного проявления сущего позволяет получить новые знания, объединяющиеся в «целостные единицы, называемые форматами знаний» [1]. Изучение концептов как особого формата знаний позволяет сделать вывод об опыте, который может быть обобщен в процессе его концептуализации и категоризации с помощью языка. К универсальным и многоконтинуумным категориальным концептам, присущим всем культурам и обществам, относится концепт ГАРМОНИЯ (нем. HARMONIE). Основными категориально-концептуальными континуумами (термин Т. Н. Скоковой) как составляющими концепта ГАРМОНИЯ являются: «гармония – это мироздание, включающее этот и другой мир», то есть та единичность и то целое, которое включает все возможные миры, «гармония – это мир единого во многом», «гармония – это жизнь, смысл которой – любовь» и др. (см. работы Т. Н. Скоковой, 2015 г.).

Лексема гармония (греч. *harmonia, harmozo*) принимает в речи различные смысловые оттенки, образуя синонимичный ряд:

сообразность; строй, соразмерность, симметрия, согласованность; единство, лад, ладность, согласие; симфония, благогласие, созвучность, благозвучность, сладкозвучность, сладкогласие // нем.: Harmonie: Ausgeglichenheit; Ausgewogenheit; Einheit, Einigkeit, Einssein, Eintracht, Übereinstimmung, Einhelligkeit, Einmütigkeit, Einstimmigkeit, Einvernehmen, Gleichgestimmtheit, Konformität, Konsensus; Einklang, Wohlklang, Zusammenklang. Структуры знания как результат когнитивного опыта индивидуума (невербальная образность) соотносятся с языковыми средствами выражения (вербальная символность). Гармония, выражаясь словами В. Татура, – это способ существования трансфинитного, бесконечного в финитном, конечном. При этом возникают вопросы: что есть финитное и тот «момент в имманентном времени», которое возникает, чтобы «тотчас погрузиться»; что есть «удержание» [2], «зародыш» (термин В. Э. Войцеховича, 2002), обозначающий алгоритм развития носителя наследственной информации о системе, то есть зародыш, из которого согласно закону развития может вырасти новое целое? [3]. Таким инвариантным ядром является одна из важнейших категорий познания – *совершенство природосообразного*. Понимание природосообразности – это осознание единства человека с природой, согласованности и гармонии их взаимодействия. Совершенство природосообразности (соответствие принципам природы) является «образцом», проецирующим образы, вбирающие этот «образец». Ещё в пифагорейском учении говорилось о том, что гармония объективно существует, не зависит от нашего сознания и проявляется в устройстве бытия от космоса и до микромира. А. Дистервегу принадлежит следующее высказывание: «Принцип природосообразности вечен и неизменен, как неизменны назначение и природа человечества» [4].

Особой моделью бытия на содержательном уровне является миф как картина *природосообразного бытия*, которая фиксирует основные координаты действительности в ее человеческом осмыслении. Миф включает завершённый образ мира, даёт полное знание о бытии, о его первопричинах и первоначалах, о законах всего сущего. «Мифы раскрывают структуру реальности и показывают множественные модальности бытия в мире... Не существует мифа, который бы не был раскрытием "таинства", описанием изначального события, которое устанавливает составляющую часть структуры действительности или тип человеческого поведения... он раскрывает существование и деятельность сверхчеловеческих существ, поступающих иллюстративным образом» [5]. По словам Г. Б. Бедненко [6], для человечества миф является созидательной силой,

превращающей хаос впечатлений и разрозненных событий в упорядоченную картину мира. Это создание Космоса из Хаоса. Персонажи мифов, мифологическое содержание образов сохраняет сказка. Взаимосвязь мифов и сказок находит подробное осмысление в работах В. Проппа, П. Гринцера, Е. Мелетинского, Е. В. Ермолина и др. Символический образ волшебной сказки – это своего рода импульс к поиску множества смыслов, которые, объединяясь, открывают новые образы. Е. М. Мелетинский [7] считает, что в волшебной сказке на «развалинах мифологического космоса» очерчивается микрокосм арены конфликтов. Благодаря их анализу становится возможным понимание когнитивных образований.

Итак, важнейшей категорией мифов является инициация. Движение энергии осуществляется от опорного знания к актуальному, которое эксплицируется благодаря вербализованным образам, включающим признаки опорного знания и нового. Среди лексических средств функцией вербализации концептов обладают **имена-мифологические образы**, транслирующие разнообразные когнитивно-ментальные смыслы. Приведем примеры из первой части («Erstes Abenteuer») произведения. *Noch nie hatte der Weihnachtsbaum solche reiche Früchte getragen, denn alles Zuckerwerk, wie es nur Namen haben mag, und dazwischen manche goldne Nuß, mancher goldne Äpfel aus den Gärten der Hesperiden hing an den Ästen, die sich beugten unter der süßen Last.* Согласно мифу, Геспериды обитают на окраине мира и охраняют яблоки вечной юности, которые Гера получила как свадебный подарок от Геи (URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mythology/387/Геспериды). Но какое отношение имеет понимание этого образа к смыслообразовательному процессу? Термин «понимание» обнаруживаются в герменевтике Ф. Шлейермахера. Согласно его концепции, понимание – это выявление смысла текста в ходе его грамматической и психологической интерпретации [8]. При понимании смысла Ф. Шлейермахер особо выделяет один из методов толкования – сравнительный, который подразумевает соотнесение с другими текстами [9]. Смыслорождение в процессе понимания у Ф. Шлейермахера носит психологический характер, смысл – это результат вчувствования в авторский творческий процесс и анализ текста [10]. Также Ф. Шлейермахер особо отмечает субъективность толкования и объективность смысла. Перегринус, вернувшись домой после смерти родителей, в рождественскую ночь устраивает себе праздник, словно пытаясь вернуться в детство, воображая себя маленьким мальчиком, покупая игрушки и детские книжки, которые позже раздаст детям из бедных семей. На рождественской елке Перегринуса – золотые яблоки Гесперид (**goldne Äpfel aus den Gärten der Hesperiden**), яблоки вечной молодости из подвига Геракла. В примере на передний план выступает отношение противопоставления. С одной стороны, «взрослый человек – инфантильное мировоззрение и поведение». С другой стороны, противопоставление «удел смертных – удел богов». Такое противопоставление порождает концептуальный признак рассматриваемого концепта **«гармония – единство противоположностей»**. Если человеку комфортно в его вечной «детскости», нужно ли избавляться от этого? Главным является внутренняя гармония, а не осознание того, что ты ведёшь себя так же, как и остальные люди, ставшие взрослыми. Из древнегреческого мифа (URL: http://www.teremok.in/Mifologija/Mifo_Gresija/gerakl11.htm) о подвигах Геракла следует, что через преодоление множества препятствий ему удалось добыть волшебные яблоки Гесперид. Несмотря на то, что Эврисфей подарил яблоки герою, а Геракл, в свою очередь, – Афине Палладе, они вновь возвратились к Гесперидам. Эти чудесные плоды всегда должны оставаться в заветном саду, так как вечная молодость и бессмертие – удел богов, но не судьба смертных. Кстати сказать, согласно Библии, именно яблоко является плодом познания Добра и Зла. Молодильные яблоки в волшебных сказках дарят здоровье и молодость, а в мифах – иногда и бессмертие.

Еще одно имя-мифологический образ (**das Pferd Pontifex**) в контексте сказки: *«Ein herrliches Pferd», sprach Peregrinus, das aufgezüumte Steckenpferd mit Freudentränen in den Augen betrachtend, «ein herrliches Pferd, echt arabische Race. «Er bestieg denn auch sogleich das edle stolze Roß; mochte Peregrinus aber sonst auch ein vortrefflicher Reuter sein, er musste es diesmal in irgend etwas verfehlt haben, denn der wilde Pontifex (so war das Pferd heißen) bäumte sich schnaubend und warf ihn ab, dass er kläglich die Beine in die Höhe streckte. Noch ehe indessen die zum Tode erschrockene Aline ihm zu Hilfe springen konnte, hatte Peregrinus sich schon emporgerafft und den Zügel des Pferdes ergriffen, das eben, hinten ausschlagend, durchgehen wollte. Aufs neue schwang sich Peregrinus nun auf und brachte, alle Reiterkünste aufbietend und mit Kraft und Geschick anwendend, den wilden Hengst so zur Vernunft, dass er zitterte, keuchte, stöhnte, in Peregrinus seinen mächtigen Zwangherrscher erkannte. – Aline führte, als Peregrinus abgesehen, den Gebeugten in den Stall»*. Данное имя становится источником порождения концептуального целого **«слияние различных компонентов в единое органическое целое»**. Желание Перегринуса стать великолепным наездником (*ein vortrefflicher Reuter sein*) – это желание играть те роли, которые важны для него в жизни. Конь в различных мифологических системах является символом живости мысли, мудрости, знатности, активной жизненной силы. Это все не-

обходимые атрибуты тех ролей, которые стремится играть в жизни главный герой анализируемой волшебной сказки. Конь имеет имя **Pontifex** (от лат. *pontifex* – строитель мостов) – титул верховного жреца (также император) в Риме, который своим бытием связывает две реальности – земную и божественную. Уместно вспомнить, что у Аристотеля гармония есть не что иное, как активно и непрерывно функционирующее соединение материальных и нематериальных вещей, образующее единую и целостную жизненную субстанцию. Психологического состояния гармонии личность достигает в том случае, когда возникает баланс мира и Я, баланс между источником жизненной силы и миром в душе.

Преодоление противоречий и противоречивости своего существования всегда остро переживается человеком. Он неосознанно стремится к гармонии. Рассмотрим еще один пример. «*Endlich geriet eine Frau Pate auf den glücklichen Gedanken, dem kleinen Peregrinus einen sehr bunten und, im Grunde genommen, häßlichen Harlekin mitzubringen. Des Kindes Augen belebten sich auf wunderbare Art, der Mund verzog sich zum sanften Lächeln, es griff nach der Puppe und drückte sie zärtlich an sich, als man sie ihm gab. Dann schaute der Knabe wieder das bunte Männlein an, mit solchen klugen beredten Blicken, daß es schien, als sei plötzlich Empfindung und Verstand in ihm erwacht, und zwar zu höherer Lebendigkeit, als es wohl bei Kindern des Alters gewöhnlich.*» «*Der ist zu klug*», sprach die Frau Pate, «*den werdet ihr nicht erhalten! – Betrachtet doch nur einmal seine Augen, der denkt schon viel mehr, als er soll!*» Имя-образ Арлекина (*Harlekin*) – образ трикстера (Trickster-Figur), занимающего в мифологии особое место, отражает базисные «паттерны психики» (термин Франц фон М.-Л.), концептуальную составляющую концепта ГАРМОНИЯ – «**максимальное соответствие божественному прообразу**». Существовало мнение, что изначально даже в представления о богах присутствовало трикстерное начало. Но не в бессмысленной суе ради удовлетворения сомнительных потребностей, не в пассивном «растительном» существовании и не в состоянии «детскости» заключено призвание гармоничной личности. Оно состоит в постоянном саморазвитии и самосовершенствовании, в преодолении «чуждости» окружающему миру (ср. толкование: *Peregrinus* – der Fremde, Ausländer; Peregrination, Wandern, Aufenthalt in der Fremde; Peregrinität, das Fremdsein (URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_rus/31183/peregrinus). Перегринус должен измениться, но для этого ему надо достичь понимания пустоты ребячества, открыто заявить миру о своей жизненной позиции. Ведь даже трикстер ищет в хаосе возможностей свой единственный шанс на путях а) соответствия божественному прообразу и б) пробуждения источника познания высшего в природе человеческого Я, дремлющего в глубинах человеческого сознания. Смыслопорождающим эффектом мифологического образа также является выявление еще одного концептуального признака концепта ГАРМОНИЯ. Таким составляющим концепта является «**совокупность достоинств человеческого Я, проявляющаяся в его физическом облике, поступках, речах**». Еще у пифагорийцев и у Платона, развивавшего их учение, понятие гармония придавалось социальное, нравственное значение. Список примеров может быть продолжен.

Подведем итог. Психологический дискурс волшебной сказки характеризуется ориентированностью прежде всего на выражение душевного состояния индивидуума. Предпочтение в тексте при этом отдается непрямым способам номинации. Синергия имен-мифологических образов в том, что их обобщающая сила настолько велика, что они превращаются в своеобразные знаки, сигнализирующие о накоплении определенного смысла, это своего рода система, рассмотрение которой указывает на ее открытость, так как с точки зрения этнокультуры моделируется реальность различной степени сложности. В волшебной сказке происходит передача опорного знания в зашифрованном виде через эти имена-образы. То есть сказочная семантика может быть осмыслена только исходя из ее мифологических и философских прообразов. Волшебные сказки являются источником сведений о категориальных концептах, являющихся основополагающими в процессе познания мира.

Примечания

1. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2009. С. 12.
2. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего, сознания времени / пер. с нем. В. И. Молчанова // Гуссерль Э. Сочинения. Т. 1. М.: Гнозис, 1994. XIV. С. 159.
3. См. об этом также: Плотникова С. Н. Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Т. 3. Вып. 15. 2011. С. 128.
4. Дистервег А. О природосообразности и культуросообразности в обучении // Народное образование. 1998. № 7. С. 194.
5. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. Киев, 1996. С. 15–16.
6. Бедненко Г. Б. Пространство мифа // Прикладная юридическая психология. 2008. № 4. С. 37–44.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 2000. 407 с.

8. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европ. Дом, 2004. С. 46.
9. Там же. С. 270.
10. Там же. С. 130.

Notes

1. Kubryakova E. S. V poiskah sushchnosti yazyka: vmesto vvedeniya [In search of the essence of language: introduction] // Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive studies of language. Tambov. 2009. P.12.
2. Husserl E. Fenomenologiya vnutrennego, soznaniya vremeni [Phenomenology of internal consciousness of time]. / transl. from German V. I. Molchanov // Gusserl' EH. Sochineniya – Husserl E. Works. Vol. 1. M. Gnosis. 1994. XIV. P. 159.
3. See also: Plotnikova S. N. Fraktal'nost' diskursa kak novoe lingvisticheskoe ponyatie [The fractality of the discourse as a new linguistic concept] // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Herald of Irkutsk State Linguistic University. Vol. 3. Is. 15. 2011. P. 128.
4. Diesterweg A. O prirodosobraznosti i kul'turosoobraznosti v obuchenii [On the nature-conformity and conformity to culture in education] // Narodnoe obrazovanie – National education. 1998, No. 7, p. 194.
5. Eliade M. Mify, snovideniya, misterii [Myths, dreams, mysteries]. Kiev. 1996. Pp. 15-16.
6. Bednenko G. B. Prostranstvo mifa [Space of myth] // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya – Applied legal psychology. 2008, No. 4, pp. 37-44.
7. Meletinskiy E. M. Poehtika mifa [Poetics of myth]. M. Nauka. 2000. 407 p.
8. Schleiermacher F. Germenevtika [Hermeneutics]. SPb. Europe House. 2004. P. 46.
9. Ibid. P. 270.
10. Ibid. P. 130.

УДК 82-32

Е. М. Регурецкая

Кафкианский миф «превращения» в прозе Бруно Шульца

Анализируется цикл рассказов Бруно Шульца «Коричные лавки» в сопоставлении с рассказом Франца Кафки «Превращение». Утверждается, что общим автобиографическим импульсом творчества этих писателей, создающим поле для разносторонних мифопоэтических интерпретаций, была тема взаимоотношений отца с сыном, дисгармонических у Кафки и гармонических у Шульца. О мифотворческих интенциях двух писателей свидетельствует контаминация архетипического образа отца с мифологическим мотивом превращения (оборотничества). Несмотря на кафковский генезис этой контаминативной структуры в прозе Шульца, они свидетельствуют о самобытности мифопоэтической концепции автора «Коричных лавок».

This article analyses B. Schulz's cycle of stories "The cinnamon shops" in terms of Franz Kafka's novel "The metamorphosis". It's argued that the general autobiographical impulse of writers's creativity creating field for mythopoetical diverse interpretations of the theme of the relationship between father and son, disharmonious Kafka and harmonic Schulz. On the mythcreative intentions two writers indicates contamination of archetypal image of the Father with the mythological motive of transformation (lycanthropy). Despite Kafka's genesis of this structure contaminative Schulz's prose, they testify to the identity of the author's mythological concept of "The cinnamon shops".

Ключевые слова: Шульц, Кафка, мотив превращения, отец, сын, миф.

Keywords: a Schulz, a Kafka, the motive of metamorphosis, a father, a son, myth.

Имена Кафки и Шульца уже не раз в разных контекстах многие критики и литературоведы ставили рядом. Дискуссии на эту тему имеют уже долгую историю. Между Кафкой и Шульцем не было непосредственных контактов, но Шульц знал и читал произведения Кафки, а исследователи находят в их творчестве многие типологические параллели. Например, Г. Газда высказывает даже мнение, что «само соположение этих двух фамилий – это один из самых устойчивых стереотипов в польском литературоведении, и прежде всего, в критике и в читательском мнении» [1]. Исаак Б. Зингер после прочтения произведений Бруно Шульца лаконично заключил: «Пишет, как Кафка» [2]. Подобным образом высказался современный польский поэт Адам Загаевский: «Метафизическая горячка», которая велит писателю «замахнуться на тайну бытия уже на первой странице», роднит Шульца со многими писателями Центральной Европы перелома веков, в том числе и с Кафкой» [3].

Откуда произошло высказывание, что Шульц – это «второй Кафка»? Многие считают, что тексты Шульца ассоциируются с текстами автора «Замка». По словам Н. Каменевой, «Бруно Шульц интересовался творчеством Кафки и вместе со своей невестой Юзефиной Шелиньской перевел «Процесс» Кафки, с которым позже не раз будут сравнивать его польские критики» [4]. Более того, Шульц стал иллюстратором и автором послесловия к «Процессу», в котором отметил: «Есть метод Кафки, создание параллельной, двойной замещенной реальности. Этого двойного характера своей реальности он достигает при помощи определенного рода псевдореализма», но вместе с тем «эти познания, взглядывания и проникновения», которым Кафка стремится придать вид, не являются исключительно его собственностью, они являются общим наследием мистики всех времен и народов» [5]. Эти слова полностью соответствуют определению творчества самого Шульца. Как отметил Д. Апдайк, «Кафка и Шульц — два неприметных человека, родившиеся на задворках когда-то могущественной империи, надкусили одно и то же яблоко мифотворчества, но с разных сторон» [6].

Франц Кафка и Бруно Шульц – двое классиков модерна, жителей «республики мечтаний», если использовать метафору Шульца, были из еврейских семей, жили в многокультурной и многоязычной Австро-Венгерской империи, впитывали лучшие достижения австрийской культуры. Оба смогли трансформировать пронизательную наблюдательность в пророчество, описывая сны и кошмары так точно, словно это были факты из жизни, оба пролили свет на человеческую натуру и были очевидцами истории, дополняя друг друга. И. Клек справедливо замечает некую «снородность» их творческого метода, подчеркивая для обоих писателей важность «мотива трансформации, превращения, взаимоперетекания книги и мира» [7]. Оба жили в провинции (для Франца Кафки, немецкоязычного писателя в чешском городе, Прага была скорее духовной провинцией, неким символом оторванности от метрополии, а родной город Дрогобыч, относящийся к так называемым довоенным «кресам» Польши (kresy по-польски – границы, рубежи), имел «экзистенциальное» значение для биографии Шульца.

Основная тема творчества писателей – отношение отцов и детей. Отец Кафки был «домашним тираном, питающим презрение к культуре, духовным ценностям и литературному творчеству сына», тогда как отец Шульца был скромным владельцем мануфактурной лавки, «симпатичным эксцентриком, но которому не везло ни в счастье, ни в здоровье» [8].

У Кафки, по словам Е. М. Мелетинского, обнаруживается в той или иной степени «переворачивание» мифа, его частичное превращение в антимиф [9]. Шульцевская интерпретация роли отца парадоксальным образом способствует усилению мифа. Отец стал одним из основных героев произведения Шульца. Показательным является момент превращения отца в птицу – аналог «Превращения» Кафки. Как известно, в «Превращении» роль жертвы играет сын – кормилец семьи Грегор Замза, превращенный в насекомое, от которого все отвернулись, в том числе и любимая сестра: «Я не стану произносить при этом чудовище имя моего брата и скажу только: мы должны попытаться избавиться от него» [10]. У Шульца, наоборот, жертвой является отец. Изначально сын запоминает отца как птицу: «Даже руки, сильные, длинные, худые кисти отца, с выпуклыми ногтями имели свое сходство с когтями кондора... Характерно то, что кондор пользовался ночным горшком отца» [11]; («Nawet ręce, silne w węzłach, długie, chude dłonie ojca, z wypukłymi paznokciami, miały swój analogon w szponach kondora... Charakterystyczne jest, że kondor używał wspólnego z moim ojcem naczynia nocnego») [12].

В «Превращении» Кафки мы наблюдаем процесс трансформации человека в насекомое, который приводит главного героя к разрыву с семьей, к полному одиночеству. Такую же реакцию семьи на превращение отца в кондора и затем в таракана мы замечаем у Шульца. Главные герои произведений – Иаков Шульц и Грегор Замза потеряли связь с социумом, с близкими. У Шульца, в отличие от Кафки, мы наблюдаем два превращения различного характера: превращение в кондора романтизирует образ отца и усиливает его культ, он предстает перед нами творцом, создателем «птичьего царства»: «Не ограничиваясь выводением из яиц все новых и новых особей, мой отец устраивал на чердаке птичьи свадьбы» [13]; («Nie przestając na wylęganiu coraz nowych egzemplarzy, ojciec mój urządzał na strychu wesela ptasie») [14]. Второе превращение отца в таракана уже развенчивает этот культ, мы наблюдаем процесс деградации, когда семья перестает замечать человека, «поглощенного тараканьими делами» [15] («zaplątany w afery karakonie») [16]. В «Санатории под Клепсидрой» продолжена цепочка метаморфоз: отец превращается в муху (рассказ «Мёртвый сезон»). Метаморфоза героя (его превращение в безобразное насекомое) – это знак отъединения, отчуждения, конфликта с семьей и обществом [17].

Измученный отец Шульца является жертвой так же, как и Грегор Замза, – сначала выпадает из социума и затем умирает. С другой стороны, для ребенка в произведении «Коричневые лавки» мир отца становится чем-то удивительным, он наблюдает за ним, как за некой диковинкой, за-

мечая со стороны изменения, происходящие с отцом. Если в «Превращении» до самого конца рассказа сохраняется «внутренняя» точка зрения, то есть существует невидимый наблюдатель, который находится в комнате Грегора, зная при этом его мысли, чувства, то в «Коричных лавках» Шульца, наоборот, есть «внешняя» точка зрения, и читатель, по сути, ничего не знает, кроме фактов превращения. Фигура отца сохраняет для читателя свою таинственность, загадочность.

Превращение Грегора провоцирует разлад в семье, поэтому смерть Грегора-насекомого воспринимается всеми домашними как возвращение божьего благословения: «Ну вот, – сказал господин Замза, – теперь мы можем поблагодарить Бога» [18].

Шульц описывает метаморфозу отца следующим образом: «...он стоял на четвереньках, одержимый fascinaцией отвращения, которое вовлекло его в лабиринты путанных своих ходов. Отец шевелился сложным многочленистым движением странного ритуала, в котором я с ужасом узнал подражание тараканьей повадке» [19]; («...leżał na czworakach, opętany fascynacją awersji, która go wciągała w głąb swych zawitych dróg. Mój ojciec poruszał się wieloczłonkowym, skomplikowanym ruchem dziwnego rytuału, w którym ze zgrozą poznałem imitację ceremoniału karakoniego») [20]. Сын не с облегчением, а с некой грустью наблюдает за тем, как заканчивается удивительная «гениальная эпоха» отца. Если в «Превращении» смерть героя воспринимается его близкими как возвращение нормального порядка вещей, то в прозе Шульца соответствующая метаморфоза, произошедшая с отцом, и последующая смерть является не утратой и новым обретением нормы, а катастрофическим событием: после смерти отца мир уже не может возвратиться к нормальному состоянию.

Полностью справедливо резюме И. Клеха: «В мире Шульца разыгралась драма поражения отца» [21]. В двух книгах «Коричные лавки» и «Санатория под Клепсидрой» Шульц воскрешает своего отца в его силе и величии. Но если в мире реальном смерть отца является непоправимой катастрофой, то в ирреальном мире творческой фантазии (повести «Коричные лавки» и «Санаторий под Клепсидрой») возрождается мир детства рассказчика, демиургом которого был отец.

Всё вышесказанное позволяет воспринимать Шульца не просто как автора «переложения» художественного мифа Кафки на польский язык, а как самобытного художника-мифотворца, для которого диалог с Кафкой стал импульсом к собственным художественным открытиям.

Примечания

1. *Gazda G.* O drodze do literatury. URL: http://www.art.intv.pl/Gazda_G./Wywiady/.
2. Из книги Филипа Рота «Разговоры на равных». Беседа с Исааком Зингером о Шульце. URL: http://www.ji-magazine.lviv.ua/anons2012/Rot_Interview_s%20Zingerom_pro_Szulca.htm.
3. *Загаевский А.* Дрогобыч и мир. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/8/shulc.html>.
4. *Каменева Н.* Мифологическая проза Бруно Шульца (Бруно Шульц. Библиографический указатель). Иерусалим; М., 1998.
5. *Schulz B.* Opowiadania. Wybór esejów i listów // Opracował Jarzębski J., wydanie drugie przejrane i uzupełnione. Wrocław, 1998. 65 s.
6. *Андайк Д.* Польские метаморфозы. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/8/shulc.html>.
7. *Клех И.* Инцидент с классиком: О классиках польских, чешских и русских. М., 1998. С. 3.
8. *Gazda G.* Указ. соч.
9. *Мелетинский Е.* Миф и двадцатый век // Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998.
10. *Кафка Ф.* Превращение / пер. с нем. С. Апт. СПб., 2005. 35 с.
11. *Шульц Б.* Коричные лавки / пер. с пол. А. Эппель. М., 1993. 30 с.
12. *Schulz B.* Sklepy synaomonowe. Warszawa, 1933. 30 s.
13. *Шульц Б.* Указ. соч.
14. *Schulz B.* Указ. соч.
15. *Шульц Б.* Указ. соч.
16. *Schulz B.* Указ. соч.
17. *Мелетинский Е.* Указ. соч.
18. *Кафка Ф.* Указ. соч.
19. *Шульц Б.* Указ. соч.
20. *Schulz B.* Указ. соч.
21. *Клех И.* Указ. соч.

Notes

1. *Gazda G.* O drodze do literatury. URL: http://www.art.intv.pl/Gazda_G./Wywiady/.
2. From the book by Philip Roth «Razgovory na ravnyh» ["Conversations on equal"]. Conversation with Isaac Singer about Schultz. Available at: http://www.ji-magazine.lviv.ua/anons2012/Rot_Interview_s%20Zingerom_pro_Szulca.htm.
3. *Zagajewski A.* Drohobych i mir [Drohobych and the world]. Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/8/shulc.html>.
4. *Kameneva N.* Mifologicheskaya proza Bruno SHul'ca (Bruno SHul'c. Bibliograficheskij ukazatel') [Mythological prose of Bruno Schulz (Bruno Schulz. Bibliographic index)]. Jerusalem; M. 1998.

5. Schulz B. Schulz B. Opowiadania. Wybór esejów i listów // Opracował Jarzębski J., wydanie drugie przejrzone i uzupełnione. Wrocław. 1998. 65 p.
6. Updike D. Pol'skie metamorfozy [Polish metamorphosis].
Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/8/shulc.html>.
7. Klöch I. Incident s klassikom: O klassikah pol'skih, cheshskih i russkih [Incident with the classic: the classics of Polish, Czech and Russian]. M. 1998. P.3.
8. Gazda G. Op. cit.
9. Meletinskii E. Mif i dvadcatyj vek [Myth and the twentieth century] // Izbrannye stat'i. Vospominaniya – Selected articles. Memories. M. 1998.
10. Kafka F. Prevrashchenie [Transformation] / transl. from German. S. Apt. SPb. 2005. 35 p.
11. B. Schulz Korichnye lavki [Cinnamon shops] / transl. from Polish. A. Appel. M. 1993. 30 p.
12. B. Schulz Sklepy cynamonowe. Warszawa, 1933. 30 p.
13. Schulz B. Op. cit.
14. Schulz B. Op. cit.
15. Schulz B. Op. cit.
16. Schulz B. Op. cit.
17. Meletiskii E. Op. cit.
18. Kafka F. Op. cit.
19. Schulz B. Op. cit.
20. Schulz B. Op. cit.
21. Klöch I. Op. cit.

ПЕРСОНАЛИИ

Памяти Светланы Владимировны Черновой

10 июня 2016 года ушла из жизни Светлана Владимировна Чернова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, член редколлегии журнала «Вестник ВятГГУ».

С. В. Чернова родилась 30 октября 1948 года в городе Рославле Смоленской области в учительской семье. В 1971 году окончила факультет русского языка и литературы, в 1979-м – аспирантуру при Куйбышевском государственном педагогическом институте. В 1981 году была принята на должность ассистента кафедры педагогики и методики начального обучения Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. В 1982 году защитила кандидатскую диссертацию, в 1986-м стала доцентом. С 1987 по 1994 год заведовала кафедрой русского языка и методики его преподавания в начальных классах. В 1994 году перешла на должность доцента кафедры русского языка филологического факультета, а в 1996 году – на должность старшего научного сотрудника, для работы над докторской диссертацией, которую защитила в 1997 году. В 1999 году стала профессором. С 1998 по 2012 год Светлана Владимировна была заведующей кафедрой русского языка.

Последние годы С. В. Чернова занимала должность профессора кафедры русского языка ВятГГУ, читала такие курсы, как «Современный русский язык», «Введение в языкознание», «Введение в теорию коммуникации», «Дискурсивный анализ текста», «Прикладная лингвистика», «Методы лингвистических исследований», спецкурс «Лингвистика сегодня: прагматические и когнитивные аспекты анализа языковых единиц» и др., руководила магистратурой.

С. В. Чернова всегда активно занималась исследовательской работой, опубликовав около 150 научных трудов, в том числе две монографии: «Модальные глаголы в современном русском языке. Семантическая модель “замысел – осуществление замысла”» (Киров, 1998) и «Деятельность: лингвистический анализ» (Киров, 2008). Возглавляла научную школу системно-функциональной и интерпретационной лингвистики, инициировала грантовые исследования кафедры, участвовала в научных конференциях и сама их организовывала, публиковалась в реферируемых научных журналах, на протяжении многих лет являлась научным редактором межвузовского сборника научных трудов «Семантика. Функционирование. Текст».

С. В. Чернова руководила аспирантурой по специальности 10.02.01 – русский язык. Под её руководством успешно защитили кандидатские диссертации 12 аспирантов из Кирова, Елабуги, Сыктывкара, Китая. Была председателем диссертационного совета Д 212.041.04 при Вятском государственном гуманитарном университете (с 2007 по 2015 год), а также членом диссертационных советов ДМ 212.166.02 при Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (2003–2007 и 2009–2012 годы) и ДМ 212.191.04 при Северодвинском филиале Поморского (ныне – Северного Арктического федерального) университета им. М. В. Ломоносова (2008–2015 годы).

С. В. Чернова была награждена Грамотой Минобразования РФ, имела звание «Почётный работник высшего профессионального образования», была членом Учёного совета университета и экспертного совета университета, входила в редколлегию реферируемого научного журнала «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета».

С. В. Чернову и её работы хорошо знали учёные-русисты по всей стране и за рубежом. Свои соболезнования на смерть Светланы Владимировны прислали коллеги из Архангельска, Белгорода, Владимира, Екатеринбурга, Елабуги, Казани, Калуги, Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Саранска, Северодвинска, Ставрополя, Сыктывкара, Томска, Ярославля, из польского Ольштына... Кировские коллеги и ученики Светланы Владимировны тоже навсегда сохранят о ней светлую память как о незаурядном учёном, энергичном вдохновителе многих начинаний кафедры, добром и порядочном человеке.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНТОШКИНА Екатерина Александровна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского. 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14.

E-mail: realkat@rambler.ru

БЕЛЫХ Анна Алексеевна – аспирант кафедры «Лингвистика», Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова. 426069, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.

E-mail: ann.belykh2014@yandex.ru

БОГАТЫРЕВА Наталия Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: bognat5@yandex.ru

БОГОВ Владимир Алексеевич – аспирант кафедры отечественной истории и этнологии ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: vlad.bogov@gmail.com

ГЕРАСЬКИН Юрий Вениаминович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46.

E-mail: gera56@inbox.ru

ГУМЕРОВА Нина Рашидовна – аспирант кафедры зарубежной литературы и художественной культуры, Башкирский государственный университет. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

E-mail: nina.gumerova@gmail.com

ДОКУЧАЕВА Юлия Игоревна – аспирант, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108.

E-mail: nobuko@rambler.ru

ДОМСКИЙ Максим Витальевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор исторических исследований, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики. 614070, г. Пермь, ул. Студенческая, 38.

E-mail: heliand@yandex.ru

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и этнологии ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: wikma116@rambler.ru

МИРОШНИЧЕНКО Галина Геннадьевна – аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений. 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: Galina_asp@mail.ru

ПОВОД Илья Владимирович – соискатель ученой степени кандидата наук на кафедре истории России, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина. 390000, г. Рязань, ул. Есенина, 57.

E-mail: povodki@mail.ru

ПОДДУБНАЯ Марина Михайловна – ассистент кафедры философии, истории и политологии, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского. 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14.

E-mail: margrib_82@mail.ru

ПОСТНИКОВА Светлана Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной лингвистики отделения иностранных языков филологического факультета, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.

E-mail: svetpost11@yandex.ru

РЕГУРЕЦКАЯ Екатерина Михайловна – аспирант Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. 236038 г. Калининград, ул. А. Невского, 14а.

E-mail: post@kantiana.ru

РУЖЕНЦЕВ Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и гуманитарной подготовки, Воронежский государственный медицинский университет. 394036, г. Воронеж, ул. Студенческая, 10.

E-mail: rsevrn@gmail.com

СКОКОВА Татьяна Николаевна – доцент кафедры немецкого и французского языков факультета иностранных языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: skokova@bsu.edu.ru

ТИХОВОДОВА Анастасия Владимировна – доцент кафедры философии и социально-правовых наук, Волжский государственный университет водного транспорта. 603005, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, 5а.

E-mail: tikhovodova@list.ru

ХУБИЕВА Заира Альбертовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных, гуманитарных, экономических, прикладных и правовых дисциплин, Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия. 369001, г. Черкесск, ул. Космонавтов, 100.

E-mail: zaira.kor@yandex.ru

ЧЕМОДАНОВ Игорь Владиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и этнологии ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: kaf_arh@vshu.kirov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ANTOSHKINA Ekaterina Aleksandrovna – Candidate of Philosophical Sciences, senior lecturer of the Department of philosophy, history, political science, Bryansk State University n. a. academician I. G. Petrovsky. 14 Bezhitskaya str., 241036, Bryansk.

E-mail: realkat@rambler.ru

BELYKH Anna Alekseevna – postgraduate student of the Department of Linguistics, Izhevsk State Technical University n.a. M. T. Kalashnikov. 7 Studencheskaya str., 426069, Udmurt Republic, Izhevsk.

E-mail: ann.belykh2014@yandex.ru

BOGATYREVA Natalia Dmitrievna – Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and foreign literature of VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: bognat5@yandex.ru

BOGOV Vladimir Alekseevich – postgraduate student of Russian history and Ethnology of VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: vlad.bogov@gmail.com

GERAS'KIN Yurii Veniaminovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History at Ryazan State University n.a. S. A. Yessenin. 46 Svobody str., 390000, Ryazan.

E-mail: gera56@inbox.ru

GUMEROVA Nina Rashidovna – postgraduate student of the Department of foreign literature and art culture of the Bashkir State University. 32 Zaki Validi str., 450076, Ufa.

E-mail: nina.gumerova@gmail.com

DOKUCHAEVA Yulia Igorevna – postgraduate student, Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K. D. Ushinsky. 108 Respublikanskaya str., 150000, Yaroslavl.

E-mail: nobuko@rambler.ru

DOMSKIY Maksim Vitalievich – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, sector of historical research, National Research University Higher School of Economics. 38 Studencheskaya str., 614070, Perm.

E-mail: heliand@yandex.ru

MASHKOVTSSEV Andrey Anatolievich – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Russian history and Ethnology of VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: wikma116@rambler.ru

MIROSHNICHENKO Galina Gennad'evna – postgraduate student of the Department of Romano-Germanic Philology and intercultural communication, Institute of intercultural communication and international relations. 85 Pobedy str., 308015, Belgorod.

E-mail: Galina_asp@mail.ru

POVOD Ilya Vladimirovich – applicant for academic degree of Candidate of Sciences at the Department of Russian history at Ryazan State University n.a. S. A. Yessenin. 57 Yessenin str., 390000, Ryazan.

E-mail: povodki@mail.ru

PODDUBNAYA Marina Mikhailovna – assistant on the Department of Philosophy, History and political science, Bryansk State University n. a. academician I. G. Petrovsky. 14 Bezhitskaya str., 241036, Bryansk.

E-mail: margrib_82@mail.ru

POSTNIKOVA Svetlana Vasilievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of foreign linguistics Department of foreign languages of the Philological faculty of Nizhny Novgorod State University n.a. N. Lobachevsky. 37 Bolshaya Pokrovskaya str., 603000, Nizhniy Novgorod.

E-mail: svetpost11@yandex.ru

REGURETSKAYA Ekaterina Mikhailovna – post-graduate student of Baltic Federal University n. a. Immanuel Kant. 14A A. Nevskiy str., 236038, Kaliningrad.

E-mail: post@kantiana.ru

RUZHENTSEV Sergey Evgenievich – Candidate of Historical Sciences, associate Professor, head of Department of Philosophy and Humanities, Voronezh State Medical University. 10 Stydencheskaya str., 394036, Voronezh.

E-mail: rsevrn@gmail.com

SKOKOVA Tatiana Nikolaevna – Associate Professor of the Department of German and French languages, faculty of foreign languages, Belgorod State National Research University. 85 Pobedy str., 308015, Belgorod.

E-mail: skokova@bsu.edu.ru

TIKHOVODOVA Anastasia Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-legal Sciences, Volga State University of Water Transport. 5A Nesterova str, 603005, Nizhniy Novgorod, Russia.

E-mail: tikhovodova@list.ru

HUBIEVA Zaira Albertovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of social, humanitarian, economic, engineering and legal disciplines, North Caucasus State Humanitarian-Technological Academy. 100 Kosmonavtov str., 369001, Cherkessk.

E-mail: zaira.kor@yandex.ru

CHEMODANOV Igor Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian history and Ethnology of VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: kaf_arh@vshu.kirov.ru

Научный журнал № 6 (2016)

Подписано в печать 30.06.2016 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5. Тираж 1000. Заказ № 83.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36